



ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 12

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2022

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 12 [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 2,17 Мб). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. – 180 с. : илл. – URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik12>.
ISSN 2618-9046

В двенадцатом выпуске электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» представлены работы, подготовленные на основании данных 29 волн панельного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 1992–2020 гг.

В выпуске особое внимание уделено изучению влияния пандемии коронавируса (COVID-19) на социально-экономическое положение российских домохозяйств и повседневную жизнь россиян. Работы, посвященные пандемии, дополняют исследования массовых представлений о межпоколенческой кооперации и межпоколенческом трансфере практик потребления алкоголя в российских семьях.

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi: [10.19181/rlms-hse.2022](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022)

ISSN 2618-9046

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2022

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2020 гг.	7
<i>Рощина Я. М.</i> Как пандемия изменила жизнь россиян?	92
<i>Рощина Я. М., Харитоновна А. А.</i> Модели протективного поведения россиян в условиях пандемии в 2020 году	110
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений в постсоветской России (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2020 гг.)	129
<i>Кондратенко В. А.</i> Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006–2019 гг.	150
Сведения об авторах	178

Contents

Введение	5
<i>Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.</i> Socio-Economic Behavior of Russian Households in 1994–2020	7
<i>Roshchina Ya. M.</i> How Did the COVID-19 Pandemic Change Everyday Life in Russia?	92
<i>Roshchina Ya. M., Kharitonova A. A.</i> Health-Protective Behavior in Russia During the First Year of the COVID-19 Pandemic	110
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Seeking Common Ground: Intergenerational Cooperation in Post-Soviet Russia (An Overview on the Bases of RLMS-HSE Data for 1994–2020)	129
<i>Kondratenko V. A.</i> Alcohol Consumption by Russian Youth and Their Parents in 2006–2019	150
Contributors	178

ВВЕДЕНИЕ

В этом выпуске «Вестника» представлены результаты сравнительного анализа данных 29 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ), проходившей в декабре 2020 г., на исходе первого года пандемии коронавируса. Благодаря тому, что опросы РМЭЗ НИУ ВШЭ проводятся ежегодно по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой выборке, репрезентативной для всего населения Российской Федерации, полученные результаты позволяют составить достаточно полную картину того, как пандемия повлияла на социально-экономическое положение и поведение российских домохозяйств.

Выпуск открывает коллективная статья, содержащая основные результаты анализа социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994–2020 гг. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о значительном падении реальных доходов и расходов домохозяйств к концу первого года пандемии. Уровень неравенства по доходам не изменился, в то же время разрыв в расходах бедных и состоятельных домохозяйств вырос. Несмотря на простой многих предприятий во время локдаунов, уровень безработицы остался на прежних минимальных значениях. Задолженность по заработной плате и пенсиям возросла, но осталась в пределах 2,5–6,5% общего числа лиц, получающих доход из этих источников. Степень удовлетворенности жизнью и материальным положением семей не изменилась, хотя доля оптимистов в отношении как экономических, так и карьерных перспектив значительно снизилась.

Продолжает выпуск статья Я. М. Рощиной «Как пандемия изменила жизнь россиян?», где автор анализирует, как изменилось цифровое потребление россиян в условиях пандемии, и как в целом граждане отреагировали на распространение коронавирусной инфекции и меры, введенные для борьбы с ней. Ожидается, пандемия способствовала распространению, увеличению объемов и диверсификации цифрового потребления. Информированность населения о случаях заражения коронавирусом была достаточно высокой, тем не менее большинство россиян оценивало влияние пандемии и локдаунов на свою жизнь как незначительное. Наиболее уязвимой группой в этой ситуации оказались пожилые люди, однако, их включение в цифровую среду позволило до некоторой степени нивелировать негативные эффекты локдаунов.

В статье Я. М. Рощиной и А. А. Харитоновой «Модели протективного поведения россиян в условиях пандемии в 2020 г.» рассматривается отношение граждан к различным мерам защиты от коронавирусной инфекцией. Как показали исследователи, до ввода в гражданский оборот вакцины большинство россиян считало ношение масок, мытье рук и социальную дистанцию эффективными способами борьбы с заражением, однако, высокая оценка эффективности не всегда предполагала следование указанным мерам. Если говорить о реализации тех или иных протективных мер в повседневном поведении, то россияне разделились на приверженцев минимальной, умеренной и максимальной стратегии защиты, а также тех, кто придерживался стратегии профилактики. Сторонники минимальной стратегии чаще всего высказывали сомнения относительно вакцин, однако, общий уровень недоверия к вакцинации также оказался достаточно высоким.

В статье «Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений в постсоветской России (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2020 гг.)» П. М. Козырева и А. И. Смирнов исследуют изменение уровня толерантности представителей различных поколений по отношению друг к другу, а также динамику представлений о возможностях межпоколенческой кооперации. Авторы продемонстрировали, что удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, уровень доверия, отсутствие или ослабление чувства одиночества положительно влияют на взаимопонимание и оценку возможностей сотрудничества поколений. Крепкие семейные узы также повышают вероятность принятия представителями других поколений и готовность к сотрудничеству с ними. Примечательно, что влияние цифровых технологий на уровень толерантности и представления о межпоколенческой кооперации до сих пор остается ограниченным и фрагментарным.

Завершает выпуск статья В. А. Кондратенко «Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006–2019 гг.». Автор анализирует, как с годами снижается потребление алкоголя среди российской молодежи, какие алкогольные напитки и в какой комбинации предпочитают употреблять молодые люди, и как влияет потребление алкоголя родителями на их детей. На выбор молодых людей в пользу потребления алкоголя или воздержания, прежде всего, влияет неумеренное потребление алкоголя родителями, а также отсутствие родителей (одного из родителей) в домохозяйстве. Заметно повышает склонность молодежи к потреблению алкоголя отсутствие в домохозяйстве отца в сочетании с неумеренным потреблением алкоголя матерью.

*Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э.,
Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 1994–2020 гг.

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.1

Аннотация. В работе на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) дана характеристика социально-экономического положения российских домохозяйств на исходе первого года пандемии COVID-19. По сравнению с предшествующим годом в декабре 2020 г. наблюдалось снижение средних реальных доходов домохозяйств на 30,4%, при этом совокупный месячный доход от заработной платы сократился на 31,3%, а доход от государственных трансфертных платежей упал на 29%. Показатель неравенства по доходам остался на прежнем уровне: средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. Ежемесячные расходы домохозяйств в 2020 г. сократились на 30%, что стало наиболее заметным падением расходов за все время проведения мониторинга. Разрыв по уровню расходов между состоятельными и малообеспеченными домохозяйствами вырос с 4,7 до 5,1 раза. По сравнению с 2019 г. снизился и уровень безработицы (с 3,6 до 3,4%), и коэффициент участия в рабочей силе (с 81,5 до 80,9%). Доля работников, столкнувшихся с задолженностями по заработной плате, увеличилась с 1,1 до 2,5%. Доля лиц пенсионного возраста, не получивших пенсию за последний месяц, выросла с 2,6 до 6,5% среди мужчин и с 2,8 до 4,1% среди женщин. Несмотря на то, что в 2020 г. уровень удовлетворенности материальным положением и жизнью в целом не изменился, доля россиян, отмечавших ухудшение своего материального положения в настоящем, выросла с 21,3 до 28,8%, а доля тех, кто ждал его улучшения в будущем, снизилась с 21,8 до 15,9%. Доля лиц, обеспокоенных угрозой потери работы, увеличилась с 61,0 до 63,9%. Вместе с тем снизился уровень уверенности в возможностях последующего трудоустройства. Доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своим текущим местом работы, в 2020 г. составила 71,9%. Одной из главных претензий работников, как и в прошлые годы, оставался недостаточно высокий уровень оплаты труда, однако степень удовлетворенности заработной платой среди работников в целом повысилась.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки, пандемия, COVID-19

В 2020 г. российская экономика столкнулась с огромными трудностями, вызванными комплексом причин, которые были обусловлены как чисто экономическими факторами, так и негативными последствиями поразившей весь мир пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Стремительное распространение инфекции и жесткие меры по ее сдерживанию стали беспрецедентным вызовом для всех мировых экономик. В России острый экономический кризис, спровоцированный пандемией, негативно сказался практически на всех секторах экономики и привел к частичному закрытию большинства отраслей, что стало главной причиной значительного сокращения валового внутреннего продукта. Вследствие сокращения производства и падения мирового спроса на энергоресурсы снизилась добыча нефти и других полезных ископаемых. Ограничительные меры, направленные на борьбу с коронавирусной инфекцией, вызвали не только резкое сокращение производства, но и снижение потребительского спроса, что только усугубило и без того сложную ситуацию. В результате развития этих и ряда других негативных процессов и тенденций, экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, серьезно сказался на уровне жизни населения. Карантинные меры и приостановка деятельности многих компаний и предприятий привели к росту безработицы, снижению доходов и потребительской активности населения.

Как отмечается в аналитическом бюллетене «Социально-экономическое положение регионов РФ: Итоги 2020 г.», в 2020 г. в России на фоне пандемии произошло падение большинства макроэкономических показателей. Снизились промышленное производство, оборот розничной торговли, объем инвестиций в основной капитал. Помимо этого, выросла безработица и сократились реальные денежные доходы населения. Ни в одном субъекте РФ по итогам 2020 г. не отмечалась положительная динамика по всем основным макроэкономическим показателям (индекс промышленного производства, динамика объема работ, выполненных в строительстве, динамика оборота розничной торговли и динамика реальных денежных доходов). При этом падение по всем основным показателям произошло в двадцати регионах¹.

По данным Федеральной службы государственной статистики, валовый внутренний продукт России, после снижения темпов роста с 2,5% в 2018 г. до 1,3% в 2019 г., в пандемийном 2020 г. сократился на 3%. Это было самое значительное падение российской экономики, начиная с 2009 г., когда ВВП снизился на 7,8%. ВВП сокращался также в 2015 г., но лишь на 2%.

¹ Социально-экономическое положение регионов РФ: Аналитический бюллетень. Вып. 41: Итоги 2020 года / РИА Рейтинг. М., 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo41.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

На динамику ВВП в 2020 г. повлияли снижение внутреннего конечного спроса (на 5% в годовом выражении) и рост чистого экспорта товаров и услуг за счет опережающего сокращения импорта (на 13,7%) по сравнению с экспортом (снизился на 5,1%). В отраслевом разрезе под влиянием карантинных ограничений сильнее всего сократилась добавленная стоимость в отраслях, ориентированных на обслуживание населения: гостиничный бизнес и общепит (минус 24,5%), культура, спорт, досуг и развлечения (минус 11,4%), транспорт (минус 10,6%), прочие услуги населению (минус 6,8%). Под влиянием снижения цен на нефть и условий сделки ОПЕК+ по сокращению нефтедобычи в России упала как добыча нефти и газа в физическом выражении (на 10,3%), так и индекс-дефлятор, отражающий ценовые изменения (минус 17,6%). В целом промышленное производство за 2020 г. снизилось на 2,9%. Рост был зафиксирован только в пяти отраслях: финансовая и страховая деятельность (плюс 7,3%), государственное управление, безопасность (плюс 2,3%), операции с недвижимостью (плюс 1,2%), сельское хозяйство (плюс 0,2%), информация и связь (плюс 0,2%). При этом число регионов с положительной динамикой промышленной сферы сократилось вдвое — до 34. В сфере розничной торговли произошло падение на 4,1%.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

По итогам 2020 г. была зафиксирована инфляция в стране на уровне 4,9%, что было заметно выше установленного Банком России целевого значения. В начале 2020 г. Банк России прогнозировал дальнейшее снижение годовой инфляции. Предполагалось, что с учетом проводимой денежно-кредитной политики годовая инфляция составит по итогам года 3,5–4% и останется вблизи 4% в дальнейшем. Отмечалось также улучшение инфляционных ожиданий населения. Доля респондентов, ожидающих в 2020 г. инфляцию значительно выше 4%, снизилась на 5 п.п. — до 44%, что, вероятно, во многом отражало низкую инфляцию в 2019 г. (3%)¹.

Рост инфляции в 2020 г. во многом был связан с падением курса рубля, ростом внутренних цен из-за сокращения ВВП и отчасти из-за падения потребительского спроса вследствие кризиса и карантинных ограничений. В 2020 г. наблюдалось два заметных всплеска темпов инфляции. Первое, кратковременное ускорение роста потребительских цен было отмечено в марте-апреле после резкого падения курса рубля вслед за обвалом мировых цен на нефть. Второй инфляционный скачок, более высокий и заметный, начался в ноябре 2020 г. и продолжился в следующем году. Инфляция оказалась самой высокой за последние четыре года. Так, в 2016 г. она составила 5,5%, в 2017 г. — 2,5%, в 2018 г. — 4,3%, а в 2019 г. — 3%. Но если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что в 2015 г. инфляция достигла огромных 12,9%, в 2014 г. — 11,4%, в 2013 г. — 6,5%, в 2012 г. — 6,6%, в 2011 г. — 6,1%.

¹ Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. № 1 (37). Январь 2020 года: / Банк России. 2020. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27065/Inf_exp_20-01.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

Больше всего в 2020 г. подорожали продовольственные товары – на 6,7%. Наибольший рост цен был зафиксирован на такие продукты питания, как яйца (13,2%) и овощи (8,5%). Цены на табак и табачные изделия выросли почти на 9,9%. В декабре 2020 г. также выросли цены на алкогольные напитки – на 2,8% в годовом выражении и на 0,2% в месячном. Непродовольственные товары за год подорожали на 4,8%. При этом цены на медикаменты за 2020 г. выросли на 8,6%. Подорожали некоторые товары, входящие в перечень непродовольственных товаров первой необходимости: спички – на 2,3%, пеленки для новорожденных – на 1%, мыло хозяйственное – на 0,7%, дизельное топливо, мыло туалетное, подгузники детские – на 0,4%, сухие корма для домашних животных – на 0,2%. Рост цен на услуги составил 2,7%.

Обобщенные сведения об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с 1996 г. (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги), представлены на рисунке 1.

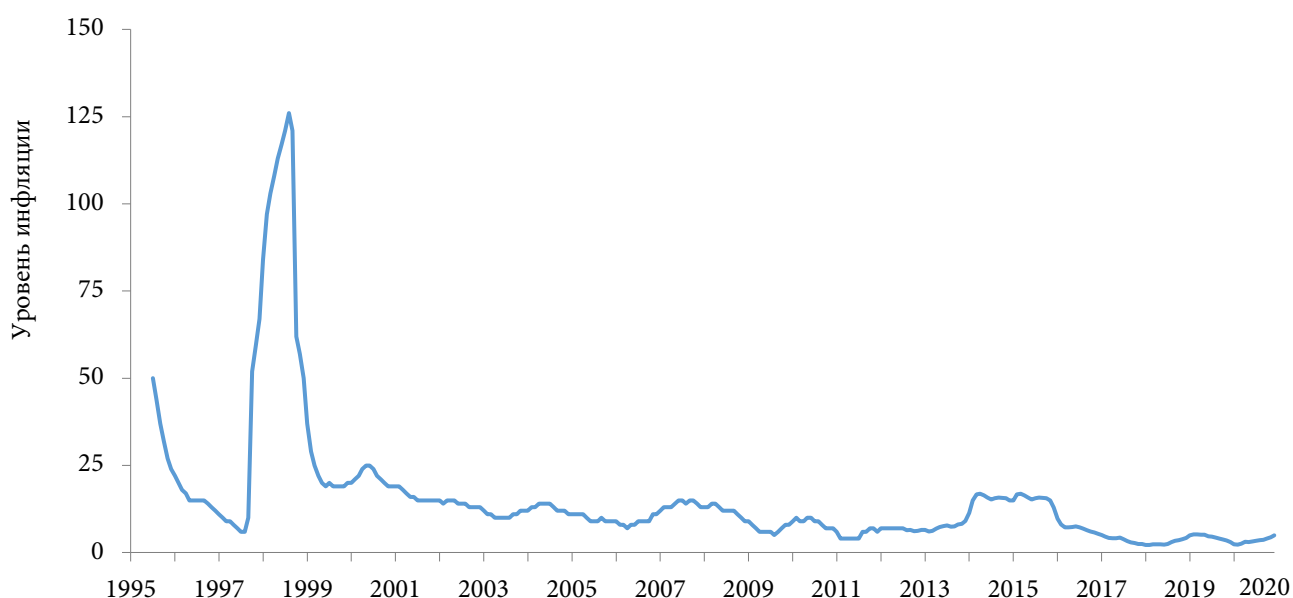


Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции (декабрь 1995 г. – декабрь 2020 г.), в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

Обращаясь к представленным на рисунке 1 данным, необходимо учитывать, что в середине 1990-х гг. инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в отдельных случаях превышали 1000% и 2000%. Но начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены существенные инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции.

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов домохозяйств в опросах РМЭЗ НИУ ВШЭ в период с октября 2000 г. по декабрь 2020 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции.

Это необходимо учитывать, обращаясь к данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998 г. и ряд предшествующих лет, в ходе анализа и истолкования изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На следующем рисунке 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения РМЭЗ НИУ ВШЭ. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

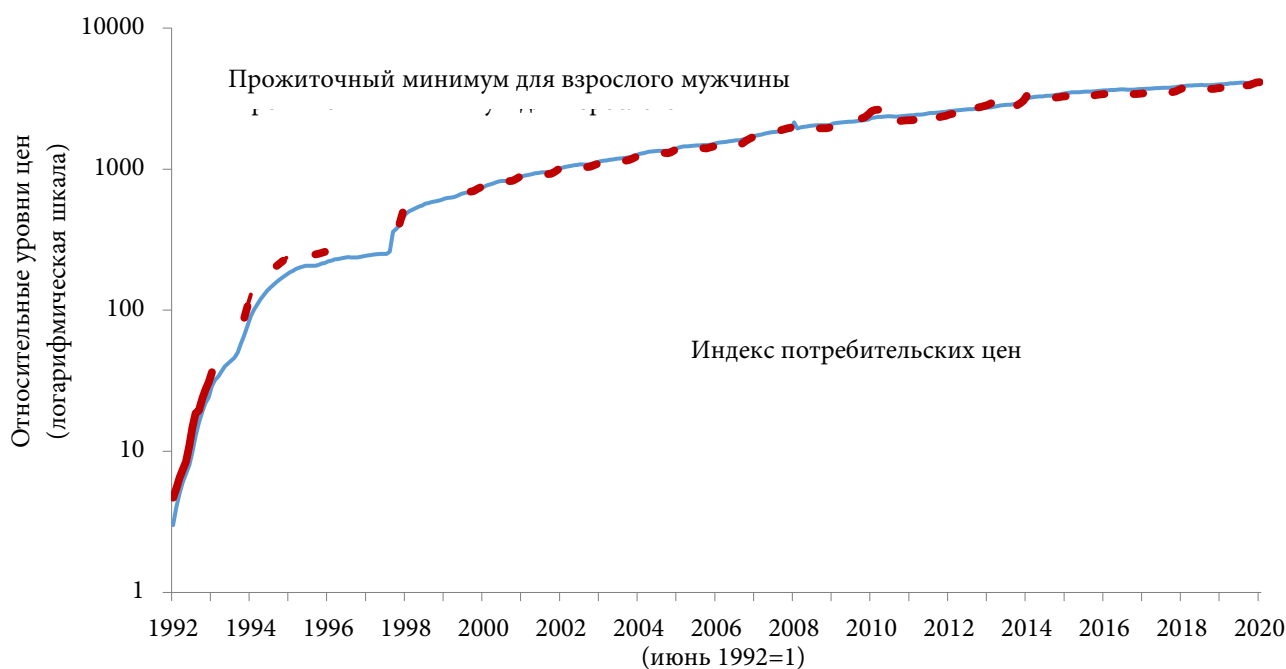


Рис. 2. Уровень цен по месяцам (декабрь 1992 г. – декабрь 2020 г.)

Данные, приведенные на рисунке 2, показывают, что с декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. прожиточный минимум взрослого мужчины вырос почти на 9,9%, в то время как общий индекс потребительских цен — только на 4,9%. Это были более значительные изменения, чем годом ранее, когда прожиточный минимум для взрослого мужчины с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. увеличился приблизительно на 2,2%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 3%. В предыдущие годы эти показатели менялись по-разному. Например, с декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины поднялась только на 7%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 12,9%. Далее, с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился только лишь на 3,7%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 5,4%. С декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. этот рост составил 1 и 2,5% соответственно. И наконец, с декабря 2017 г. по декабрь 2018 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился всего лишь на 1%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 4,3%.

В данной работе размеры доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведены в ценах декабря 2020 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей

не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро. Затем последовал постепенный и неспешный откат. В 2020 г. из-за острого кризиса, вызванного внезапно охватившей весь мир пандемии коронавируса и связанного с ней же обвала цен на нефть, американский доллар вырос на 21%, а евро стал дороже на 33%. Если в начале 2020 г. доллар стоил около 62 руб., то в конце марта он достиг своего пика в 82 руб. Затем рублю удалось отыграть потери, но в начале ноября произошел новый рост до 80 руб. за один доллар. При этом евро закончил 2020 г. на уровне 92 руб. Эти всплески оказывали серьезное влияние на потребительское поведение россиян.

Данные мониторинга, представленные в таблице 1, показывают, что в декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. средние реальные доходы российских домохозяйств¹ провалились на 30,4%, скатившись до уровня пятнадцатилетней давности. В декабре 2020 г. общая сумма месячного дохода домохозяйств была почти на 8% меньше, чем в октябре 2008 г. Этот провал был обусловлен в основном снижением доходов от заработной платы и государственных трансфертов. При этом доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, социальные пособия, стипендии, компенсационные выплаты, льготы и т. п.), продолжали занимать доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. поступления от заработной платы, являющиеся основным источником доходов для подавляющего большинства российских семей, сократились на 31,3%, тогда как до этого четыре года подряд общий доход от заработной платы демонстрировал существенный и последовательный рост. В конце 2020 г. общий доход домохозяйств от заработной платы был приблизительно на 9% меньше, чем в конце 2008 г.

При этом доход обследованных домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора за последний год сократился более чем на четверть, а именно на 25,4%. Еще более значительным оказалось падение дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, который до 2020 г. демонстрировал наибольшую позитивную динамику. Снижение дохода от данного источника за последний год составило внушительные 35,3%. В декабре 2020 г. доход от работы на государственных предприятиях был на 7% меньше, а доход от работы на частных предприятиях на 6% меньше, чем в октябре 2008 г. Но наиболее заметным было

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

сокращение дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, которое достигло 38,7%. После такого огромного провала доход домохозяйств от этого источника скатился до уровня начала 2000-х гг. В 2020 г. он был всего лишь на 12% больше, чем в крайне тяжелом и уже очень далеком 1998 г., но на четверть меньше, чем в 2004 г.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1992–2020 гг., в руб. декабря 2020 г.

Источники дохода	Период сбора данных							
	1992	1998	2004	2008	20/11	2014	2019	2020
Доход от работы на государственных предприятиях	15 146	4816	8881	15 097	14 776	16 114	18 775	14 001
Доход от работы на частных предприятиях	956	2318	8359	15 810	16 516	15 700	22 948	14 844
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1938	1393	2087	2363	1990	1685	2547	1562
Общий доход от заработной платы	18 039	8527	19 327	33 491	33 603	33 500	44 271	30 407
Государственные трансфертные платежи	5014	3614	6544	10 789	13 149	15 949	22 396	15 932
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	2016	1583	3282	4797	2695	2622	3999	2992
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2091	2830	1523	1646	1239	1299	1352	857
Доход от продажи личного имущества	1396	508	833	523	515	454	49	49
Доход от сдачи личной собственности в аренду	22	45	146	261	250	340	353	222
Дивиденды	–	86	743	142	78	147	127	67
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3853	1430	2120	4461	3520	2672	2885	1990
Общая сумма месячного дохода	32 427	18 621	34 518	56 962	55 767	56 982	75 432	52 517

Несмотря на указанные изменения, соотношение весомости источников, составляющих общий доход от заработной платы, сохранилось в целом на прежнем уровне. Так, в декабре 2019 г. почти 49% всех доходов обследованных домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников. Примерно такой же весомость данного источника дохода домохозяйств была в 2014–2016 гг., когда она колебалась от 47 до 50%, но меньше, чем в 2017–2019 гг., когда данный показатель варьировал в пределах 51–53%. Вместе с тем доход домохозяйств от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в декабре 2020 г. составил около 46% всех доходов от указанного источника, что было

больше, чем 42% в 2017–2019 гг. Что касается дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то в декабре 2020 г. на него приходилось немногим более 5% общего дохода от заработной платы. В предыдущие годы данный показатель составлял около 6%.

Согласно данным Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 2020 г. составила 51 352 руб., что было на 7,3% больше, чем в 2019 г. Но темпы этого роста были меньше, чем в 2018 и в 2019 гг., – 11,6 и 9,5% соответственно. В декабре 2020 г. среднемесячная заработная плата составила 69 278 руб., что было больше по сравнению с декабрем 2019 г. на 11,3%. Годом ранее этот рост составлял 12%. Вместе с тем реальные заработные платы россиян (скорректированные на инфляцию) выросли на 2,5% в годовом выражении. За декабрь этот рост составил 4,6%.

Особого внимания заслуживают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые зафиксировали в 2020 г. существенное падение дохода домашних хозяйств от государственных трансфертных платежей – второго по значимости источника доходов российских домохозяйств, рост которого не прерывался с 1998 г. В декабре 2020 г. по сравнению с декабрем предыдущего года это падение составило около 29%. После такого значительного падения доход домохозяйств от государственных трансфертов вернулся на уровень 2014 г.

Государство пыталось компенсировать провал доходов населения социальными выплатами, направленными на поддержку отдельных категорий граждан, испытывающих большие трудности в период кризиса. Пик государственных выплат пришелся на середину 2020 г. Наиболее значительными мерами для поддержки граждан стали выплаты пособий на детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно, единовременные выплаты в размере 10 тыс. руб. на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет, ежемесячные выплаты в течение апреля – июня 2020 г. семьям с детьми до 3 лет, дополнительная выплата на каждого ребенка в возрасте до 8 лет по 5 тыс. руб. и увеличение размера пособий по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет в два раза – до 6752 руб. Кроме того, осуществлялась поддержка граждан, потерявших работу. В частности, был увеличен максимальный размер пособия по безработице – до 12 130 руб., минимальный размер – до 4500 руб., а в случае наличия несовершеннолетних детей пособие выплачивалось в повышенном размере. Осуществлялись выплаты медицинским работникам и работникам социальных служб, волонтерам. Была снижена долговая нагрузка на граждан, которые имели ипотечный или потребительский кредит. Эти люди могли воспользоваться кредитными каникулами на срок до 6 месяцев в случае снижения доходов на 30% и более. Указанные меры смогли ограничить снижение доходов населения и, следовательно, поддержать стремительно падающий потребительский спрос и функционирование экономики.

Самой значительной составляющей государственных трансфертов остаются пенсии. В связи с этим необходимо отметить, что общие расходы Пенсионного фонда в 2020 г. увеличились на 12,8%. Этот рост связан, в первую очередь, с единовременными выплатами, которые осуществлялись Пенсионным фондом в период распространения коронавирусной инфекции, а также с индексацией пенсионных выплат. В частности, с 1 января 2020 г. неработающим людям пенсионного воз-

раста были проиндексированы ежемесячные выплаты на 6,6%. Средняя сумма по России увеличилась до 900–1000 руб. Социальные пенсии были проиндексированы на 6,1%.

По данным Росстата, средний размер назначенных пенсий в 2020 г. составил 14 986 руб. и вырос в годовом выражении на 5,8%. Реальный размер назначенных пенсий (с поправкой на инфляцию) в 2020 г. вырос на 2,3% по сравнению с 2019 г. При этом средний размер назначенных пенсий в декабре 2020 г. составил 15 059 руб. и вырос по сравнению с декабрем 2019 г. на 5,7%. Реальное увеличение размера пенсий составило 0,8%. Для сравнения укажем, в 2019 г. рост среднего размера назначенных пенсий в годовом выражении составил 6%, а в реальном выражении они прибавили 1,5%. В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. рост среднего размера назначенных пенсий составил 6,2%, а в реальном выражении – 3,1%.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленным в таблице 1, в декабре 2020 г. сокращение совокупного денежного и натурального дохода обследованных российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора составило по сравнению с декабрем 2019 г. около 28%. Это падение последовало вслед за снижением в предыдущем году на 6%. После этих изменений совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора оказался на 12,8% ниже уровня 1998 г. и на 6,3% ниже показателя 1992 г.

При сокращении в декабре 2019 г. анализируемого суммарного показателя взятые отдельно денежный и натуральный доходы российских домашних хозяйств от домашнего производства и неформального сектора менялись не одинаково. Так, денежный доход после увеличения на 2,5% в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. за последний год сократился на 25,2%. В декабре 2020 г. доход домохозяйств от этого источника был на 9% меньше, чем в конце 2004 г.

Что касается натурального дохода домашних хозяйств от домашнего производства и неформального сектора, то он сократился в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. на 24,5% и затем в декабре 2020 г. еще на 36,6%. В результате такого огромного падения данный показатель достиг минимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. В декабре 2020 г. натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был в 3,3 раза меньше, чем в ноябре 1998 г., когда его величина была максимальной. В декабре 2020 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход почти в 3,5 раза, что было больше, чем в предыдущие годы, когда эта разница чаще всего составляла около 2–3 раз.

Помощь от родственников и благотворительная помощь после трехлетнего роста, но со снижающимися темпами (декабрь 2016 г. – на 16,4%, декабрь 2017 г. – уже на 7,7% и декабрь 2018 г. – всего лишь на 2,4%), в декабре 2019 г. сократилась на существенные 10% и далее в декабре 2020 г. еще на более значительные 31%. В результате такого огромного сокращения величина данного дохода снизилась до одного из минимальных значений за весь постсоветский период. Меньше она была только в 1998 г. При этом в декабре 2020 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов была более чем вдвое меньше максимального значения, зафиксированного в октябре 2008 г.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявляет значительные колебания размера дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду. Так, доход от данного источника после увеличения в декабре 2017 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. на 37%, когда было достигнуто максимальное значение за все время проведения мониторинга, в декабре 2018 г. уменьшился на 11,4% и в декабре 2019 г. остался без изменений. Но в декабре 2020 г. было отмечено новое значительное сокращение дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду, которое составило 37%. В то же время размер дохода домохозяйств от продажи личного имущества, после двукратного сокращения в декабре 2019 г. по сравнению декабрем 2018 г., в декабре 2020 г. не изменился, оставаясь на минимальном уровне. И наконец, за сокращением дохода домохозяйств от дивидендов в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. в 1,5 раза в декабре 2019 г. последовало его такое же увеличение, а затем в декабре 2020 г. — новое почти двукратное снижение.

Заметим, что, по данным Росстата, среднедушевые денежные доходы населения России в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выросли только на 1%, по сравнению с 6% в 2019 г. и 4% в 2018 г. При этом реальные денежные доходы населения в 2020 г. сократились на 2,6% после роста годом ранее на 1,7%. В 2020 г. в структуре денежных доходов населения 58,5% (2019 г. — 57,6%) составляла оплата труда наемных работников; 20,8% (2019 г. — 18,9%) — социальные выплаты; 5,2% (2019 г. — 5,9%) — доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности; 4,4% (2019 г. — 5,1%) — доходы от собственности; 11,1% (2019 г. — 12,5%) — прочие денежные поступления.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, демонстрирующие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1992 по 2020 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов российских домохозяйств на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (таблица 2; рисунок 3–6¹). Но при этом в конце 2020 г. были выявлены некоторые заслуживающие внимания изменения, во многом связанные с распространением пандемии коронавируса.

Из данных, представленных в таблице 2, в частности видно, что в 2020 г. выросла весомость дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей, во многом вследствие увеличения пенсий и социальных пособий в комплексе мер по социальной поддержке населения в период пандемии коронавирусной инфекции, на фоне значительного падения доходов от большинства анализируемых источников. Этот рост за последний год составил 0,5 п.п. — с 41,1 до 41,6%.

В то же время весомость дохода домохозяйств от заработной платы после повышения в предыдущем году с 46,5 до 47%, т. е. на 0,5 п.п., в 2020 г. не изменилась. В результате указанных изменений разрыв между долями месячного дохода обследованных домохозяйств от заработной платы и долями их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей сократился с 5,9 п.п. в 2019 г. до 5,4 п.п. в 2020 г.

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов домохозяйств по источникам, 1992–2020 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2018	2019	2020
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	21,3	20,9	22,4
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	22,8	23,7	22,3
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,3	2,4	2,3
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	51,1	47,7	46,5	47,0	47,0
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	40,7	41,1	41,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,3	4,4	4,4
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,3	2,0	1,8
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3
Дивиденды	-	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	5,6	5,0	4,7
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Что касается различных доходов российских домохозяйств от заработной платы, то здесь обращает на себя внимание прежде всего существенный рост доли их дохода от работы на государственных предприятиях: с 20,9% в 2019 г. до 22,4% в 2020 г., т. е. на 1,5 п.п. Этот рост последовал вслед за снижением данного показателя в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 0,4 п.п. Но в то же время доля дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях за последний год не менее существенно сократилась — с 23,7% в 2019 г. до 22,3% в 2020 г., т. е. на 1,4 п.п., а доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности уменьшилась на едва заметные 0,1 п.п. — с 2,4 до 2,3%. Годом ранее, т. е. в 2018 г., эти доли выросли на 0,9 и 0,1 п.п. соответственно.

В результате развития указанных тенденций совокупная доля дохода обследованных домохозяйств от государственных и смешанных частно-государственных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, в 2020 г.

по сравнению с 2019 г. увеличилась на 1,9 п.п. — с 64,4 до 66,3%. Практически такой же эта доля была в 2014 г., когда она составляла 66,4%. В целом за 2017–2020 гг. доля дохода домашних хозяйств от данных источников выросла на значительные 2,6 п.п.

Анализ данных мониторинга также показал, что суммарная доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора в 2017–2018 гг. практически не менялась, составив 6,6%. Но в 2019 г. она уменьшилась на небольшие 0,2 п.п., а в 2020 г. еще на 0,2 п.п. — до 6,2%. При этом доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора за последний год сократилась с 2% в 2019 г. до 1,8% в 2020 г., достигнув минимального значения за все время наблюдений. В то же время доля аналогичного денежного дохода не изменилась, составив те же 4,4%.

Одним из интересных результатов данного исследования явилось дальнейшее сокращение доли дохода в совокупном доходе российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. С 2017 по 2020 г. она последовательно уменьшилась с 5,8 до 4,7%, в том числе за последний год на 0,3 п.п. Что касается долей дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и дивидендов, то они в течение многих последних лет менялись незначительно. Причем за последний год их совокупная доля не изменилась, составив 0,5%.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, характеризующие динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домашних хозяйств за весь период, охватывающий 1992–2020 гг., представлены на рисунке 3. Из этого рисунка хорошо видно, что на протяжении всех лет мониторинга доля дохода домохозяйств от заработной платы превышала долю дохода от государственных трансфертов. Наибольшей разницей между ними, достигающая 17,2 п.п., была в 2007 г., а минимальной, составляющей всего лишь 3 п.п., в 2016 г.

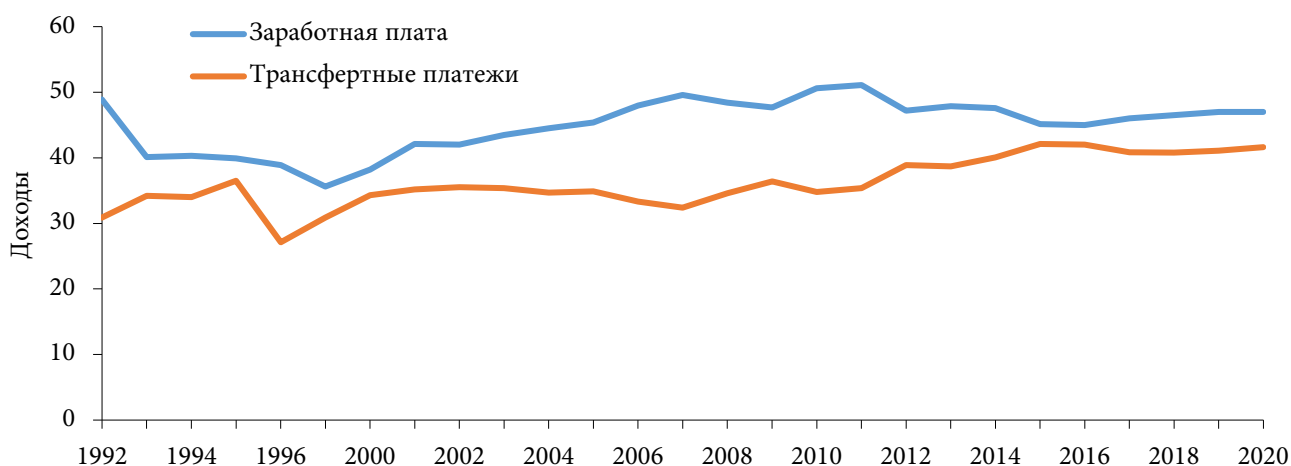


Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1992–2020 гг., %

В последние годы, характеризующиеся возросшей экономической неопределенностью и нестабильностью, развитием кризисных процессов, разрыв между этими видами доходов не достигал больших величин и менялся в узких границах.

В течение пятилетия, охватывающего 2011–2016 гг., весомость дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей постепенно увеличивалась, тогда как весомость дохода от заработной платы столь же последовательно сокращалась. За эти годы доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей выросла на 6,6 п.п. — с 35,4 до 42%, тогда как доля дохода от заработной платы уменьшилась на 6,1 п.п. — с 51,1 до 45%. В дальнейшем доля дохода от заработной платы стала постепенно расти, увеличившись до 47% в 2019–2020 гг. В то же время доля дохода от государственных трансфертов поступательно сократилась до 41,1% в 2019 г., но в 2020 г. увеличилась — до 41,6%.

Данные мониторинга, представленные на рисунке 4, демонстрируют достаточно последовательное повышение весомости дохода российских домохозяйств от работы на частных предприятиях — с 2,3% в 1992 г. до максимальных 24,1% в 2011 г. После достижения этого максимума доля дохода обследованных домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора варьировала в довольно узких границах — от 21,2 до 23,7%. Более стабильной на всех этапах постсоветского периода была доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях. Исключение составляют только 1992–1993 гг., когда в стране наиболее активно осуществлялись радикальные рыночные преобразования.

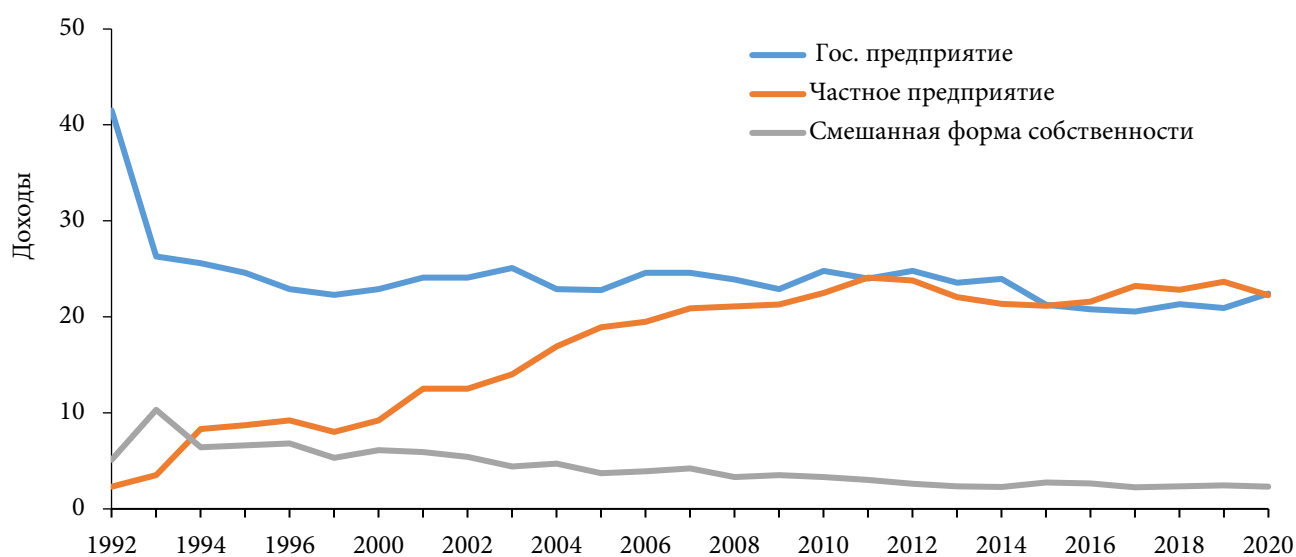


Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2020 гг., %

После 2011 г., когда весомость дохода от работы на частных и государственных предприятиях практически выровнялась, доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора колебалась в пределах от 20,6 до 24%, повторив свой максимум в 2014 г. В 2020 г. различие в долях дохода от государственных и частных предприятий составляло минимальные 0,1 п.п. Гораздо менее весомой во все годы мониторинга была доля дохода обследованных домашних хозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, а ее изменения были малозаметными. На протяжении 2008–2020 гг. эта доля варьировала в границах узкого коридора значений: от 2,2 до 3,3%.

Данные мониторинга, характеризующие изменения в течение 1992–2020 гг. весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств, представлены на рисунке 5. Из представленных на рисунке данных хорошо видно, что наиболее значительно весомость этих источников дохода домохозяйств менялась в 1990-е гг., когда доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора доходила до огромных 16–18%.

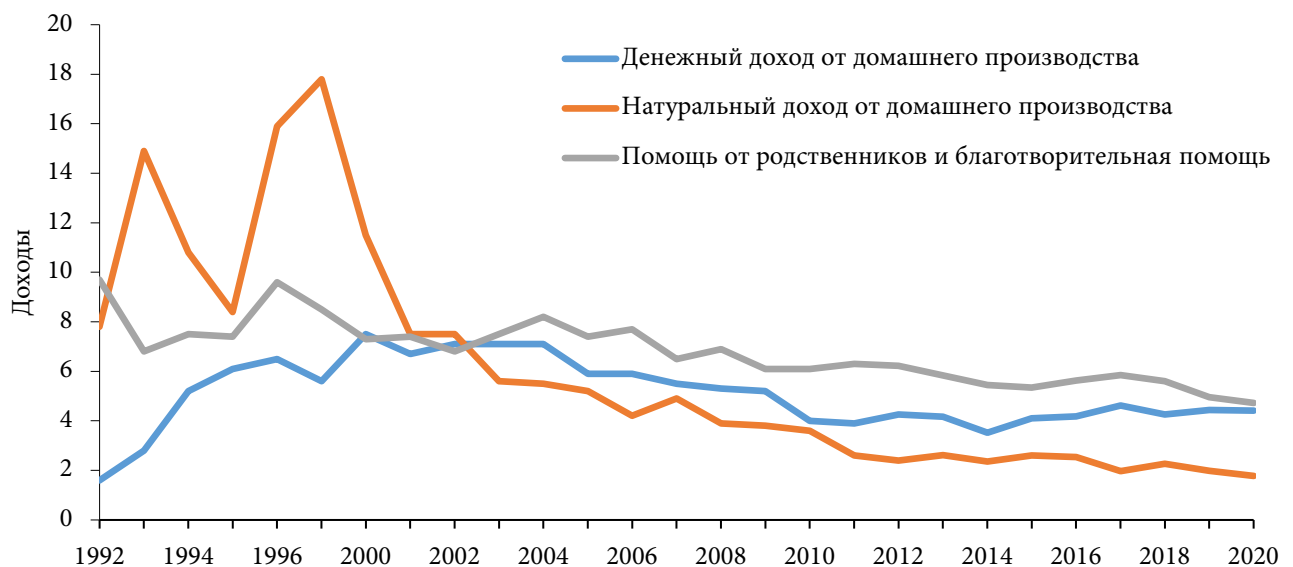


Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2020 гг., %

Представленные на рисунке 5 данные также показывают, что доля денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора достаточно последовательно снижалась на протяжении 2004–2014 гг., а в дальнейшем менялась незначительно: варьировала в пределах 4,1–4,4%. В то же время доля аналогичного натурального дохода продолжила свое длительное и постепенное, но с некоторыми отклонениями, снижение, получившее старт еще в начале 2000-х гг. В целом с 1998 г., когда было зафиксировано максимальное значение данного показателя, по 2020 г., когда оно стало минимальным, доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора сократилась с 17,8% до 1,8%.

Достаточно последовательным и устойчивым было также сокращение доли дохода российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. В целом с 1996 по 2020 г. эта доля с небольшими колебаниями в отдельные годы сократилась с 9,6% до минимальных 4,7%, т. е. более чем в два раза. Прежний минимум, составлявший около 5%, был зафиксирован накануне — в предшествующем 2019 г.

Весомость источников, играющих наименьшую роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи различного личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), всегда была небольшой. При этом в последние годы, как следует из данных, представленных на рисунке 6, доли дохода от этих источников были совершенно незначи-

тельными и подверженными едва заметным колебаниям. В течение 2006–2020 гг. суммарная доля дохода обследованных домохозяйств от этих источников не превышала 1%, опустившись в 2019–2020 гг. до минимальных 0,5%.



Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2020 гг., %

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, получающих доходы из разных источников, представлены в таблице 3. Анализ этих данных свидетельствует об очередном увеличении в течение последнего года числа домохозяйств, зависящих от различных государственных выплат. Так, после роста доли таких домохозяйств в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 0,6 п.п. – с 72,4 до 73%, в 2020 г. она вновь увеличилась на 0,5 п.п. – до 73,5%. В результате этого роста доля домохозяйств с доходом от государственных трансфертов достигла максимума за последние полтора десятка лет. Более высокой она была только в 2004 г. и в первой половине 1990-х гг., когда как бы по инерции продолжали действовать многие прежние нормы социальной поддержки населения.

Обращает на себя внимание очередное сокращение доли домохозяйств, получающих доход в виде заработной платы. За последний год их доля уменьшилась с 64% в 2019 г. до 63,8% в 2020 г. В результате этого снижения было достигнуто одно из минимальных значений данного показателя за все время наблюдений. Ранее такой же эта доля была в 2016 г. после сокращения за 2010–2016 гг. с 71,4 до 63,8%. Заметим, что накануне 2020 г. доля домохозяйств с доходом в виде заработной платы уменьшилась на 0,3 п.п. – с 64,3% в 2017–2018 гг. до 64% в 2019 г.

Примечательно, что в 2020 г. не получила развития тенденция, впервые зафиксированная в 2019 г., которая демонстрировала превышение доли домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях над долей домохозяйств, имеющих доход от работы на предприятиях государственного сектора. В 2019 г. это превышение, составившее 0,5 п.п., было достигнуто за счет роста доли

домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, – с 36,8% в 2018 г. до 37,9% в 2019 г., т. е. на 1,1 п.п., и сокращения удельного веса домохозяйств, имеющих доход от работы на государственных предприятиях, – с 38,3% в 2018 г. до 37,4% в 2019 г., т. е. на 0,9 п.п. Однако в 2020 г. были отмечены изменения противоположного характера. Так, доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, сократилась до 35,6%, тогда как доля домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях выросла до 38,7%.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2020 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2018	2019	2020
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	38,3	37,4	38,7
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	36,8	37,9	35,6
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	4,6	4,8	4,1
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	64,3	64,0	63,8
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	72,4	73,0	73,5
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	13,8	13,5	13,4
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	38,0	38,6	36,8
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,3	0,3	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,6	1,6	1,4
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	1,3	1,2	1,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	26,5	23,4	21,4

К результатам исследования, заслуживающим особого внимания, можно отнести также очередное значительное сокращение доли домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности – с 4,8% в 2019 г. до минимальных за все время наблюдений 4,1% в 2020 г. Эта тенденция с небольшими отклонениями наблюдается на протяжении всех 2000-х гг.

В 2020 г. было выявлено очередное сокращение удельного веса домохозяйств, получающих денежный и натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора. Так, доля домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора снизилась с 13,5% в 2019 г. до 13,4% в 2020 г., тогда как доля домохозяйств с аналогичным натуральным доходом

сократилась на солидные 1,8 п.п. — с 38,6 до 36,8% соответственно. Такими низкими эти показатели не были никогда ранее. В 2020 г. число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора стало превосходить число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом, в 2,7 раза, тогда как годом ранее эта разница достигала 2,9 раза.

К важным и интересным результатам исследования можно отнести очередное сокращение доли домохозяйств, получающих помощь от родственников и благотворительную помощь. После сокращения в 2019 г. по сравнению с 2018 г. с 26,5 до 23,4%, в ковидном 2020 г. она вновь снизилась до 21,4%. Таким образом, за последние два года доля таких домохозяйств упала на значительные 5,1 п.п. Такое существенное снижение привлекает внимание прежде всего потому, что оно произошло после длительного периода довольно высокой стабильности данного показателя. На протяжении всех предыдущих 2000-х гг. картина, характеризующая степень распространенности помощи российским домохозяйствам со стороны родственников и поступлений от различных источников благотворительной помощи, менялась очень мало.

Как и во все предыдущие годы, число обследованных домохозяйств, получающих какой-либо доход от сдачи личной собственности в аренду, продажи своего имущества и в виде дивидендов, было небольшим. В 2020 г. их суммарная доля составила 2,9%, что было лишь на 0,2 п.п. меньше, чем в 2019 г., и на 0,3 п.п. меньше, чем в 2018 г.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2020 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2019 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Данные, представленные в таблице 4, показывают, что стремительное падение доходов в ковидном 2020 г. практически в равной мере затронуло домохозяйства, принадлежащие к разным квинтильным группам. Реальные доходы домохозяйств, независимо от их квинтильной принадлежности, упали почти на треть. Но при этом домохозяйства самого бедного и самого обеспеченного квинтилей пострадали немного больше других. В декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. у домохозяйств нижнего квинтиля это падение составило 31,4%; у домохозяйств второго квинтиля — 29,5%; у домохозяйств третьего квинтиля — 28,8%; у домохозяйств четвертого квинтиля — 29,4% и, наконец, у двадцати процентов самых обеспеченных домохозяйств — 32,3%. Но если обратиться к абсолютным цифрам, то окажется, что более обеспеченные домохозяйства пострадали от такого падения больше, чем менее обеспеченные. Так, если у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств доходы сократились в среднем на 14 271 руб., то у двадцати процентов самых богатых — на 38 451 руб., что было в 2,7 раза больше, чем у бедных. Эта картина кардинально отличалась от доковидной, характеризующейся опережающим ростом доходов бедных и малообеспеченных домохозяйств.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2020 г., %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	23,8	18,7	19,0	22,1	28,9
Доход от работы на частных предприятиях	19,5	21,1	20,7	21,4	28,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1,9	2,5	1,4	2,7	3,1
Общий доход от заработной платы	45,3	42,2	41,1	46,2	60,9
Государственные трансфертные платежи	40,6	47,0	49,0	43,2	27,5
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,3	4,3	4,3	4,1	4,0
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,3	1,6	1,9	1,7	1,4
Доход от продажи личного имущества	0,0	0,1	0,0	0,0	0,2
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,1	0,2	0,2	0,4	0,8
Дивиденды	0,0	0,0	0,1	0,1	0,3
Помощь от родственников и благотворительная помощь	6,5	4,5	3,5	4,2	4,9
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2020 г. (в руб. 2020 г.)	31 121	42 117	49 857	59 887	80 462
Общий доход от заработной платы, декабрь 2019 г.	44,6	41,6	41,9	45,2	62,7
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2019 г.	37,7	47,3	48,1	45,5	25,8
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2019 г. (в руб. 2020 г.)	45 392	59 727	69 978	84 789	118 913

В декабре 2020 г., как и годом ранее, преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств верхнего квинтиля. У домохозяйств самого обеспеченного квинтиля в декабре 2019 г. на заработную плату приходилось 62,7%, тогда как в декабре 2020 г. – 60,9% общего дохода. В конце 2020 г. доход от заработной платы был наиболее значимым источником дохода также для домохозяйств нижнего и четвертого квинтилей, тогда как для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее существенными источниками дохода оставались постоянно растущие государственные трансфертные платежи.

За последний год доля общего дохода от заработной платы у домохозяйств всех квинтилей изменилась не существенно. При этом в декабре 2020 г. наибольшее изменение, а именно сокращение на 1,8 п.п., было отмечено у домохозяйств верхнего квинтиля. В то же время у домохозяйств нижнего квинтиля был отмечен небольшой рост на 0,7 п.п., у домохозяйств второго квинтиля – повышение на

0,6 п.п., у домохозяйств третьего квинтиля — сокращение на 0,8 п.п., а у домохозяйств четвертого квинтиля — рост на 1 п.п. Эти изменения были самыми незначительными за последние два десятилетия.

В декабре 2020 г. наиболее обеспеченные домохозяйства верхнего квинтиля превосходили все остальные домохозяйства по весомости дохода от работы на всех типах предприятий. Так, по доле дохода от работы на государственных предприятиях они заметно превосходили домохозяйства нижнего и четвертого квинтилей (28,9% против 23,8 и 22,1% соответственно), а те, в свою очередь, — домохозяйства второго и третьего квинтилей (18,7 и 19% соответственно). Вместе с тем в 2019 г., как и многими годами ранее, доля месячного дохода от работы на государственных предприятиях была выше у наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств, чем у домохозяйств трех средних квинтилей. Характерно также, что в 2020 г., как и во многие предыдущие годы, двадцать процентов наиболее состоятельных домашних хозяйств намного опережали домохозяйства всех остальных квинтилей по доле дохода от работы на частных предприятиях (от 7,5 до 9,4 п.п.). Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то различия между домохозяйствами разных квинтилей по этому показателю остаются минимальными. Но при этом, как и во многие предыдущие годы, наблюдался последовательный рост доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы — с 1,9% у домохозяйств беднейшего квинтиля до 3,1% у домохозяйств самого богатого квинтиля.

В прошедшем году государственные трансферты составляли немногим более четверти месячного дохода домохозяйств верхнего квинтиля и более 40% месячного дохода домохозяйств нижнего квинтиля. Но наиболее зависимыми от государственных трансфертных платежей в 2020 г. оставались домохозяйства трех средних квинтилей, которые от 43,2 до 49% (в 2019 г. — от 45,5 до 48,1%) своего общего месячного дохода получали за счет пенсий, различных пособий, стипендий и других социальных выплат. При этом, несмотря на предпринятые государством меры по смягчению для населения негативных последствий резко обострившегося экономического кризиса, за последний год зависимость домохозяйств всех квинтилей от доходов, формируемых за счет государственных трансфертов, изменилась, но не существенно.

Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора в прошедшем году продолжал оставаться для российских домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом и денежный, и натуральный доходы от домашнего производства и неформального сектора были наиболее важны для домохозяйств беднейшего квинтиля (5,3 и 2,3% соответственно). Но если сравнивать с предыдущим годом, то можно увидеть, что их значимость немного снизилась (в 2019 г. — 7,5 и 2,7% соответственно).

Обращает на себя внимание и то, что в 2020 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, помощь от родственников и благотворительная помощь была наиболее значимым источником дохода для двадцати процентов беднейших домохозяйств. Но при этом доля дохода от данного источника у домохозяйств нижнего квинтиля за последние три года уменьшилась на 1,6 п.п. — с 8,1 до 6,5%, в том числе за последний год на 0,7 п.п. У домохозяйств верхнего квинтиля, т. е. у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств, до 2020 г. эта доля сокращалась три года подряд. За этот период она уменьшилась на 1,6 п.п. — с 6,5% в 2016 г. до

4,9% в 2019 г., но в 2020 г. сокращение полностью прекратилось. У домохозяйств трех средних квинтилей в 2020 г. доля дохода, получаемого в виде помощи от родственников и благотворительных организаций, увеличилась 3,5 до 4,5% (в 2019 г. эта доля выросла с 4,0 до 4,7%). Поступления в бюджет обследованных домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере были характерны для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля. Но реальная роль этих источников в формировании бюджетов обследованных домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Если ориентироваться на средние суммы месячного дохода, то можно прийти к выводу, что экономические трудности, возникшие вследствие стремительного и угрожающего распространения пандемии коронавирусной инфекции, не привели к изменению материального неравенства, измеряемому по данному показателю. Так, в 2020 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. Это было лишь немного меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2018 г., 2,9 раза – в 2014–2017 гг., и намного меньше, чем четырехкратное превышение, зафиксированное в 2013 г. До этого наблюдалось сокращение, с небольшими перепадами, данного разрыва с 7,5 раза в 1998 г. до 4,6 раза в 2012 г. Незначительно изменился за последний год разрыв по показателю средней суммы месячного дохода между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2020 г. он составил 1,3 раза, тогда как в 2019 г. – 1,4 раза, что было столько же, сколько в 2018 г., но лишь немного меньше, чем 1,5 раза в 2017 г. В 2019 г. отрыв по анализируемому показателю домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил 1,6 раза, а от домохозяйств второго квинтиля – 1,9 раза (в 2019 г. – 1,7 и 2 раза соответственно).

В таблице 5 представлено распределение обследованных домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Данные таблицы демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Данные, представленные в таблице 5, демонстрируют достаточно последовательный рост удельного веса домохозяйств с доходом от работы на предприятиях и в организациях частного сектора и на предприятиях со смешанной формой собственности по мере последовательного перехода от беднейшего к самому богатому квинтилю. Так, в 2019 г. в отношении домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях этот показатель вырос с 30,6 до 45,8% (в 2019 г. – с 32 до 48,8%), тогда как в отношении домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности – с 2,9 до 5,9% (в 2019 г. – с 3,3 до 7%). За прошедший год доля домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях сократилась во всех квинтилях, хотя годом ранее наблюдалась противоположная картина. В то же время доля домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях за последний год во всех квинтилях немного увеличилась. В целом для наиболее обеспеченных домохозяйств доход от заработной платы, как и в предыдущие годы, являлся более значимым источником дохода, чем для менее обеспеченных.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям душевого дохода, 2006–2020 гг., %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2019 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	36,0	32,8	33,1	37,6	48,3
Доход от работы на частных предприятиях	32,0	35,7	34,9	38,5	48,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,3	4,5	4,6	4,8	7,0
Декабрь 2020 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	37,7	33,4	33,9	39,5	49,6
Доход от работы на частных предприятиях	30,6	33,6	33,0	35,1	45,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,9	4,4	2,5	4,9	5,9

Заметим, что данные Росстата демонстрировали в 2020 г. хорошо заметное снижение основных показателей, характеризующих неравенство по доходам. Так, децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, резко сократился с 15,4 раза в 2019 г. до 14,5 раза в 2020 г., продолжив тем самым достаточно устойчивый тренд, свидетельствующий о поступательном сокращении неравенства по доходам. До этого, с 2007 по 2015 г., данный показатель, после роста в предыдущие годы, сократился с 16,7 до 15,5 раза, а затем в 2016–2018 гг. колебался в пределах 15,4–15,6 раза. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, сократился с 0,411 в 2019 г. до 0,403 в 2020 г. До этого, с 2007 г. по 2015–2016 гг., он последовательно снижался — с 0,422 до 0,412, а в 2017 и 2018 г. составлял 0,411 и 0,413 соответственно.

Данные Росстата о распределении общего объема денежных доходов по двадцатипроцентным группам населения показывают сокращение доли денежных доходов у граждан с наибольшими доходами, т. е. относящихся к самой высокой пятой группе, с 46,9% в 2019 г. до 46,2% в 2020 г. Это сокращение произошло за счет увеличения долей денежных доходов, приходящихся на менее обеспеченные группы: на первую группу (с наименьшими доходами) – с 5,3 до 5,5%; на вторую группу – с 10,1 до 10,3%; на третью группу – 15,1 до 15,3%; на четвертую группу – с 22,6 до 22,7%. В результате этих изменений разрыв между двадцатипроцентными группами с наибольшими и наименьшими доходами по доле приходящихся на них денежных доходов сократился с 8,8 раза в 2019 г. до 8,4 раза в 2020 г. Кроме того заметим, что на долю 10% наиболее обеспеченных россиян в 2020 г. приходилось 29,9% общей суммы денежных доходов. Это на 0,3 п.п. меньше, чем в 2019 г.

Несмотря на указанные сдвиги, свидетельствующие о некотором сокращении неравенства по доходам, одной из наиболее болезненных и сложных для решения в России остается проблема бедности, затрагивающая миллионы людей. Причем в связи с пандемией коронавируса и теми негативными последствиями, которые она оказывает на экономику, возникли риски повышения бедности. Кризис затронул самые разные группы и слои населения – резко упали доходы домохозяйств, огромные убытки понес бизнес, выросла безработица. Рост бедности стал одной из причин того, что в качестве основной проблемы большинство россиян все чаще называли усиление социальной несправедливости.

За последний период население России столкнулось уже с третьим экономическим кризисом подряд (после кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг.), эти кризисы со временем сформировали глубоко негативную тенденцию обнищания населения. За эти годы сформировалась устойчивая прослойка людей, хронически живущих в условиях крайней бедности и нищеты, которая включает не только безработных, но и тех, кто имеет работу. Можно даже говорить о сформировавшейся довольно устойчивой группе работающих нищих. При этом пандемия сыграла роль своего рода катализатора, ухудшающего положение бедных и нищих домохозяйств.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, удельный вес российских домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. сократился с 1,8 до 1,4%. При этом доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума за последний год уменьшилась с 1 до 0,9%, а доля домашних хозяйств с доходом выше половины прожиточного минимума сократилась с 0,8 до 0,5%. В декабре 2019 г. жили в семьях с доходом ниже величины прожиточного минимума 1,4% детей в возрасте до 7 лет, что было гораздо меньше, чем 3,1% годом ранее. При этом доля детей в возрасте до 7 лет, которые проживали в семьях с доходом меньше половины прожиточного минимума, сократилась с 1,1% в декабре 2019 г. до 0,8% в декабре 2020 г. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, увеличилась за анализируемый период с 0,6 до 0,7%. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше половины величины прожиточного минимума, после сокращения годом ранее с 1 до 0,3%, в декабре 2019 г. немного увеличилась до 0,5%.

Согласно данным Росстата, в 2020 г. продолжился наблюдающийся с 2015 г. тренд на сокращение числа россиян, находящихся за чертой бедности. За последний год численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась с 18,1 млн до 17,8 млн человек, или с 12,3 до 12,1% от общей

численности населения. При этом величина прожиточного минимума выросла с 10 890 до 11 312 руб. В целом за 2015–2020 гг. число россиян с доходами ниже величины прожиточного минимума снизилось на 1,8 млн человек, или на 1,3 п.п. Ранее, с 2012 по 2015 г., доля граждан с доходом ниже величины прожиточного минимума выросла с 15,4 млн до 19,6 млн человек, или с 10,7 до 13,4% от общей численности населения.

На рисунке 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. Показано соотношение реального дохода от каждого перцентиля в 2020 г. к реальному доходу того же перцентиля в 2019 г.

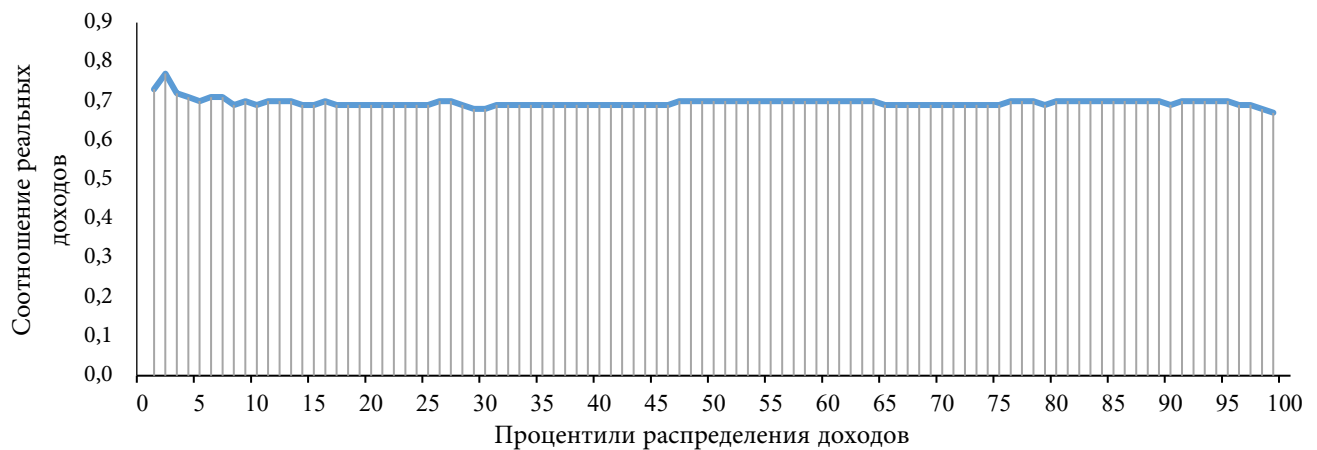


Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого перцентиля (реальный доход перцентиля в 2020 г., деленный на реальный доход перцентиля в 2019 г.), в руб. декабря 2020 г.

Рассматривая представленные данные, следует учитывать, что на рисунке 7 приведены данные относительно душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам обследованных домохозяйств. В 2020 г. реальный душевой доход после небольшого всплеска сначала очень быстро снижался, но затем после стабилизации был подвержен некоторым колебаниям (в сравнении с аналогичными доходами в 2019 г.).

Таким образом, в 2020 г. экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, и жесткие государственные меры по противодействию распространению эпидемии, привели к стремительному падению доходов населения России. Наиболее пострадавшими были работники отраслей, которые оказались в шоковом состоянии, — это прежде всего сектора бытовых, туристических услуг, услуг в области культуры, физкультуры и спорта, предприятия общественного питания. Провал доходов, в свою очередь, привел к значительному снижению потребительского спроса и усилению давления негативных факторов на экономику. Деградация доходов стала главной причиной ухудшения условий жизни семей. Возросшие социальные выплаты смогли лишь частично компенсировать провал доходов населения. При этом весомость доходов домохозяйств от заработной платы не изменилась, тогда как значимость социальных выплат от государства увеличилась. В совокупном доходе домохозяйств выросла доля дохода от работы на государственных предприятиях и уменьшились доля дохода от работы на предприятиях частного сектора. Наибольшую часть доходов домохозяйств по-прежнему составляла оплата труда, которая опережала поступления от государственных трансфертных платежей. Но в то же время увеличилась доля домохозяйств с доходом от государственных трансфертов и уменьшилась доля получающих доход от

заработной платы, особенно получающих доход от работы на частных предприятиях. Меньше домохозяйств стали получать натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора и помощь от родственников и благотворительную помощь. Экономический спад, девальвация рубля, инфляция и эпидемия коронавируса сформировали условия для ускоренного обнищания населения.

Расходы домохозяйств

На протяжении всего 2020 г. россиян беспокоили угроза безработицы, бедность, низкие зарплаты, рост цен. Обострившиеся экономические проблемы тянули за собой новые риски для семей и отдельных граждан. Из-за низких доходов многие семьи были ограничены в доступе к экономической сфере, необходимым социальным услугам. Динамика внутреннего потребительского спроса была серьезно осложнена не только экономическим кризисом, но и такими факторами, как коронавирусные ограничения, переход сотрудников на удаленную работу, закрытие многих предприятий малого и среднего бизнеса.

За первое полугодие 2020 г. россияне заметно сократили свои расходы. Значительная часть граждан проявляла осторожность на потребительском рынке из-за стремительного роста заболеваемости, нестабильности жизненных обстоятельств и неопределенности будущего. Многие считали наступившее время неудачным для совершения крупных покупок. Падение реальных располагаемых доходов, снижающее потребительские возможности населения, выступало ограничителем для торговли. В начале второго полугодия было отмечено определенное оживление потребления. Но при этом у части потребителей сохранялась некоторая осторожность, связанная с опасностью второй волны коронавируса. За время пандемии коронавируса потребительские стратегии и привычки отечественных покупателей существенно деформировались. Потребительский спрос сместился на товары ежедневного потребления и продукты питания. Россияне стали меньше тратить на транспорт, развлечения, туризм и рестораны. Покупатели перераспределились между каналами офлайн и онлайн. То, что до пандемии коронавируса покупалось исключительно офлайн, отчасти перешло в режим онлайн. Онлайн-покупки потребители стали совершать чаще, но при этом подходили они к выбору товаров более экономно. В конце года наметился некоторый перелом, связанный с распространением коронавируса. Снятие многих карантинных ограничений позволило скорректировать неблагоприятную ситуацию в лучшую сторону, но быстрых положительных изменений ждать не приходилось.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленным в таблице 6, ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после роста с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. на 3,6%, в конце 2020 г. обвалились на значительные 30%. Это было самое большое падение расходов домохозяйств за все время мониторинга. Оно превысило предыдущий максимальный спад, зафиксированный в ноябре 1998 г., когда россияне столкнулась с одним из самых тяжелых экономических кризисов в истории страны. Тогда в результате катастрофического ухудшения экономического положения населения расходы домохозяйств провалились на четверть. В 2020 г. расходы обследованных домохозяйств были на 33% выше, чем в 2004 г., но почти на 17% меньше, чем в 2008 г.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2020 гг., в руб. декабря 2020 г.

Категории расходов	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2011	2019	2020
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1508	959	1232	1684	1822	2540	1826
Мясо, птица, рыба	5006	2807	3827	5126	5137	6712	4693
Картофель	653	146	407	336	287	306	231
Хлеб	2397	1643	1568	1486	1161	1736	1202
Фрукты, овощи	2449	732	1307	1770	1658	2264	1639
Прочие продукты питания	6391	2815	2826	3311	3095	3954	2785
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1045	791	1814	2516	2647	2913	1396
Продукты домашнего изготовления	2184	3002	1840	1945	1661	1706	1101
Алкоголь	1210	467	545	605	553	623	392
Всего расходов на продукты питания	22 844	13 373	15 366	18 778	17 927	22 756	15 269
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	642	478	504	582	732	1609	1075
Одежда	3435	2539	2953	4390	3677	3623	2468
Горючее, топливо*	444	609	1310	1990	2072	2955	2011
Электроника и др. товары длительного пользования	1784	1997	4894	8934	7239	4149	2893
Услуги и отдых	560	2710	5234	9169	8620	7171	4177
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1505	780	1370	6291	7489	11 726	9743
Оплата жилья и коммунальных услуг	467	1027	2169	4013	4913	6532	4436
Акции, облигации	213	7	0	0	26	0	21
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	2038		941	1325	1344	1563	1150
Сбережения	694	717	1139	2572	2692	2037	1724
Всего расходов на непродовольственные товары	11 778	10 864	20 518	39 270	39 251	45 532	32 560
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	34 622	24 236	35 884	58 048	57 178	68 286	47 829

*Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2018: бензин – 91,1%, дрова – 6,4%, газ в баллонах – 2,5%. 12/2019: бензин – 73,1%, дрова – 15,0%, газ в баллонах – 11,9%; 12/2020: бензин – 90,5%, дрова – 6,2%, газ в баллонах – 3,2%. В 2020 г. наблюдалось падение расходов домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары, но не одинаковыми темпами. Так, ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на продукты питания, после предшествующего многолетнего роста, в декабре 2020 г. упали по сравнению с декабрем предыдущего года на 32,9%. В 2020 г. ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания были сопоставимы с уровнем этих расходов в 2004 г., но в полтора раза ниже уровня 1992 г., когда было зафиксировано самое высокое значение данного показателя за все время наблюдений. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, после роста с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. на 5,1%, в декабре 2020 г. упали на 28,5%. В 2020 г. эти расходы домохозяйств были на 17,1% меньше, чем в 2008 г., но почти в 3 раза больше, чем в 1990-х гг., когда они были минимальными, и более чем в полтора раза больше, чем в 2004 г.

Данные мониторинга, приведенные в таблице 6, свидетельствуют о резком падении в прошедшем году расходов домохозяйств на все анализируемые группы продуктов питания. Так, ежемесячные расходы обследованных домашних хозяйств на молочные продукты, после роста в 2019 г. на 5,7%, в 2020 г. упали почти в 1,5 раза, или на 28%, откатившись к уровню 2011 г. В 2020 г. эти расходы были только на 21% больше, чем в 1992 г. Аналогичные расходы российских домашних хозяйств на мясо, птицу и рыбу, после некоторых колебаний в последние годы, выросли за весь период, охватывающий 1998–2019 гг., в 2,4 раза. Но в 2020 г. они тоже упали в 1,4 раза, или на 30%, опустившись ниже показателя, зафиксированного еще в 1992 г. Таким же большим, составляющим 1,4 раза, было в 2020 г. падение ежемесячных расходов обследованных домохозяйств на фрукты и овощи, которые ранее, за 1998–2019 гг., достаточно последовательно выросли в 3,1 раза. В 2020 г. эти расходы домохозяйств по своей величине были сопоставимы с уровнем расходов 2008 и 2011 гг.

Ежемесячные расходы домохозяйств на хлебобулочные изделия, после последовательного роста в последние годы, в 2019 г. превысили уровень 1998 г. на 5,7%. Однако в 2020 г., вслед за падением в 1,4 раза по сравнению с предыдущим годом, они скатились до уровня, зафиксированного в 2011 г., когда расходы на хлебобулочные изделия были одними из самых низких. Что касается ежемесячных расходов домохозяйств на картофель, то они, после сокращения в 2018 г. на 10,6% и в 2019 г. на 6,7%, в 2020 г. упали еще в 1,3 раза. В 2020 г. эти расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления вслед за длительным периодом роста, в том числе в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 12,1%, в 2019 г. упали на почти на треть и далее в 2020 г. — еще в 1,5 раза. После такого огромного падения расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления оказались в 2 раза ниже уровня 1992 г. и в 2,7 раза ниже показателя, зафиксированного в 1998 г. В 2020 г. особенно большим оказалось падение расходов домохозяйств на питание вне дома. После некоторых колебаний в предыдущие годы они сразу же провалились в 2,1 раза. Но и после такого падения в 2020 г. эти расходы по своей величине оставались в 1,3 раза больше, чем в 1992 г., и в 1,8 раза больше, чем в 1998 г.

Одними из наиболее значительных остаются в последнее время ежегодные колебания расходов домохозяйств на алкоголь. В 2016 г., после небольшого сокращения в предыдущем году, они выросли на 17,1% и в 2017 г. — еще на 0,9%. Но в 2018 г. эти расходы снизились на 6,1%, а в 2019 г. вновь выросли на 10,6%. И наконец, в 2020 г. они рухнули и сократились сразу же в 1,6 раза. В результате такого стремительного падения ежемесячные расходы домохозяйств на алкоголь оказались в 2020 г. в 3,1 раза меньше, чем в 1992 г., и на 16% меньше, чем в 1998 г.

Таким образом после огромного падения ежемесячные расходы домохозяйств на многие группы продовольственных товаров откатились в 2020 г. на уровень, очень далекий от оптимальности, обеспечивающий рацион питания, характерный для небогатых или бедных стран. Так, в 2020 г. домохозяйства тратили меньше, чем в 1992 г., на картофель — в 2,8 раза; на продукты домашнего изготовления — в 2 раза; на овощи и фрукты — в 1,5 раза; на мясо, птицу, рыбу — на 6%.

В 2020 г., после очередного роста ежемесячных расходов домашних хозяйств на большинство групп непродовольственных товаров, зафиксированного годом ранее, было выявлено огромное падение этих расходов практически по всем

анализируемым позициям. Особенно значительным оказалось падение расходов домохозяйств на услуги и отдых, которое составило 41,8%, или 1,7 раза. После такого стремительного падения ежемесячные расходы домохозяйств на услуги и отдых опустились на уровень начала 2000-х гг. Введение карантинных ограничений, связанных с пандемией COVID-2019, оказало значительное негативное воздействие на рынок услуг. Особенно сильно пострадала туристическая отрасль России. Закрытие границ, временные локдауны в отдельных странах, сложности с перелетами – все это привело к тому, что многие туристы решили отказаться от зарубежного отдыха. Из-за закрытия границ туристы переориентировались на внутренний отдых, но, несмотря на это, туристическая индустрия в России оказалась одной из самых пострадавших за период пандемии.

Весьма существенным было падение расходов домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. Многие россияне ограничивали себя в таких дорогостоящих покупках, особенно если они требовали привлечения кредитных средств. Это было обусловлено как падением доходов, так и неуверенностью в сохранении работы, неопределенностью других жизненных обстоятельств. Оказывали влияние на потребительский спрос также весьма призрачные перспективы будущего экономического роста. Если в 2019 г. расходы на электронику и другие товары длительного пользования выросли на немалые 11,7%, то в 2020 г. они резко упали почти на 30%. В результате такого огромного падения ежемесячные расходы домохозяйств на указанные товары скатились до уровня двадцатилетней давности.

Гораздо менее значительным было в 2020 г. снижение расходов домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, т. е. расходов, которые уже много лет являются самыми затратными для российских домохозяйств. После сокращения в 2017 г. на 7,9% эти расходы выросли в 2018 г. на небольшие 0,7% и затем в 2019 г. на более значительные 10,6%. Но в 2020 г. они вновь снизились на 16,9%. Среди этих платежей весьма значительными являются выплаты по кредитам. При этом в 2020 г. потребительские кредиты росли умеренно. Всего с начала года прирост составил 9,2%, что было существенно ниже, чем в предыдущем 2019 г. (20,9%). Очевидно, что из-за неопределенности, связанной с пандемией, банки несколько снизили долю одобряемых кредитов, но и население, вероятно, тоже осторожнее брало новые потребительские кредиты, не будучи уверенным в сохранении уровня доходов и, как следствие, возможности обслуживать долги¹.

К наиболее значимым и устойчивым тенденциям, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, относится последовательный рост расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. В целом за 1998–2019 г. они выросли почти в 6,5 раза. И только в 2020 г. было отмечено падение этих расходов на 32%.

Менее последовательным изменениям подвержены ежемесячные расходы российских домохозяйств на топливо, горючее. Но, несмотря на это, в 2019 г. по сравнению с 2008 г. они выросли в 1,5 раза, а по сравнению с 1998 г. – в 4,9 раза.

¹ О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2020 года: Информационно-аналитический материал / Банк России. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31927/ravz_bs_20_12.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

Однако в 2020 г. эти расходы резко упали в 1,5 раза — до уровня 2008 г., примерно таким же значительным оказалось в 2020 г. снижение ежемесячных расходов домохозяйств на табачную продукцию. Хотя до этого они демонстрировали наиболее последовательный рост на протяжении многих предыдущих лет. В 2020 г. по сравнению с 2008 г. расходы домохозяйств на табак и табачные изделия выросли в 2,8 раза, а по сравнению с 1998 г. — в 3,4 раза. Еще одной статьёй расходов, которую затронуло подобное снижение, стали расходы на одежду и обувь. Если в 2019 г. они сократились только на 4,7%, то в 2020 г. — в 1,5 раза, или почти на 32%.

В то же время менее существенным было сокращение ежемесячных расходов домашних хозяйств на приобретение различных товаров повседневного спроса (мыло, игрушки, газеты и т. п.). Ранее на протяжении нескольких лет наблюдалось повышение этих расходов, но его темпы постоянно падали. В целом за 2008–2019 гг. расходы домохозяйств на различные товары повседневного спроса выросли на 18%, тогда как в 2020 г. они упали более чем в 1,4 раза, или на 26,4%.

В ходе анализа данных РМЭЗ НИУ ВШЭ было выявлено очередное сокращение ежемесячных расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. они снизились на 15,4%, оказавшись почти в 1,6 раза меньше, чем в 2011 г. Постоянные кризисы, девальвации, неопределенность и нестабильность жизненных обстоятельств научили россиян жить без долгосрочного планирования, сегодняшним днем. Домашняя бухгалтерия у нынешних российских семей упрощена до минимума, поскольку денег хватает только лишь на обязательные платежи, еду, одежду, выплаты по кредитам. У многих семей сегодня отсутствуют возможности формировать финансовые запасы, т. к. все заработки уходят на текущее потребление. Столкновение с пандемией коронавируса еще раз показало, что в случае серьезных катаклизмов у значительного большинства россиян не будет ресурсов для того, чтобы длительное время выживать в условиях, отличающихся от привычных. Но в то же время, несмотря на падающие доходы, многие были вынуждены по мере возможности переходить к сберегательной модели поведения. Коронакризис и его тяжелые последствия отчасти помогли этим людям осознать, что локдауны еще вполне могут происходить и что на такие случаи необходимо формировать резервы.

На рисунках 8–11 показаны долгосрочные изменения в структуре расходов российских домохозяйств. Они, в частности, показывают, что за годы постсоветского периода структура потребления населения России существенно трансформировалась. При этом в последние годы структура расходов домохозяйств была подвержена достаточно большим изменениям, вызванным негативными последствиями обострения экономического кризиса, в том числе из-за пандемии коронавируса¹.

Вместе с тем на уровне общих данных, характеризующих структуру расходов домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары, эти изменения, произошедшие в последние годы, практически не видны. Как видно из рисун-

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рисунках 8–11 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

ка 8, доля расходов российских домохозяйств на продукты питания уменьшилась с 41,5% в 2015 г. до 40,1% в 2017 г. т. е. на 1,4 п.п., но в 2018 г. она увеличилась на 0,7 п.п. — до 40,8%. За два следующих года эта доля немного сократилась: в 2019 г. до 40,7% и в 2020 г. — до 40,5%, т. е. на незначительные 0,3 п.п. Эти данные еще раз убеждают в том, что падение расходов домохозяйств в период обострения экономического кризиса затронуло практически в равной мере как расходы на продукты питания, так и расходы на непродовольственные товары.

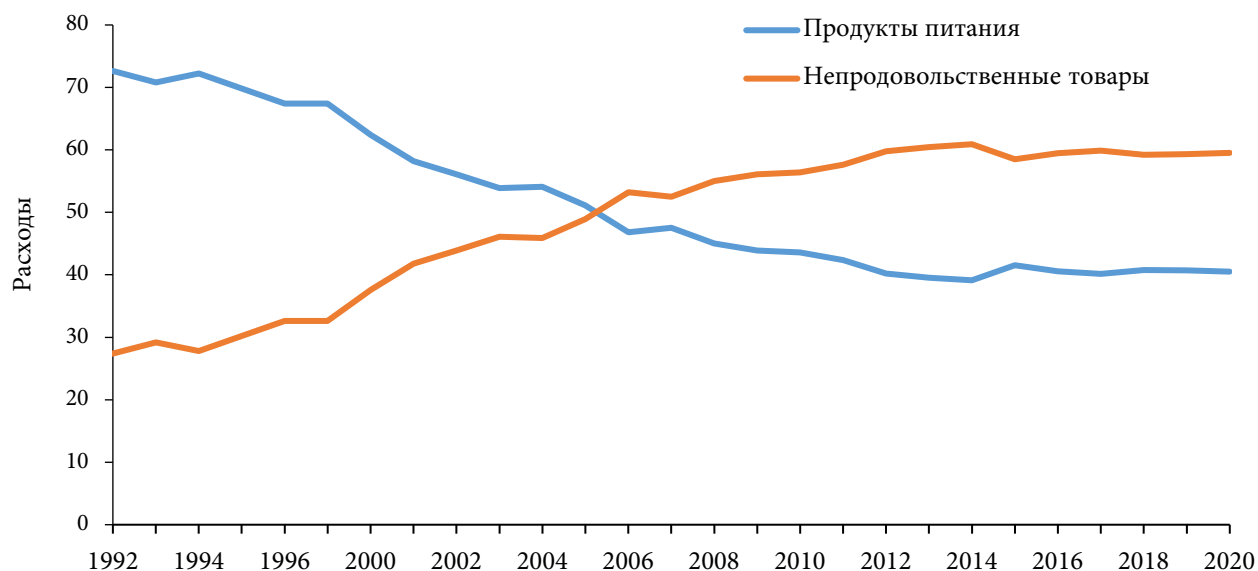


Рис. 8. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2020 гг., %

Пандемия коронавируса стала источником кардинальной трансформации потребительского спроса в России. Снижение доходов населения, жесткие карантинные ограничения и расширение дистанционной занятости привели к тому, что люди стали намного меньше покупать потребительских товаров. Значительно сократился спрос на товары длительного пользования, на услуги, люди стали меньше ходить в магазины, а больше заказывать товары онлайн, отказываться от дорогих продуктов питания и заменять их дешевыми аналогами. Пандемия существенно охладила потребительский пыл россиян в целом. Люди осознали, что без многих вещей и услуг пока можно легко обходиться.

Более детальное представление о долгосрочных тенденциях в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств дают рисунки 9–11, содержащие необходимый для этого подробный иллюстративный материал.

Так, из данных мониторинга, представленных на рисунке 9, видно, что достаточно значительным оказалось в последние годы снижение доли расходов домохозяйств на питание вне дома (в ресторанах, столовых, кафе, барах и т. п.). С 2018 по 2019 г. эта доля сократилась с 4 до 3,8% и далее в 2020 г. — до 2,6%.

Это снижение является следствием драматических изменений на рынке общественного питания, которые обусловлены пандемией коронавируса. Согласно данным Росстата, если в 2019 г. оборот отрасли общественного питания в России увеличился на 5,5%, то в 2020 г. он провалился на 20,7%. Худшими месяцами для российского рынка общественного питания в 2020 г. стали апрель и май (оборот

предприятий общепита обрушился на 52,6 и 52,9% соответственно). Тогда рестораны могли работать только в режиме обслуживания заказов навынос и доставки. В 2020 г. объемы доставки возросли на 90%. Именно она помогла всей ресторанной индустрии остаться на плаву в самые тяжелые месяцы локдауна, хотя и не смогла в достаточной мере компенсировать потери предприятий общественного питания. Наибольшие потери в период пандемии понес средний сегмент рынка (минус 40%), в том числе кофейни (минус 37%) и столовые (минус 38%). Наиболее пострадавшими от ограничений стали рестораны полного обслуживания. Их выручка оказалась на 56,3% меньше уровня 2019 г. Падение в сегменте дорогих ресторанов составило около 33%. И в то же время доходы сектора фастфуда сократились только на 21,2%

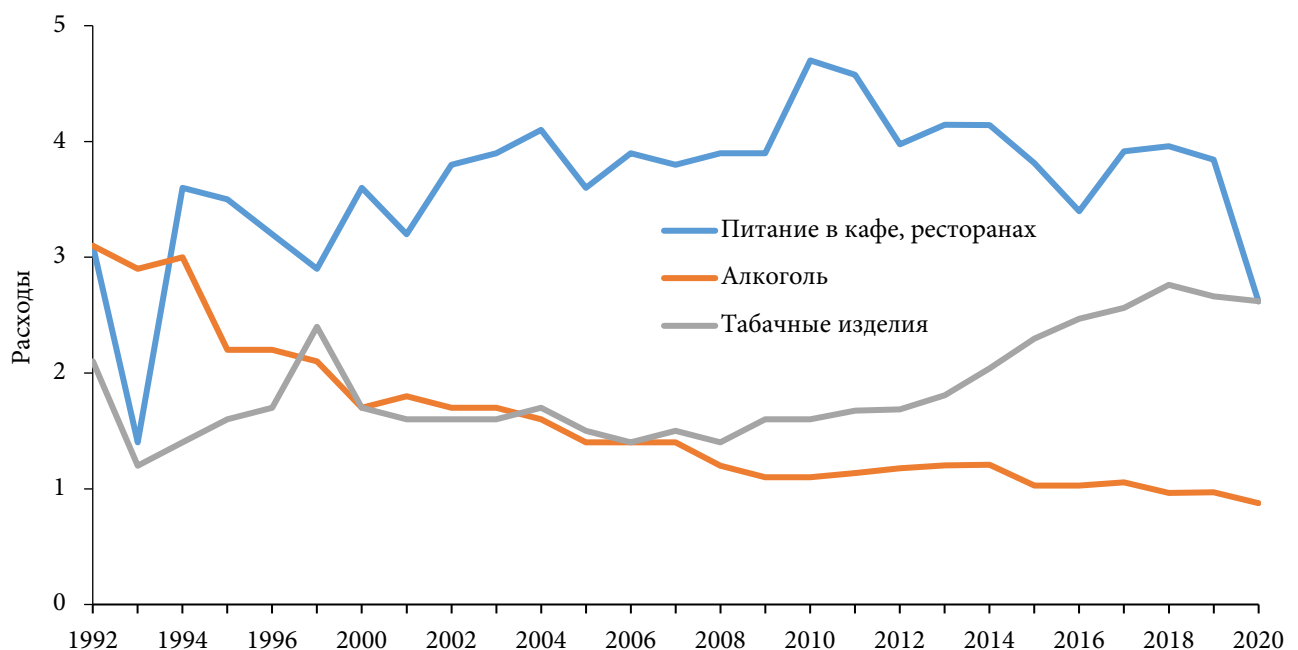


Рис. 9. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2020 гг., %

Менее значительным оказалось в последние годы сокращение доли расходов на табачную продукцию в совокупных расходах домохозяйств. За 2008–2018 гг. она последовательно выросла вдвое — с 1,4 до 2,8%, прибавляя ежегодно приблизительно по 0,1 п.п. Такой последовательный рост во многом объясняется постоянным повышением табачных налогов и цен на табачную продукцию в эти годы. Но в 2019 г. доля расходов домохозяйств на табачную продукцию уменьшилась на 0,1 п.п., а в 2020 г. — еще на 0,1 п.п. Это снижение было отмечено на фоне продолжающегося роста цен в табачной отрасли, который связан как с общей инфляцией на фоне стремительного падения курса рубля в 2020 г., так и с постоянным ростом акцизов в рамках государственной программы по снижению доступности табачной продукции для населения. Что касается расходов на алкоголь, то в последние годы их доля в общих расходах домохозяйств практически не менялась, составляя около 1%. Но в 2020 г. она немного уменьшилась — до 0,9%. По-видимому, падение доходов населения в совокупности с ростом цен вынудили многих россиян снизить свои расходы на табачную продукцию и алкоголь.

Заметным оказалось сокращение доли расходов домохозяйств на оплату различных услуг — одной из самых весомых статей бюджета семей. Как следует из рисунка 10, доля расходов обследованных домохозяйств на оплату услуг, после роста в 2013–2017 гг. до максимальных 15,8%, в 2018 г. сократилась на 0,4 п.п. — до 15,4%. Вместе с тем в 2019 г. она вновь увеличилась, но только на минимальные 0,1 п.п. — до 15,5%. Однако в 2020 г. произошло ее гораздо более заметное снижение на 1 п.п. — до 14,4%, т. е. до уровня, который фиксировался в 2012–2015 гг.

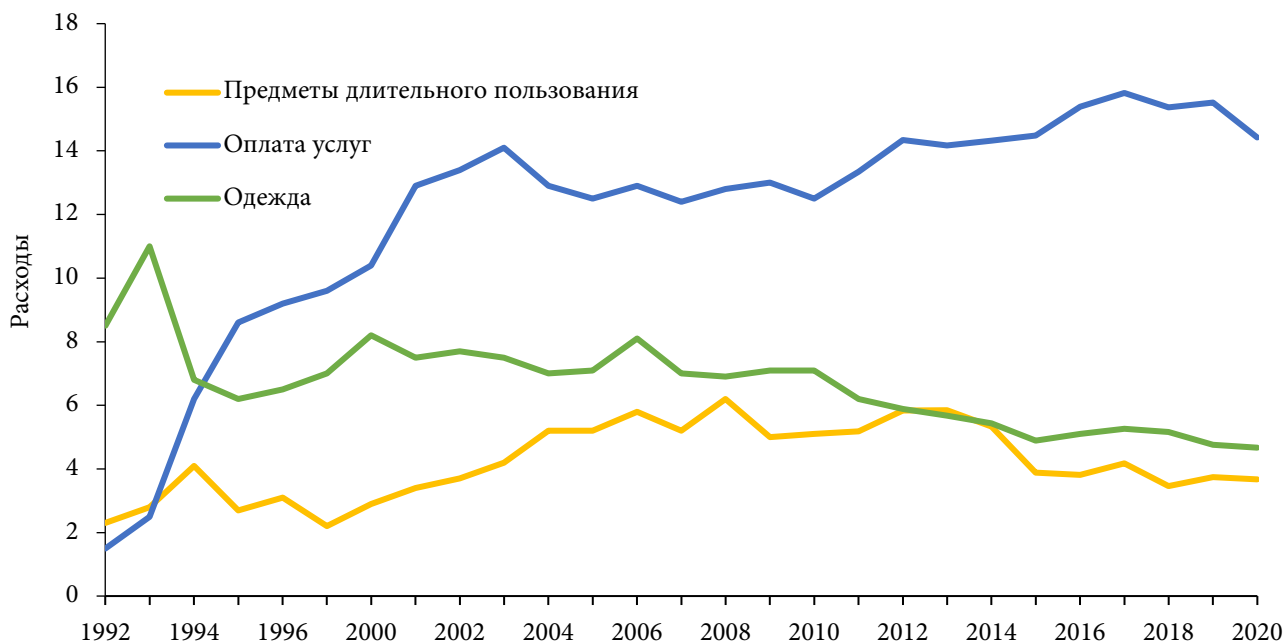


Рис. 10. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2020 гг., %

Достаточно устойчивой является тенденция, демонстрирующая на протяжении многих лет снижение доли расходов домохозяйств на одежду и обувь. После заметного сокращения за 2010–2015 гг. на 2,2 п.п. — с 7,1 до 4,9%, в следующие два года она увеличилась, но только на 0,4 п.п. — до 5,3% в 2017 г. И наконец, за 2018–2020 гг. она сократилась до 4,7%, т. е. на 0,6 п.п. После такого снижения доля расходов домохозяйств на одежду и обувь оказалась самой низкой за все время наблюдений в рамках мониторинга. В целом за 2010–2020 гг. она сократилась более чем в полтора раза.

К заметным тенденциям последнего времени, как видно из рисунка 11, относится постепенное сокращение удельного веса расходов домашних хозяйств на электронику и другие товары длительного пользования, которое наблюдается с небольшими перепадами, начиная с 2013 г. В целом за 2013–2018 гг. доля этих расходов домохозяйств уменьшилась более чем в полтора раза — с 5,8 до 3,5%. В 2019 г. было выявлено ее повышение на 0,2 п.п. — до 3,7% — и в 2020 г. она не изменилась.

Данные, приведенные на рисунке 11, убеждают, что к наиболее затратным статьям расходов российских домохозяйств относятся расходы на содержание жилья. Эти расходы, от которых проблематично или невозможно отказаться, постоянно растут, практически ежегодно, обновляя новый максимум. После небольшого сокращения с 13,2% в 2015 г. до 13% в 2016 г. они к 2020 г. выросли до максимальных 14%, в том числе за последний год на 0,2 п.п.

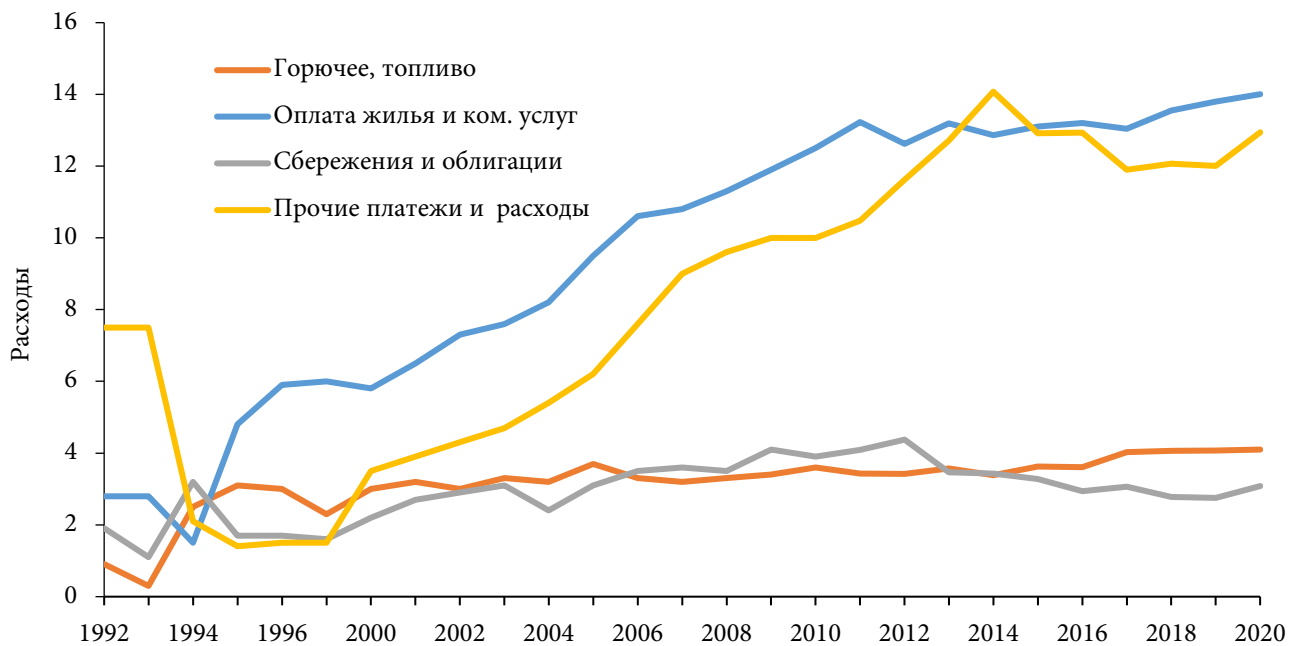


Рис. 11. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2020 гг., %

Постепенно выросла также, но не такими высокими темпами, как доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, доля расходов домохозяйств на горючее, топливо. С 2014 по 2018 г. доля этих расходов в совокупных расходах домохозяйств увеличилась на 0,7 п.п. — с 3,4 до 4,1% — и в 2019–2020 г. оставалась на достигнутом уровне. В то же время доля расходов домохозяйств, предназначенных для пополнения сбережений, в последние годы менялась очень мало. С 2012 г., когда было достигнуто максимальное значение, по 2019 г. она уменьшилась на немалые 1,6 п.п. — с 4,4 до 2,8%, но в 2020 г. увеличилась до 3,1%. Что касается прочих платежей и расходов домашних хозяйств, то после довольно последовательного снижения с 14,1% в 2014 г. до 12% в 2019 г. они выросли в 2020 г. до 12,9%.

В таблице 7 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о расходах домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2020 г. Соотношение средних расходов по каждой статье и средних общих расходов, рассматриваемое по квинтилям расходов, является не просто усредненным значением долей бюджета. Напротив, такое соотношение средних расходов соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйств. Данные мониторинга, представленные в таблице 7, свидетельствуют об остановке в 2020 г. тенденции, демонстрирующей снижение дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов, которое наблюдалось на протяжении нескольких предыдущих лет. Так, если в 2012–2013 гг. наиболее состоятельные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем наименее состоятельные двадцать процентов домохозяйств, то в дальнейшем эта разница последовательно сократилась до 4,7 раза в 2019 г. Но в 2020 г. она увеличилась до 5,1 раза. Увеличилась также дистанция по уровню расходов между самыми состоятельными и всеми остальными российскими домохозяйствами. В 2014 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного

квинтиля приблизительно в 2,4 раза, тогда как к концу 2019 г. эта разница постепенно сократилась до 1,8 раза. Но в 2020 г. был отмечен рост данного показателя до 2 раз. При этом если в 2019 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили в 3,4 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля, то в 2020 г. эта разница выросла до 3,7 раза. С 2,6 до 2,8 раза увеличилась также разница в величине ежемесячных расходов между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям душевых расходов, 2020 г., в руб. декабря 2020 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов, %				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1161	1541	1949	2022	2451
Мясо, птица, рыба	3199	4113	4702	5076	6389
Картофель	125	202	270	278	288
Хлеб	1116	1145	1219	1233	1292
Фрукты, овощи	842	1260	1597	1929	2578
Прочие продукты питания	1722	2318	2830	3172	3895
Питание в столовых, ресторанах, кафе	572	1080	1201	1841	2293
Продукты домашнего изготовления	1056	1129	994	1097	1230
Алкоголь	158	250	328	410	816
Всего расходов на продукты питания	9951	13 038	15 089	17 058	21 233
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	710	960	1054	1204	1444
Одежда	1341	2007	2292	2677	4045
Горючее, топливо	986	1432	1889	2241	3530
Электроника и др. товары длительного пользования	318	680	1455	2775	9435
Услуги и отдых	2617	3940	5281	7145	16 462
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	331	1014	3105	9700	35 379
Оплата жилья и коммунальных услуг	3150	3900	4634	4823	5672
Акции, облигации	0	0	0	0	110
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	828	969	1129	1201	1631
Сбережения	95	419	1205	2159	4815
Всего расходов на непродовольственные товары	10 376	15 323	22 046	33 925	82 523
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	20 328	28 362	37 136	50 985	103 757
Всего расходов на продукты питания. 2019 г. (в руб. декабря 2020 г.)	14 858	18 655	22 538	26 991	30 725
Всего расходов на непродовольственные товары. 2019 г. (в руб. декабря 2020 г.)	15 164	22 874	31 636	50 141	109 429
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары. 2019 г. (в руб. декабря 2020 г.)	30 023	41 525	54 173	77 133	140 150

В 2020 г. рост дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов и товаров происходил за счет опережающего снижения расходов наименее платежеспособных домохозяйств. Если в 2019 г. был отмечен рост расходов на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств всех квинтилей, то в 2020 г. было выявлено такое же всеохватывающее сокращение этих расходов. Но при этом расходы домохозяйств самого богатого квинтиля снижались не такими быстрыми темпами, как расходы других домохозяйств. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. ежемесячные расходы на все виды продуктов и товаров у домохозяйств первого квинтиля сократились на 32,3%; у домохозяйств второго квинтиля – на 31,7%; у домохозяйств третьего квинтиля – на 31,4% и у домохозяйств четвертого квинтиля – на 33,9%. В то же время у домохозяйств верхнего, т. е. самого богатого квинтиля эти расходы снизились только на 26%. Из этих данных видно, что в 2020 г. сокращение расходов двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств по своим темпам было ниже, чем сокращение расходов менее состоятельных домохозяйств, что способствовало усилению имущественного неравенства.

Примечательно, что несмотря на увеличение дифференциации домохозяйств по всем расходам, в 2020 г. было выявлено некоторое сокращение разрыва в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей. Если в 1990-х и в начале 2000-х гг. эта дистанция достигала 5–6 раз, то к концу 2019 г. она постепенно сократилась до 2,2 раза, а к концу 2020 г. – до 2,1 раза. И в то же время немного увеличилась величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами верхнего квинтиля и домохозяйствами ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2018 гг. она составляла около 1,2 раза, но в 2019 г. уменьшилась до минимальных 1,1 раза. Однако в 2020 г. эта дистанция вновь увеличилась до 1,2 раза.

Если двадцать процентов самых платежеспособных домохозяйств расходуют на продукты питания намного больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных, то по доле, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств противоположных квинтилей, наблюдается иная картина. При этом прослеживается последовательное сокращение «продовольственной» доли расходов по мере роста платежеспособности домохозяйств. В 2019 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,3 раза больше, чем у домохозяйства наиболее состоятельного квинтиля (49,5% против 21,9%). В 2020 г. эта разница немного увеличилась – до 2,4 раза (49% против 20,5%). Но в то же время надо заметить, что еще совсем недавно, в 2018 г., она достигала более чем 2 раз (48% против 23,5%).

Таким образом, за последний год весомость расходов на продовольствие в общих расходах на продовольствие и непродовольственные товары снизилась как у наиболее, так и у наименее платежеспособных домохозяйств. Но у самых богатых домохозяйств это снижение оказалось более существенным. Хотя здесь следует заметить, что еще совсем недавно, в 2016 г., доля расходов на продукты питания у домохозяйств самого платежеспособного квинтиля составляла только 16,6%, т. е. была почти на треть меньше, чем сегодня. Характерно также то, что доля «продовольственных» расходов у домохозяйств ближайшего к нижнему второго квинтиля

увеличилась с 44,4% в 2018 г. до 44,9% в 2019 г. и далее до 46% в 2020 г. У домохозяйств третьего квинтиля был отмечен совершенно незначительный рост с 41,4% в 2018 г. до 41,5% в 2019 г., который в 2020 г. сменился снижением до 40,6%. И в то же время у домохозяйств четвертого квинтиля наблюдалось последовательное падение данного показателя с 37,6% в 2018 г. до 35% в 2019 г. и далее до 33,5% в 2020 г.

В 2019 г. у менее состоятельных домохозяйств наблюдался рост расходов на продукты питания, в то время как у более состоятельных их снижение, но сравнительно небольшое. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на продовольствие за последний год выросли на 8,3%, у домохозяйств второго квинтиля – на 5,2%, а у домохозяйств третьего квинтиля – на 1,9%. И в то же время у домохозяйств четвертого квинтиля эти расходы сократились на 2,1%, а у домохозяйств верхнего квинтиля снизились на 3,8%. Однако в 2020 г. расходы на продукты питания резко упали у домохозяйств всех квинтилей. Это снижение составило от 30% у домохозяйств второго и пятого квинтилей до 37% у домохозяйств четвертого квинтиля.

Несмотря на огромное падение расходов населения на продукты питания, в 2020 г., как и годом ранее, двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств тратили на молочные продукты в 2,1 раза больше, чем двадцать процентов наименее состоятельных. Примерно на таком же уровне этот разрыв сохранялся в предыдущие два года, что было, однако, намного меньше, чем 3,7 раза в 2008 г. Практически такая же картина наблюдалась в отношении изменения различий в расходах на мясо, птицу и рыбу. Разрыв в величине этих расходов между домохозяйствами полярных квинтилей достаточно последовательно уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,1 раза в 2018–2019 гг. и до 2 раз в 2020 г. Более значительными оказались эти изменения в отношении расходов на фрукты и овощи. Дистанция в расходах на эту продукцию между домохозяйствами наиболее и наименее обеспеченных квинтилей за 2008–2019 гг. сократилась с 5,7 до 3,1 раза и в 2020 г. не изменилась.

Более динамично в последние годы менялась разница в расходах домохозяйств, относящихся к противоположным квинтилям, на картофель. За 2008–2019 гг. со значительными перепадами она сократилась почти в 2,5 раза – с 5 до 2,1 раза, но в 2020 г. увеличилась до 2,3 раза. Характерно, что одной из самых незначительных и довольно стабильных во все годы была разница между домохозяйствами полярных квинтилей в величине расходов на хлебобулочную продукцию, не превышающая обычно 1,1–1,2 раза. В 2020 г. она, как и во многие предыдущие годы, составила 1,2 раза.

Но наиболее существенной была в течение последних двух лет дистанция между двадцатью процентами наиболее платежеспособных и двадцатью процентами наименее платежеспособных домохозяйств в расходах на алкогольную продукцию. Сокращение за 2012–2018 гг. этой дистанции с 7,8 до 3,4 раза в 2019 г. сменилось ростом до 6,2 раза. Однако в 2020 г. эта разница вновь сократилась до 5,2 раза, оставаясь довольно значительной. Существенной в последние годы была также разница в величине расходов домохозяйств противоположных квинтилей на питание вне дома. С 2008 по 2018 г. с некоторыми перепадами она сократилась с 8,8 раза до минимальных 2,4 раза. Но в 2019 г. этот разрыв увеличился до 2,9 раза, а в 2020 г. вырос до значительных 4 раз.

В прошедшем году наблюдались примерно такие же различия в структуре расходов на питание между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами, как и годом ранее. Как и во все предыдущие годы, у домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственную продукцию занимали траты на такие дорогие, но очень важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба. И в то же время на последних позициях у домохозяйств всех квинтилей располагались расходы на картофель и алкоголь. Кроме того, у домохозяйств нижнего квинтиля высокую третью позицию в структуре расходов занимали в 2020 г. расходы на хлебобулочную продукцию. Они тратили на хлеб больше денег, чем на фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств наблюдалась противоположная картина. У домохозяйств самого богатого квинтиля более высокое место в структуре расходов, чем у бедных и малообеспеченных домохозяйств, занимали также траты на питание вне дома, тогда как у домохозяйств нижнего квинтиля – расходы на продукты домашнего изготовления.

В 2020 г. было отмечено увеличение неравенства между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Так, с 2012 по 2018 г. разница в расходах на непродовольственные товары между двадцатью процентами самых состоятельных и двадцатью процентами наименее состоятельных домохозяйств сократилась с 13,2 до 7 раз. Однако в 2019 г. она увеличилась до 7,2 раза, а в 2020 г. – до 8 раз. При этом разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2018–2020 гг. колебался в пределах 2,2–2,4 раза.

Дальнейший анализ показал, что расходы домохозяйств на непродовольственные товары, как и в случае с расходами на продукты питания, упали в 2020 г. во всех квинтильных группах. Но если у домохозяйств от первого до четвертого квинтилей это падение составило от 30 до 33%, то у наиболее состоятельных домохозяйств оно не превысило 25%.

В 2020 г. были выявлены новые значительные изменения, характеризующие различия между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров. Анализ данных мониторинга, в частности, показал, что наибольшим остается разрыв между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей в расходах на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, и этот разрыв постоянно увеличивается. Так, в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом эта разница выросла с 45 до 51 раз, в 2019 г. – до 68 раз, а в 2020 г. – до 107 раз. В 2020 г. домохозяйства самого состоятельного квинтиля превосходили по величине расходов на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам домохозяйства второго квинтиля в 35 раз, домохозяйства третьего квинтиля – в 12 раз, а домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля – в 3,6 раза (что было больше, чем 3,4 раза в 2019 г. и 2,9 раза в 2018 г.). Эти расходы продолжают составлять самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств. В 2020 г. на них приходилось около 43% всех расходов этих домохозяйств на непродовольственные товары и около 34% общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары. С падением уровня платежеспособности их место в структуре непродовольственных расходов

домохозяйств постепенно снижается. Если у домохозяйств четвертого квинтиля они занимают в этой структуре, как и у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля, первое место, то у домохозяйств третьего квинтиля — только третье, у домохозяйств второго квинтиля — пятое. А у домохозяйств нижнего квинтиля эти расходы находятся на одном из последних мест. В 2020 г. на них приходилось немногим более 3% расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары и всего лишь около 1,5% общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары.

Как и прежде, другой наиболее затратной статьей бюджета российских домохозяйств, весомость которой непосредственно зависит от уровня семейных доходов, остаются расходы на услуги и отдых. Среди статей бюджета домохозяйств второго и третьего квинтилей они занимают по своей величине первое место, а в бюджете домохозяйств остальных квинтилей уверенно стоят на втором месте. При этом обращает на себя внимание то, что разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. Так, с 2012 по 2020 г. он поступательно снизился более чем вдвое — с 13 до 6,3 раза. В 2020 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, в 2,3 раза, что было незначительно больше, чем 2,2 раза в 2019 г., но существенно меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2018 г.

К наиболее затратным статьям бюджета значительного большинства домохозяйств, весомость которой в условиях экономических кризисов для бедных семей не только не снижается, а постоянно повышается, относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У домохозяйств нижнего квинтиля, т. е. у наименее обеспеченных домохозяйств, эта расходная статья уже длительное время неизменно стоит на первом месте. В 2020 г. на нее приходилось более 30% всех расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары и почти 16% их общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары. Как и годом ранее, у домохозяйств второго и третьего квинтилей эти расходы занимают в общих расходах на непродовольственные товары вторую позицию, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля — третью строку, а у домохозяйств верхнего квинтиля — четвертую. Но при этом в 2020 г. двадцать процентов наиболее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,8 раза (в 2019 г. — в 1,9 раза) больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств. В 2020 г. на эти расходы приходилось только около 7% расходов наиболее обеспеченных домохозяйств на непродовольственные товары и около 5,5% их общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары.

В 2020 г. двадцать процентов наименее состоятельных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 10 раз больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования (в 2019 г. — в 10,4 раза больше), в 9,5 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (в 2019 г. — в 7,7 раза больше), и в 2,3 раза больше, чем на приобретение таких предметов первой необходимости, как одежда и обувь (в 2019 г. — в 2,2 раза больше). И в то же время домохозяйства наиболее обеспеченного квинтиля расходовали на оплату жилья и коммунальных услуг в 6,2 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым по-

лисам (в 2019 г. — в 4,7 раза меньше), в 2,9 раза меньше, чем на оплату услуг и от-
дых (в 2019 г. — 3,2 раза меньше), и в 1,7 раза меньше, чем на оплату электроники
и других товаров длительного пользования (в 2019 г. — в 1,5 раза меньше).

В последние годы заметно пошатнулась весомость расходов домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. В 2020 г., как и годом ранее, эти траты располагались в структуре расходов на непродовольственные товары на третьем месте у домохозяйств верхнего квинтиля, на четвертой позиции у домохозяйств четвертого квинтиля, тогда как у менее обеспеченных домохозяйств они размещались на самых дальних позициях. Вместе с тем разрыв в величине этих расходов между самыми обеспеченными и наименее обеспеченными домохозяйствами в последние годы практически не меняется. Если в течение многих предыдущих лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, но к концу 2017 г. она уменьшилась до 29 раз и далее практически не менялась, составив в 2018–2020 гг. около 30 раз. Разрыв в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2019 г. по сравнению с 2018 г. сократился с 3,6 до 3 раз, но в 2020 г. вновь увеличился до 3,4 раза. В 2020 г. на данные расходы приходилось только около 11% всех расходов наиболее обеспеченных домохозяйств на непродовольственные товары и около 9% их общих расходов на продовольственные и непродовольственные товары. У двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств эти показатели оказались намного ниже — около 3 и 1,5% соответственно.

Чрезвычайно огромной остается дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. В 2020 г. она составила 51 раз, что было немного больше, чем 49 раз в 2018 г. и 47 раз в 2019 г. Разница в объеме средств, предназначенных для сбережений, между домохозяйствами верхнего и второго квинтилей в 2020 г. составила 11,5 раза, верхнего и третьего квинтилей — 4 раза, верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля достигала 2,2 раза. Если у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля эти расходы составляли около 4,6% всех расходов на продукты питания и непродовольственные товары, то у домохозяйств беднейшего квинтиля — только около 0,5% аналогичных совокупных расходов.

В условиях перманентных экономических кризисов бедные и малообеспеченные домашние хозяйства вынуждены тратить немалую часть своих средств на приобретение одежды и обуви. Как и годом ранее, в 2020 г. эти расходы занимали у домохозяйств нижнего и ближайшего к нему второго квинтиля третью строку в структуре расходов на непродовольственные товары. В то же время у домохозяйств третьего квинтиля они располагались на четвертом месте, у домохозяйств четвертого квинтиля — на пятом, а у домохозяйств самого платежеспособного верхнего квинтиля — на шестом месте. В 2020 г. домохозяйства самого обеспеченного квинтиля тратили на покупку одежды и обуви почти в 3 раза больше, чем домохозяйства наименее обеспеченного квинтиля. Это было немного больше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2019 г. Характерно, что в 2020 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 4,2 раза больше (в 2019 г. — в 4,7 раза больше), чем на приобретение электроники и других предметов длительного пользования, и в 4,1 раза больше (в 2019 г. — в 3,5 раза

больше), чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. И в то же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2020 г., как и годом ранее, тратили на покупку одежды и обуви в 2,3 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования.

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократилась разница между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами в расходах на топливо, горючее – с 4,1 до 3,6 раза. С 2008 по 2017 г. она достаточно последовательно уменьшилась с 10 до 3,3 раза и в 2018 г. не менялась. Заметим также, что в 2020 г., как и в 2019 г., двадцать процентов самых обеспеченных домохозяйств тратили на топливо в 1,6 раза больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля (в 2018 г. – в 1,3 раза). В структуре расходов на непродовольственные товары беднейших и малообеспеченных домохозяйств эти расходы, как и годом ранее, занимали четвертую позицию, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля они находились на пятом месте, у домохозяйств четвертого квинтиля – на шестом месте, а у самых обеспеченных домохозяйств – на седьмом месте.

Разница в расходах на табачную продукцию между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами увеличилась с 1,7 раза в 2018 г. до 2 раз в 2019 г. и в 2020 г. оставалась на прежнем уровне. В 2020 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля тратили на табачную продукцию в 2,2 раза больше (в 2019 г. – в 2,5 раза больше), чем на электронику и другие предметы длительного пользования, и в 2,1 раза больше (в 2019 г. – в 1,9 раза больше), чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Разрыв в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы, посуда и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, в последние годы практически не менялся. В 2020 г. он составил около 2 раз.

Таким образом, прошедший год характеризовался резким падением расходов домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары. В условиях стремительного снижения доходов населения, роста безработицы и пандемийных ограничений падение затронуло практически все статьи расходов обследованных домохозяйств. На покупательское поведение россиян повлияли также переход работников на удаленный режим работы, отсутствие массовых развлекательных мероприятий, поздний старт туристического сезона, ожидание второй волны коронавируса. Пострадавшие от пандемии домохозяйства придерживались различных стратегий выживания. Одни стали реже делать покупки, полностью отказываться от некоторых продуктов питания, товаров и услуг, развлечений, тогда как другие стали покупать более дешевые продукты и товары. Потребительский спрос в целом, продолжая плавное снижение, перешел с промтоваров на товары первой необходимости и продукты питания. Многие россияне в новых условиях значительно сократили расходы на продукты, одежду, обувь, развлечения, аренду, медицину. Выявлен рост дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов и товаров, который происходил за счет опережающего снижения расходов у менее платежеспособных домохозяйств. В условиях пандемии коронавируса экономика лишилась одной из главных своих надежд, связанной с оживлением за счет увеличения потребительского спроса.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В таблице 8 приводится подробная информация РМЭЗ НИУ ВШЭ по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2020 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 8

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1992–2020 гг., %

Категории	Период сбора данных										
	1992	1998	2000	2004	2008	2010	2012	2014	2018	2019	2020
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	10,8	8,4	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	3,2	3,6	3,3
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу*)	–	11,2	8,5	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	3,2	3,6	3,4
Уровень скрытой безработицы	–	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	17,1	10,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,5	1,7	1,5
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
Менее 1 месяца	–	5,4	9,0	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	11,3	14,2	9,7
1–3 месяца	–	20,6	15,8	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	20,8	27,4	13,4
более 3 месяцев	–	74,0	75,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	67,9	58,4	76,9
Участие в рабочей силе	86,7	82,6	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	81,0	81,5	80,9
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	8,7	9,0	7,5
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	5,8	5,7	4,6

*«Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Эти данные, в частности, показывают, что уровень безработицы, после снижения в течение ряда лет, в декабре 2019 г. вырос до 3,6%, но к декабрю 2020 г. вновь снизился на 0,2 п.п. — до 3,4%, т. е. до одного из самых низких значений. Ниже уровень безработицы был только в декабре 2018 г., когда доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего работу, составляла 3,2%.

Что касается так называемой «скрытой» безработицы, которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2020 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, практически отсутствовала. Поправки на скрытую безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ они были несущественны, что в определенной мере свидетельствовало об оздоровлении ситуации на рынке труда.

Пандемия инициировала ряд серьезных процессов на рынке труда. Один из наиболее заметных из них – высвобождение рабочей силы. Но при этом работы лишились не так много работников, как можно было ожидать в сложившихся условиях. Умеренный рост безработицы в разгар пандемии объясняется прежде всего принятыми Правительством РФ мерами помощи малому и микробизнесу, индивидуальным предпринимателям, самозанятым, стратегическим и системообразующим предприятиям, в число которых входили мораторий на банкротство и проверки, кредитные каникулы, беспроцентные кредиты на выплату заработных плат, снижение страховых взносов для организаций и индивидуальных предпринимателей из реестра малого и среднего предпринимательства. Некоторые из этих мер снижали издержки сохранения рабочих мест и, соответственно, стимулы для увольнения. В ряде ситуаций ключевым условием получения поддержки государства было сохранение занятости не ниже заданного уровня. Другим фактором довольно умеренного роста безработицы могли стать ожидания экономических агентов, согласно которым спад производства окажется кратковременным и эпидемиологические ограничения в скором времени будут сняты. В результате экономическая активность быстро восстановится до прежних уровней. При таких ожиданиях увольнять сотрудников нецелесообразно¹. Еще одним фактором стал массовый перевод работников на дистанционный формат работы, сдерживающий процесс увольнения сотрудников предприятий и организаций. По итогам 2020 г. число людей, работающих дистанционно, выросло в России в 110 раз по сравнению с 2019 г.²

Помимо общих сведений об уровне безработицы, в таблице 8 приведены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что если в течение 2019 г. структура безработицы претерпела заметные изменения в сторону сокращения ее длительности, то в 2020 г. наблюдалась противоположная картина, демонстрирующая стремительный рост длительной безработицы за счет сокращения средневременной и кратковременной безработицы. В целом с октября 2010 г. по декабрь 2019 г. доля длительной безработицы, превышающей три месяца, сократилась на 12,3 п.п. – с 70,7 до 58,4%. Однако в декабре 2020 г. был отмечен ее резкий рост на значительные 18,5 п.п. – до 76,9%. В результате этого роста было достигнуто

¹ Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 7 (139). Апрель 2021 г. / Под ред. В. С. Гуревича, С. М. Дробышевского, А. В. Колесникова [и др.]; Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2021. URL: <https://www.ranepa.ru/pdf/monitoring/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-7-139-aprel-2021-g.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

² Быкова Н. Как изменится работа: Интервью с В. Вахштайном // Эксперт. 2021. № 29 (1215). С. 44–49.

максимальное значение данного показателя за все время наблюдений. Такой значительной длительная безработица была только в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. В то же время доля средневременной безработицы, длительностью от одного до трех месяцев, за 2010–2019 гг. увеличилась на 7,7 п.п. — с 19,7 до 27,4%, тогда как в 2020 г. она резко сократилась до 13,4%, т. е. на 14 п.п. Таким же тенденциям была подвержена безработица длительностью менее месяца. Ее доля за 2010–2019 гг. увеличилась на 4,6 п.п. — с 9,6 до 14,2%, тогда как в декабре 2020 г. она снизилась на 4,5 п.п. — до 9,7%.

На рисунке 12 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2020 гг. Анализ этих данных убеждает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.



Рис 12. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2020 гг., %

Как следует из данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных на рисунке 12, с декабря 2015 г. по декабрь 2018 г. официальная безработица среди мужчин постепенно сократилась на 2,2 п.п. — с 5,4 до 3,2%. В декабре 2019 г. она увеличилась на минимальные 0,1 п.п. — до 3,3%, но в декабре 2020 г. опять снизилась на 0,5 п.п. — до 2,8%. В результате этого снижения был достигнут самый низкий уровень безработицы среди мужчин за весь постсоветский период. В то же время уровень безработицы среди женщин с декабря 2015 г. по декабрь 2018 г. сократился на 2,4 п.п. — с 5,7% до минимальных 3,3%. Но в декабре 2019 г. безработица среди женщин увеличилась на 0,7 п.п. — до 4%, а в декабре 2020 г. — до 4,1%.

Дальнейший анализ данных мониторинга, представленных в таблице 8, показал, что в последние полтора десятилетия проблема долгов по заработной плате беспокоила небольшую часть работающих граждан и их семей. Доля работников,

заявивших о невыплате им заработной платы в течение 30 дней, предшествующих опросу, увеличилась с 1,5% в декабре 2018 г. до 1,7% в декабре 2019 г., но в декабре 2020 г. она вновь снизилась до прежних 1,5%. Данные, представленные в таблице 8, показывают, что проблема долгов по зарплате сегодня стоит не так остро, как в 1990-х и в начале 2000-х гг., когда о невыплате заработной платы в течение последних 30 дней заявлял каждый десятый, а в отдельные годы каждый шестой или даже каждый седьмой работник.

Две нижние строки таблицы 8 демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности следует, что в декабре 2019 г. сообщили о смене в прошедшем году своего места работы 9% респондентов, тогда как в декабре 2020 г. таких оказалось гораздо меньше – только 7,5%. В то же время доля респондентов, заявивших о смене в прошедшем году своей профессии, в декабре 2020 г. составила 4,6%, сократившись за последний год на 1,1 п.п. В результате этих изменений в 2020 г. были зафиксированы минимальные значения показателей оборота рабочей силы и профессиональной мобильности за все постсоветские годы.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных в таблице 8, которые характеризуют изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), свидетельствует о дальнейшем снижении данного показателя, в результате которого был обновлен прежний минимум, зафиксированный в 2018 г. Начиная с 1998 г. уровень участия в рабочей силе колебался в границах узкого коридора значений, но после 2009 г. он начал постепенно уменьшаться. За указанный период данный показатель сократился на 2,2 п.п. – с 83,2% в декабре 2010 г. до 81% в декабре 2018 г. В декабре 2019 г. уровень участия в рабочей силе повысился на 0,5 п.п. – до 81,5%, однако в декабре 2020 г. вновь снизился до минимальных 80,9%.

На рисунке 13 представлены данные мониторинга, характеризующие участие в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее).

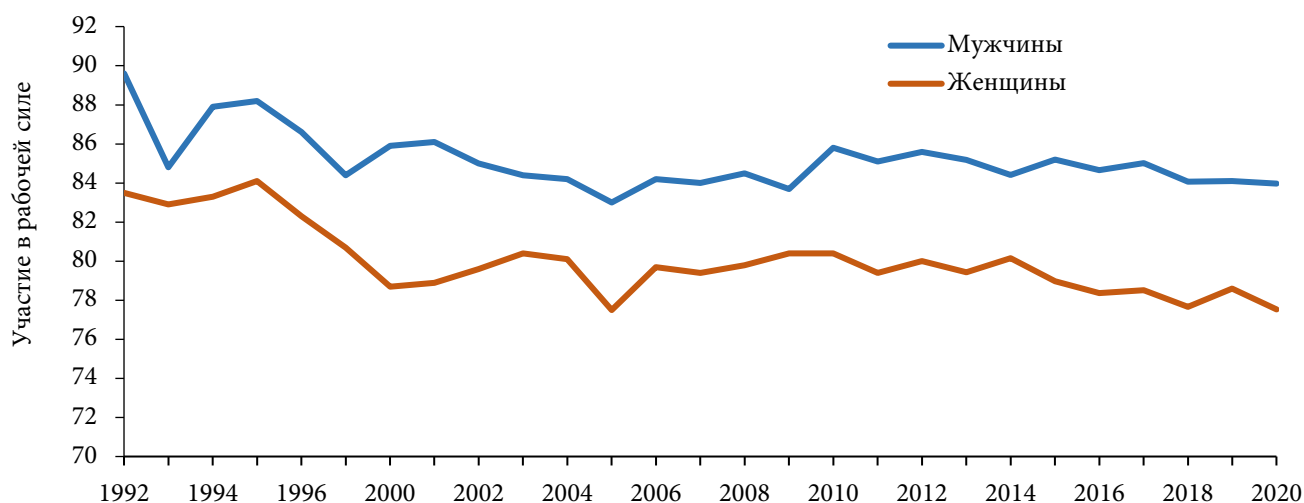


Рис. 13. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (доля лиц, имеющих работу или ищущих ее), 1992–2020 гг., %

Эти данные показывают, что в 2020 г. показатель участия в рабочей силе снизился как у мужчин, так и у женщин. Но если у мужчин коэффициент участия в рабочей силе сократился всего лишь на 0,1 п.п. – с 84,1 до 84%, то у женщин на 1,1 п.п. – с 78,6 до 77,5%. В результате этих изменений преобладание мужчин над женщинами по показателю участия в рабочей силе сократилось с 5,5 п.п. в декабре 2019 г. до 6,5 п.п. в декабре 2020 г.

Основным механизмом обеспечения гарантированных доходов пожилым людям является государственное пенсионное обеспечение. Но при этом предоставление пожилым людям возможности трудиться важно как с позиций поддержания их доходов, использования имеющегося трудового потенциала, так и с точки зрения их социализации, участия в жизни общества. На рисунке 14 приведены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию.

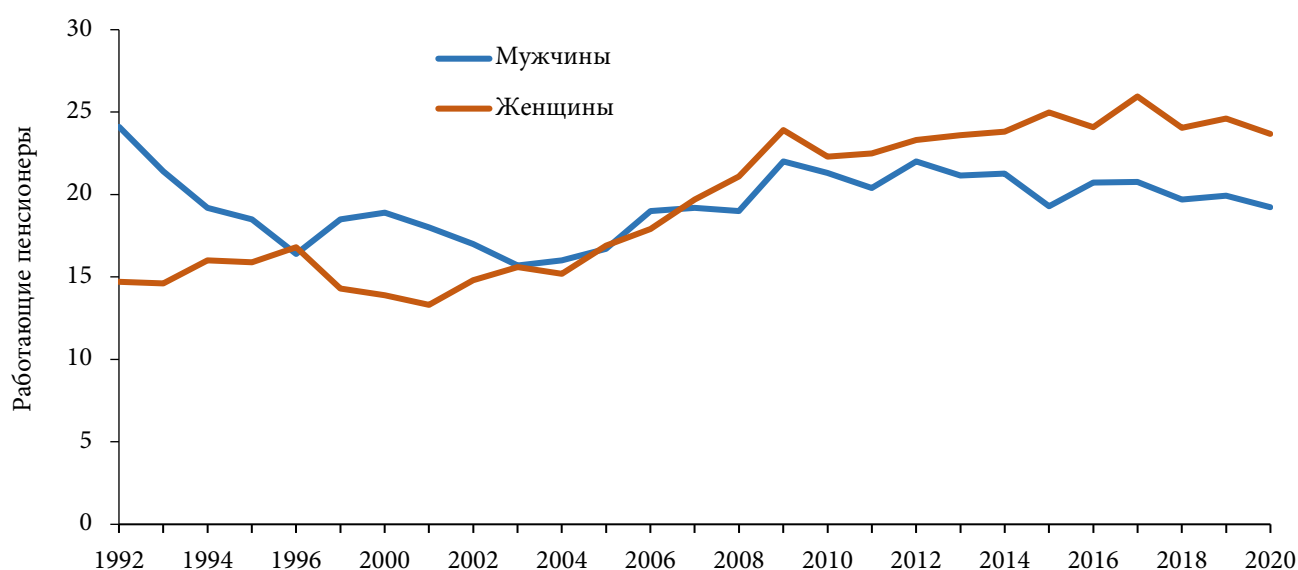


Рис. 14. Доля работающих пенсионеров, 1992–2020 гг., %

Эти данные показывают, что в декабре 2020 г. уровень занятости у мужчин и женщин, получающих пенсию, после одновременного увеличения в предыдущем году так же синхронно снизился. Так, в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. доля занятых среди мужчин-пенсионеров увеличилась с 19,7 до 19,9%, тогда как в декабре 2020 г. она снизилась до 19,2%, т. е. на 0,7 п.п. В то же время доля занятых среди женщин-пенсионеров, после увеличения в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. с 24 до 24,6% в декабре 2020 г. снизилась на 0,9 п.п. – до 23,7%. Преобладание женщин-пенсионеров над мужчинами-пенсионерами по доле занятых за последний год снизилось с 4,7 до 4,5 п.п.

Для более полной характеристики анализируемой картины отметим, что, согласно данным Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в декабре 2020 г. составила 75,2 млн человек (в декабре 2019 г. – 75,9 млн человек), из них 70,8 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 4,4 млн человек – как безработные, соответствующие критериям МОТ (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). В декабре 2019 г. таких было 72 млн и 3,5 млн человек соответственно. При этом следует иметь ввиду, что демографи-

ческие итоги 2020 г. оказались худшими за последние пятнадцать лет. Эпидемия коронавируса вызвала резкий рост смертности и сократила приток внешних мигрантов. Постоянное население страны уменьшилось на 582,2 тыс. человек – до 146,17 млн человек.

Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2020 г. составил 5,9% (декабрь 2019 г. – 4,6%). При этом уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15 лет и старше) в декабре 2020 г. составил 58,6% (декабрь 2019 г. – 59,8%).

В декабре 2020 г. среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин составила 48,1%, городских жителей – 69,9%, молодежи от 15 до 25 лет – 16,5%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности, – 19,4%. Уровень безработицы среди сельских жителей (7,8%) превышал уровень безработицы среди горожан (5,3%), а уровень безработицы мужчин (6,0%) был выше уровня безработицы женщин (5,8%).

Таким образом, в 2020 г. ситуация на рынке труда характеризовалась как неустойчивая и неопределенная. Уровень безработицы в России за последний год изменился очень мало. Но при этом безработица среди мужчин сократилась, тогда как среди женщин выросла. Очень четко обозначился рост долговременной безработицы после снижения ее в предыдущем году. Выявлено снижение уровня участия в рабочей силе как у мужчин, так и у женщин, но у женщин это снижение оказалось более значительным. Доля работников, которые сталкивались с невыплатами заработной платы, снизилась до минимально низкого уровня. Отмечено также уменьшение доли работающих среди получающих пенсию мужчин и женщин, которое у женщин оказалось более значительным.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В этом разделе представлены результаты РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих условия жизни российских семей. К ним относятся, в частности, сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Согласно данным мониторинга, в 2020 г. впервые после длительного периода сокращения, который наблюдался с 1998 г., был отмечен рост числа работников предприятий и организаций, имеющих какую-либо задолженность по заработной плате на основной работе. Как видно из рисунка 15, за последний год доля работников, не полностью получивших зарплату, увеличилась с 1,1 до 2,5%, т. е. до уровня 2016 г. В то же время средняя сумма задолженности по зарплате перед этими работниками, после роста в конце 2019 г. по сравнению с концом 2018 г. на

4,9% — с 46 251 до 48 499 руб., — в конце 2020 г. резко упала более чем в 1,6 раза — до 29 452 руб. После такого значительного снижения данный показатель опустился до уровня 1998 г.



Рис. 15. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2020 гг.

В таблице 9 представлены данные мониторинга за 1994–2020 гг. о распределении работников, которым на основном месте работы задерживалась заработная плата, по сроку задолженности. Эти данные, в частности, показывают, что если в 2017–2018 гг. наряду с ростом средней суммы задолженности по зарплате увеличились и сроки указанной задолженности, то в 2019 г. эти сроки сократились. В 2020 г. снижение сроков задолженности, наблюдающееся на фоне значительного падения средней суммы задолженности по заработной плате, продолжилось.

Так, в 2018 г. по сравнению с 2016 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на минимальные сроки, т. е. на 1 месяц и менее, уменьшилась на весьма значительные 20,7 п.п. — с 78,2 до 57,5%. В 2019 г. она выросла до 66,8%, т. е. на 9,3 п.п., но в 2020 г. вновь снизилась до 59,7%. В то же время доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, с 2016 по 2020 г. последовательно выросла почти втрое — с 8,3 до 22,9%, в том числе за последний год на 10,2 п.п. При этом доля работников, которым заработная плата задерживалась на 2–3 месяца, с 2016 по 2019 г. увеличилась с 5,6 до 9,8%, но в 2020 г. она уменьшилась до 7,6%. Что касается доли работников, которым заработная плата задерживалась на срок более 3 месяцев, то она за последний год изменилась незначительно. С 2016 по 2019 г. эта доля выросла с 7,8 до 10,6%, но в 2020 г. она снизилась до 9,8%.

Таблица 9

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению*, 1994–2020 гг.

Население	Доля лиц, не полностью получивших зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. декабря 2020 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	30 385
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	15 672
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	23 385
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	39 151
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	20 141
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	29 209
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	20 384
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	12 137
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	16 841
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	23 393
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	15 523
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	19 924
2012						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	39 852
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	28 287
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	35 914
2016						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	42 376
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	23 938
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	35 290
2019						
Мужчины	1,4	69,8	14,4	7,4	8,4	54 771
Женщины	0,8	59,0	8,3	16,2	16,5	32 886
Всего работников	1,1	66,8	12,7	9,8	10,6	48 499
2020						
Мужчины	1,3	60,9	18,1	9,9	11,2	35 779
Женщины	1,2	57,6	31,3	3,7	7,4	18 707
Всего работников	2,5	59,7	22,9	7,6	9,8	29 452

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Несмотря на значительные изменения в области оплаты труда, вызванные обострением экономического кризиса в период пандемии коронавируса, в 2020 г., как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие сроки, чем мужчинам. При этом с 2016 по 2018 г. доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин уменьшилась с 3,1 до 1,2%. В 2019 г. она немного увеличилась – до 1,4%, но в 2020 г. опять снизилась до 1,3%. В то же время аналогичная доля работников среди женщин уменьшилась более чем в 2,5 раза – с 2,1% в 2016 г. до 0,8% в 2019 г., но в 2020 г. она увеличилась до 1,2%.

Если в 2019 г. у мужчин прослеживалось довольно четкое снижение сроков задолженности по заработной плате на основном месте работы, то в 2020 г. не менее отчетливо проявилось повышение этих сроков. Так, среди респондентов-мужчин за последний год доля работников, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, уменьшилась на 8,9 п.п. – с 69,8 до 60,9%. Это уменьшение произошло за счет роста удельного веса респондентов-мужчин, которым заработная плата задерживалась на большие сроки. Этот показатель вырос среди тех респондентов, которые не получали вовремя зарплату в течение 1–2 месяцев, – с 14,4 до 18,1%; среди не получавших зарплату в течение 2–3 месяцев – с 7,4 до 9,9%; среди тех, кому зарплата задерживалась на срок свыше 3 месяцев, – с 8,4 до 11,2%.

В отличие от мужчин, у женщин в 2020 г. наблюдалось сокращение сроков задолженности по заработной плате. Так, за последний год доли работниц, имеющих краткосрочные задолженности, или изменились незначительно, или снизились (1 месяц и менее – уменьшение с 59 до 57,6%; 1–2 месяца – резкое увеличение почти в 4 раза – с 8,3 до 31,3%). И в то же время стремительно снизились доли респондентов-женщин, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца (с 16,2 до 3,7%) и на срок более трех месяцев (с 16,5 до 7,4%).

В 2020 г. размер средней суммы задолженности по заработной плате снизился как у мужчин, так и у женщин, но у женщин это снижение оказалось более значительным. Так, у мужчин средняя сумма задолженности по зарплате с 2016 по 2018 г. выросла почти на 30%. В 2019 г. она уменьшилась на едва различимые 0,3%, а в 2020 г. – более чем в полтора раза (с 54 771 до 35 779 руб.). У женщин средняя сумма задолженности по заработной плате выросла с 2016 по 2019 г. на 37%, но в 2020 г. она резко упала почти в 1,8 раза (с 32 886 руб. до 18 707 руб.). В 2020 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, более чем в 1,9 раза, что оказалось выше, чем в предыдущие годы.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 10 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доли сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования.

Таблица 10

Доля лиц, получающих доход из указанного источника, среди всего трудоспособного населения*,
и средний размер получаемого дохода, 1992–2020 гг.

Категория дохода	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2013	2019	2020
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	25,1	28,3
Средний размер получаемого дохода**	18 864	11 245	20 066	32 382	34 865	47 834	33 958
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	45,2	42,2
Средний размер получаемого дохода**	17 725	14 003	27 189	38 221	39 281	53 729	36 321
Доход от работы в неформальном секторе, %	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	11,3	11,2
Средний размер получаемого дохода**	27 932	6317	14369	3379	21 537	27 764	21 612
Доход от трудовой деятельности, %	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	79,4	79,9
Средний размер получаемого дохода**	19 376	12 182	23 262	35 264	36 731	49 667	34 294
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	33,3	34,5
Средний размер получаемого дохода**	12 697	7287	12 309	20 462	24 987	35 966	25 980
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	34,2	31,4
Средний размер получаемого дохода**	12 577	10 449	18 054	28 500	30 467	39 621	27 551
Доход от работы в неформальном секторе, %	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	6,8	7,2
Средний размер получаемого дохода**	16 841	3453	9102	17 158	13 873	21 350	15 784
Доход от трудовой деятельности, %	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	72,3	71,5
Средний размер получаемого дохода**	13 093	8206	14 638	24 419	27 395	37 333	26 192

*Под трудоспособным населением понимаются мужчины в возрасте 18–60 лет и женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. декабря 2020 г.

Анализ данных мониторинга, представленных в таблице 10, показывает, что в конце 2020 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. При этом если в 2019 г. по сравнению с 2018 г. это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности немного сократилось, то в 2020 г. оно более заметно увеличилось. Так, в 2018 г. эта разница составляла 7,5 п.п. (79,3% против 71,8%), в 2019 г. – 7,1 п.п. (79,4% против 72,3%) и в 2020 г. – 8,4 п.п. (79,9% против 71,5%).

В 2020 г. были прерваны долгосрочные тенденции, демонстрирующие нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, и сокращение удельного веса мужчин и женщин

аналогичного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора. Если за 1992–2019 гг. доля занятых на частных предприятиях или предприятиях смешанной формы собственности среди мужчин трудоспособного возраста выросла в 2,9 раза – с 15,7 до 45,2%, то в 2020 г. она сократилась на 3 п.п. – до 42,2%. Среди женщин аналогичного возраста рост данного показателя за 1992–2019 гг., составивший 3,5 раза – с 9,7 до 34,2%, в 2020 г. сменился снижением на 2,8 п.п. – до 31,4%. В то же время за 1992–2019 гг. доля получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора среди мужчин трудоспособного возраста сократилась более чем в 2,5 раза (с 64,2 до 25,1%), тогда как в 2020 г. она увеличилась на 3,2 п.п. – до 28,3%. Среди женщин трудоспособного возраста сокращение данного показателя, составившее за 1992–2019 гг. 1,8 раза (с 60 до 33,3%), в 2020 г. сменилось увеличением на 1,2 п.п. – до 34,5%.

Несмотря на указанные изменения, в 2020 г. мужчины трудоспособного возраста продолжали заметно превосходить женщин такого же возраста по доле получающих доход от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности. В конце 2020 г. это превышение составило 10,8 п.п. (42,2% против 31,4%), что было сопоставимо с 11 п.п. (45,2% против 34,2%), зафиксированными в конце 2019 г. В то же время женщины превосходили мужчин по доле получающих доход от работы на государственных предприятиях. В конце 2019 г. это преобладание составило 6,2 п.п. (34,5% против 28,3%), что было немного меньше, чем 8,2 п.п. (33,3% против 25,1%) в предыдущем году. Из этих данных также хорошо видно, что если у женщин доли получающих доход от работы на частных предприятиях, включая получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, и получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора в целом сопоставимы, то у мужчин занятые на частных предприятиях в полтора раза превышают по своей численности занятых на государственных предприятиях.

Устойчивым остается существенное преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле респондентов, получающих какой-либо доход от работы в неформальном секторе. С 2012 по 2018 г. доля таких работников среди респондентов-мужчин трудоспособного возраста достаточно последовательно увеличилась с 8,6 до 12%, но к концу 2020 г. уменьшилась до 11,2%. Менее последовательно менялась в последние годы доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. С 2013 по 2017 г. она поступательно выросла с 4,6 до 8,1%. К концу 2019 г. она уменьшилась до 6,8%, но в 2020 г. увеличилась до 7,2%. Дистанция между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по данному показателю за последние годы уменьшилась. Если в 2018 г. эта разница составляла 4,9 п.п., то в 2020 г. она последовательно снизилась до 4 п.п.

В среднем российские женщины уже длительное время получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В конце 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 76,4% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста. В 2019 г. данный показатель составлял 75,2%, в 2018 г. – 73,9%. Среди тех, для кого источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода вырос у мужчин с 2017 по 2018 г. на 1,7% и затем к концу

2019 г. — еще на 7,1%, но в конце 2020 г. было отмечено его стремительное падение на 30,9%. У женщин рост среднего размера получаемого дохода с 2017 по 2018 г. составил 6,1%, к концу 2019 г. — еще почти 9%, но в конце 2020 г., как и у мужчин, был зафиксирован спад на 29,8%.

Если раньше различия в заработках между мужчинами и женщинами были наименьшими на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности, то в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись. Так, в 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составил около 76% от аналогичного дохода мужчин, что было немного больше, чем 74% в 2017–2019 гг. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2017 г. составило около 70%, в 2018 г. — почти 75%, в 2019 г. — немногим более 74%, а в 2020 г. — почти 77%. Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь до самых последних лет наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в конце 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, составлял у женщин около 69% от соответствующего дохода мужчин, то к концу 2019 г. этот показатель с определенными перепадами вырос до 77%. Однако в 2020 г. было зафиксировано его снижение до 73%.

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. заработки на государственных предприятиях у мужчин увеличились на 3,9%, затем к концу 2019 г. они поднялись еще на 10,1%, но к концу 2020 г. рухнули на 29%. В то же время у женщин эти доходы выросли с 2017 по 2018 г. на 10,9%, далее к концу 2019 г. — еще на 11,2%, но затем к концу 2020 г. они упали на 27,8%. Средний размер дохода от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности увеличился у мужчин в 2018 г. по сравнению с 2017 г. только на 2,4%, тогда как к концу 2019 г. он сразу вырос еще на 7,1%. И наконец, в 2020 г. было зафиксировано падение данного показателя на огромные 32,4%. У женщин, после соответствующего роста на 2,2 и 7,1%, в 2020 г. был отмечен быстрый спад на 30,5%. Доход, получаемый работающими в неформальном секторе, с 2017 по 2018 г. у мужчин уменьшился на 3,9%, в 2019 г. он вновь упал на 7,8% и, наконец, в 2020 г. рухнул еще на 22,2%. В то же время у женщин данный показатель вырос в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 9,3% и затем к концу 2019 г. поднялся еще на 10,4%. Но в 2020 г. был отмечен его спад на 26,1%.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рисунке 16 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, демонстрирующие динамику среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г.

Эти данные убедительно доказывают, что уже давно проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в России не относится к категории беспокойных. Но при этом в 2020 г. чувствительность данной проблемы повысилась для большего числа пенсионеров. Из данных мониторинга следует, что если в декабре 2018 г. по

сравнению с декабрем 2017 г. доля лиц, не получивших пенсию за последний месяц, среди мужчин-пенсионеров сократилась с 2,3 до 1,5%, то в декабре 2019 г. она выросла до 2,6%, а к концу 2020 г. резко увеличилась в 2,5 раза и взлетела до 6,5%. В то же время среди женщин-пенсионеров доля оставшихся без пенсии в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. сократилась с 1,8 до 1,4%, тогда как в декабре 2019 г. эта доля выросла вдвое — до 2,8%, а к концу 2020 г. повысилась еще в полтора раза — до 4,1%.



Рис. 16. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2020 гг.

Из рисунка 16 видно, что в 2020 г. произошло очередное повышение размера пенсий. Так, с 2018 по 2019 г. средний размер ежемесячной пенсии для мужчин-пенсионеров вырос на 5,1%, тогда как в 2020 г. — на 7,3% (до 17 910 руб.). В то же время у женщин-пенсионеров рост среднего размера ежемесячной пенсии в 2019 г. по сравнению с 2018 г. составил 6,6%, а в 2020 г. — только 1% (до 16 143 руб.).

За предыдущие годы в результате происходящих изменений средний размер пенсии для женщин-пенсионеров приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин-пенсионеров. Так, если в 2014 г. средний размер пенсии для женщин составлял только 86,1% от среднего размера пенсии для мужчин, то к концу 2019 г. данный показатель вырос до максимальных 95,8%. Однако в 2020 г. он вновь снизился до 90,1%.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 11 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, за 1995–2020 гг. Они, в частности, показывают, что в 2020 г. продолжилось, остановленное в предыдущем году, сокращение доли домохозяйств,

имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Так, за 2015–2018 гг. доля домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, последовательно сократилась с 8,4 до 6,2% и в конце 2019 г. сохранилась на прежнем уровне. Однако в 2020 г. удельный вес таких домохозяйств снизился до минимальных 5,8%.

Таблица 11

Доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2020 гг.

	Все домо- хозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Доля домохозяйств- должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2916	3151	3050	1407	1090
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1575	1848	1560	1030	948
1998					
Доля домохозяйств- должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	5693	6533	5454	2434	1579
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1613	2020	1575	971	847
2004					
Доля домохозяйств- должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	12 574	13 817	12 372	2079	3853
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	3196	3860	3203	2139	1747
2014					
Доля домохозяйств- должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	21 119	21 168	22 168	6067	28 544
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5342	6078	5772	4278	3871

Продолжение таблицы 11

	Все домо- хозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
2018					
Доля домохозяйств- должников, %	6,2	7,8	10,4	1,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	30 613	27 645	39 408	25 061	36 713
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	6298	6955	6910	5555	4801
2019					
Доля домохозяйств- должников, %	6,2	8,1	8,8	1,8	2,7
Сумма задолженности (если есть)*	43 716	45 184	45 811	16 240	42 895
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	7515	7881	5850	5156	7515
2020					
Доля домохозяйств- должников, %	5,8	8,3	6,3	1,6	2,0
Сумма задолженности (если есть)*	27 286	26 099	32 535	43 728	20 899
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4569	5025	5189	3838	3625

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2020 г.

Как уже давно замечено, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста, как правило, чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. При этом домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста чаще оказываются должниками, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами аналогичного возраста. Эта закономерность была нарушена только в 2020 г.

С 2016 по 2018 г. доля должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста уменьшилась с 10 до 7,8%, но в 2019 г. увеличилась до 8,1% и в 2020 г. — до 8,3%. В то же время среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста доля должников за 2016–2019 гг. без остановок упала с 12,4 до 8,8% и далее в 2020 г. — до 6,3%. Что касается домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, то доля должников среди них за 2016–2018 гг. уменьшилась с 2,7 до 1,2%, но

в конце 2019 г. увеличилась до 1,8%, а в 2020 г. вновь уменьшилась до 1,6%. При этом доля должников среди домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста многие годы менялась очень мало, но в 2020 г. по сравнению с 2019 г. достаточно быстро сократилась с 2,7 до 2%.

В 2020 г. значительно изменилась картина распределения домохозяйств в зависимости от величины задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг. Так, если раньше у домохозяйств-должников, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, средняя сумма этой задолженности была самой низкой, то в 2020 г. стала самой высокой. А занимавшие ранее первое место по данному показателю домохозяйства-должники во главе с женщинами трудоспособного возраста переместились на второе место. При этом самой низкой средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста. В 2020 г. она была в 2 раза меньше, чем у домохозяйств-должников во главе с мужчинами пенсионного возраста, и более чем в 1,5 раза меньше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста.

Примечательно, что в 2020 г., после продолжительного периода роста, снизилась долговая нагрузка домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Так, если в конце 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг резко вырос почти на 43%, или в 1,4 раза, то в конце 2020 г. он снизился на 38%, или в 1,6 раза. При этом у домохозяйств-должников во главе с мужчинами трудоспособного возраста средняя сумма этой задолженности за последний год снизилась в 1,7 раза, у домохозяйств-должников во главе с женщинами трудоспособного возраста — в 1,4 раза, а у домохозяйств-должников, которые возглавляли женщины пенсионного возраста, — более чем в 2 раза. И только у домохозяйств-должников, во главе которых стояли мужчины пенсионного возраста, средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг выросла в 2,7 раза.

Исследование выявило также в конце 2020 г. резкое снижение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги, которое последовало после продолжительного роста данного показателя в предыдущие годы. Если с 2017 по 2018 г. она увеличилась только на 2,7%, то в конце 2019 г. — на 19,3%. В результате был достигнут новый максимум анализируемого показателя за все время наблюдений, а темпы его роста были намного выше, чем в предыдущем году. Однако в конце 2020 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги резко упала более чем на 39%, или в 1,6 раза. При этом в 2020 г. домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели в 1,3–1,4 раза больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

В конце 2019 г. расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, превышали аналогичные расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, на 34,7%. Однако в 2020 г. домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста стали тратить на эти цели больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, на 3,3%. Обращает на себя внимание

и тот факт, что в конце 2019 г. домохозяйства во главе с женщинами-пенсионерами расходовали на оплату жилья и/или коммунальных услуг почти в 1,5 раза больше, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами-пенсионерами. Но в конце 2020 г. уже домохозяйства, возглавляемые мужчинами пенсионного возраста, тратили на эти цели почти на 6% больше, чем домохозяйства во главе с женщинами пенсионного возраста.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

В 2020 г. российские граждане вступили с большим грузом накопившихся за длительный кризисный период проблем, с обеспокоенностью неопределенностью своего существования и неясными жизненными перспективами. Негативно сказывались на настроениях населения, их оценке текущей ситуации в стране и собственного положения пандемия коронавируса и введенные карантинные ограничения. У значительной части россиян доминировали ощущения разочарования, несбывшихся надежд, опасности и страха. Такого безрадостного начала года не было, пожалуй, с начала 2000-х гг. Но во второй половине 2020 г. негативные настроения стали постепенно ослабевать. Сказывалось осознание того, что российская экономика прошла через крайне опасное коронавирусное испытание с меньшими потерями, чем прогнозировалось ранее, особенно в начале весеннего локдауна. Те, кто непосредственно не пострадали от коронавируса, а таких все же было большинство, стали гораздо позитивнее воспринимать действительность, чем в начале года. При этом у немалой части российских граждан стало складываться впечатление, что самое трудное уже позади и поэтому не стоит проявлять излишнее беспокойство.

Этим во многом можно объяснить тот факт, что в ходе проведения очередной волны мониторинга в конце 2020 г. ряд важных показателей социального самочувствия россиян практически не изменился или изменился по большей части в худшую сторону, но не особенно существенно. Так, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля лиц из числа респондентов в возрасте 14 лет и старше, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла с 49,6 до 52%, тогда как к концу 2020 г. она сократилась до 51%, т. е. всего лишь на 1 п.п. (табл. 12). При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, с декабря 2019 г. по декабрь 2019 г. увеличилась с 7,5 до 8,1%, но к концу 2020 г. она уменьшилась до 7,2%.

В то же время доля тех, кто был в той или иной мере недоволен своей жизнью, уменьшилась с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 24,7 до 23,2%, а затем к концу 2020 г. — до 22,4%. В целом за два года общее сокращение доли респондентов, неудовлетворенных тем, как складывается их жизнь, составило 2,3 п.п. При этом доля респондентов, совсем не удовлетворенных своей жизнью, к концу 2020 г. снизилась до минимальных 5,5%. Большинство этих респондентов испытывали в условиях экономического кризиса немалые материальные и другие трудности. Негативное влияние на их социальное самочувствие оказывали возросшая в период кризиса угроза безработицы, отсутствие перспектив по росту доходов в совокупности с дешевеющим рублем и возросшей инфляцией.

Таблица 12

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2020 гг., %

Оценка	Период сбора данных												
	1994	1998	2000	2002	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	7,8	7,5	8,1	7,2
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	40,3	42,1	43,9	43,8
И да, и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	24,7	25,3	24,3	25,9
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,6	18,4	16,8	16,9
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	6,3	6,4	5,5
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,5	0,4	0,5	0,7

Обращает на себя внимание и то, что в течение последних пяти лет практически не менялась доля респондентов (немногим более четверти опрошенных), которые в ситуации обострившегося экономического кризиса, сохраняющейся высокой неопределенности жизненных обстоятельств и неясности собственных и семейных жизненных перспектив, отвечая на вопрос об удовлетворенности своей жизнью в целом, дают уклончивый ответ «и да, и нет» или затрудняются выразить какое-либо определенное мнение.

В 2020 г., как и в предыдущие годы, наибольшее недовольство у россиян вызывала материальная сторона их жизни. Как следует из данных, представленных на рисунке 17¹, за последний год уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением практически не изменился, оставаясь на довольно низкой отметке.

Если с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своим материальным положением, увеличилась на 2,5 п.п. — с 21,1 до 23,6%, то к декабрю 2020 г. она немного уменьшилась — до 23,3%. В то же время доля, тех кто был не очень удовлетворен или совсем не удовлетворен материальной стороной своей жизни, после сокращения с 57,9% в декабре 2018 г. до 56,2% в декабре 2019 г., т. е. на 1,7 п.п., в декабре 2020 г. вновь уменьшилась до 55,3%. Это сокращение произошло главным образом за счет увеличения доли респондентов, выражающих половинчатое мнение «и да, и нет» — с 20,2% в декабре 2019 г. до 21,4% в декабре 2020 г.

Таким образом, в декабре 2020 г., как и годом ранее, число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, в 2,4 раза превышало число довольных материальной стороной своей жизни, что было, однако, лишь немного меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в декабре 2018 г. Об остроте проблемы материальной обеспеченности в России говорит и то, что в декабре 2020 г. о полной удовлетворенности своим материальным положением заявляли только 2,5% респондентов, тогда как доля выражающих крайнюю степень недовольства достигала 22,6%.

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

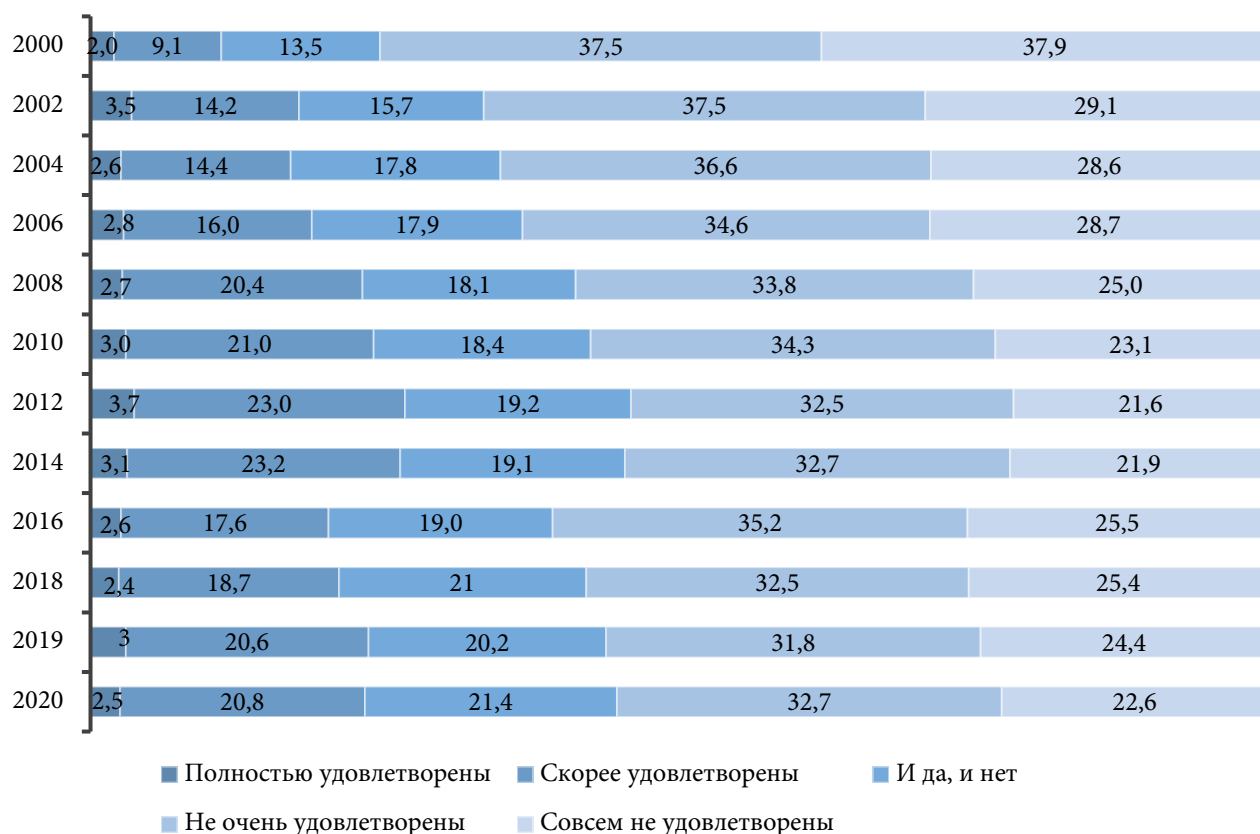


Рис. 17. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2020 гг., %

Одним из наиболее чувствительных индикаторов, характеризующих динамику социального самочувствия населения в период обострения экономического кризиса, обусловленного пандемией коронавируса, явилась оценка респондентами изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу¹. Анализ данных мониторинга показал, что эта динамика носит четко выраженный негативный характер, а ее темпы – одни из самых высоких (рис. 18).

Из рисунка 18, в частности, видно, что, если с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. удельный вес респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей за предшествующий год, вырос на 2,1 п.п. – с 16 до 18,1%, то к декабрю 2020 г. доля таких респондентов сократилась до минимальных 11,9%, т. е. на значительные 6,2 п.п. Такой низкой доля респондентов с улучшившимся материальным положением не была никогда ранее, а темпы ее снижения оказались одними из самых высоких за все время наблюдений. В то же время доля респондентов, которые указали на ухудшение материального положения своих семей за последние 12 месяцев, сократилась с 24,2% в декабре 2018 г. до 21,3% в декабре 2019 г., но к декабрю 2020 г. она увеличилась на 7,5 п.п. – до значительных 28,8%. В результате такого существенного роста превышение доли респондентов, негативно оценивающих изменения в материальном положении своих семей, над «позитивным» контингентом удвоилось с 1,2 раза в декабре 2019 г. до 2,4 раза в декабре 2020 г.

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.



Рис. 18. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2020 гг., %

Но при этом самой значительной оставалась доля респондентов, которые так и не смогли увидеть какие-либо изменения в материальной стороне своей жизни. В декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. она уменьшилась с 60,6 до 59,3%. Учитывая низкий уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением, можно предположить, что уровень материального благосостояния значительной части этих респондентов невысокий.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в РМЭЗ НИУ ВШЭ осуществляется в трех основных измерениях – по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее – статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения. В ходе анализа рассматриваются три иерархических уровня, объединяющие по три ступени: нижний, средний и верхний.

Анализ данных мониторинга, приведенных в таблице 13¹, показывает, что за последний год самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, изменились незначительно.

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Таблица 13

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния:
текущие самооценки, 1994–2020 гг., %

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0
2018	4,0	11,3	24,1	24,0	22,0	9,5	4,3	0,7	0,1
2019	3,8	11,1	24,0	24,2	22,7	10,0	3,6	0,5	0,1
2020	3,1	10,0	24,0	26,6	22,7	9,7	3,3	0,5	0,1

В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась с 39,4 до 38,9% и далее в декабре 2020 г. – до 37,1%. При этом доля лиц, занимающих три верхние ступени, сократилась сначала с 5,1 до 4,2% и затем в 2020 г. – до 3,9%. И только в среднем сегменте был отмечен рост с 55,5% в декабре 2018 г. до 56,9% в декабре 2019 г. и до 59% в декабре 2020 г.

О незначительных изменениях в последние годы свидетельствует также динамическая картина самоидентификации по уровню материального благосостояния, основанная на средних значениях идентификационных измерений. Средние значения рассчитывались на основе ответов респондентов с помощью соответствующей шкалы, включающей девять ступеней. Анализ этих данных,

в частности, выявил незначительное сокращение средней оценки с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 4 до 3,98, а затем такое же незначительное увеличение до 4,02. Более заметными и последовательными в данном случае оказались изменения, произошедшие за последние четыре года, которые свидетельствуют о значительном улучшении анализируемых оценок. В целом средняя самооценка положения на шкале материального благосостояния увеличилась с 3,74 в декабре 2016 г. до 4,02 в декабре 2020 г.

Данные мониторинга о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), полученные в 2019 и 2020 гг., отражены на рисунках 19 и 20. Сравнительный анализ представленных на этих рисунках данных показывает, что за последний год в рассматриваемой структуре произошли не особенно заметные изменения. Как уже отмечалось, средняя оценка своего положения на шкале материального благосостояния за последний год увеличилась незначительно, тогда как средняя самооценка положения респондентов на шкале власти выросла с 4,03 до 4,2, а средняя самооценка положения на шкале уважения снизилась с 6,32 до 6,24.

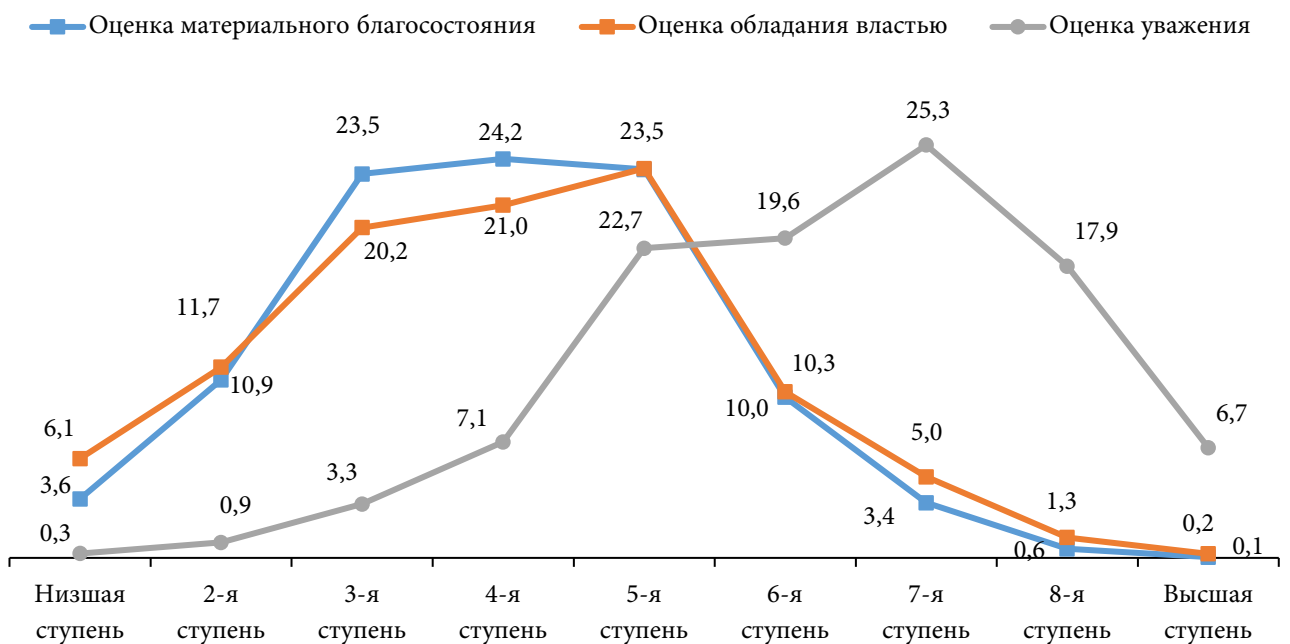


Рис. 19. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2019 г., %

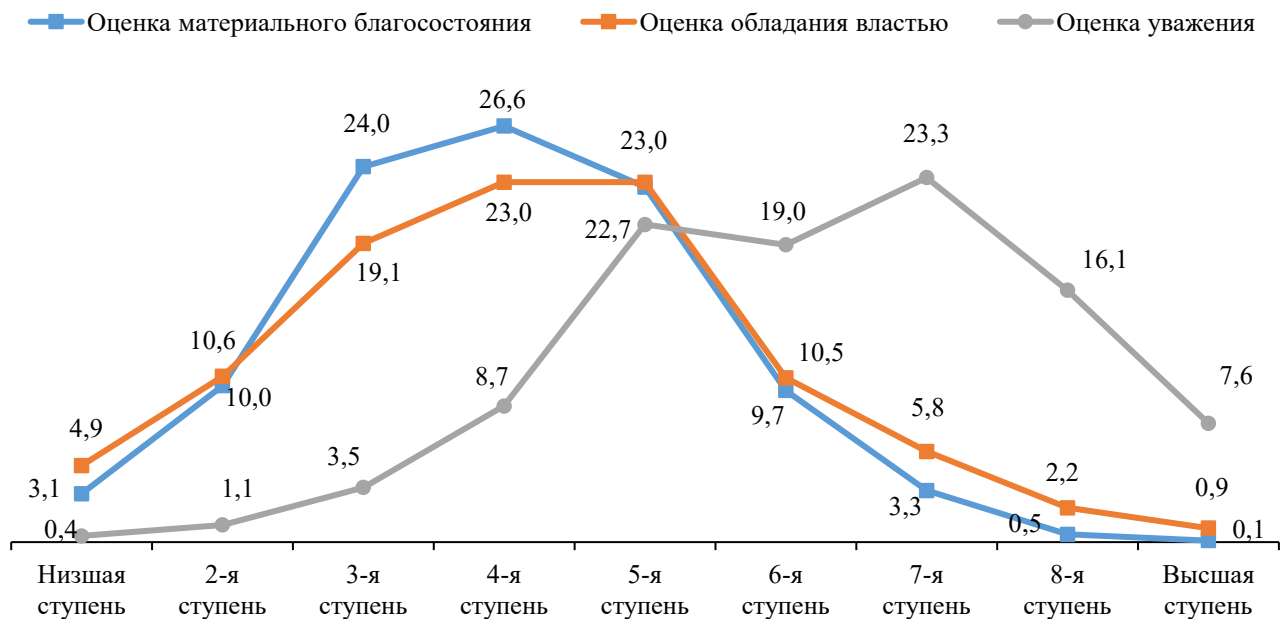


Рис. 20. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2020 г., %

Из данных мониторинга хорошо видно, что положение респондентов на шкале уважения постоянно оказывается намного выше, чем на аналогичных девятиступенчатых шкалах богатства и власти. Во многом это можно объяснить, с одной стороны, тем, что многие россияне не связывают уважение других людей к себе со своим материальным положением и наличием властных полномочий, а с другой стороны – с позитивным влиянием на самоидентификацию респондентов самоуважения, представляющего собой субъективную эмоциональную оценку собственной значимости и характеризующего отношение индивида к себе как к личности. Когда человек ощущает свою значимость, ценность, он вольно или невольно воспринимает отношение других людей к себе с более позитивных позиций.

Об особенностях социального самочувствия россиян в очередной кризисный период свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (табл. 14).

Таблица 14

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2020 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	2,1	1,8	1,3
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	17,5	20,0	14,6
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	49,5	49,7	50,2
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	9,2	7,9	9,3
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,1	4,1	3,7
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	17,6	16,5	20,9

Анализ этих данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявил определенный рост обеспокоенности населения своим будущим, о чем свидетельствовало ухудшение оценок респондентами своих личных и семейных жизненных перспектив. Как бы то ни было, но в конце 2020 г. большинство россиян вполне обоснованно считали, что страна серьезно пострадает от кризиса и это неизбежно отразится на них и их семьях. Основными причинами ухудшения ситуации в стране станут рост безработицы, экономический спад, остановка производства из-за пандемии, слабая экономика и зависимость от продажи сырья, падение цен на нефть и газ, снижение доходов бюджета. И вследствие всего этого неизбежно произойдет снижение уровня жизни населения.

Как следует из таблицы 14, в 2020 г. больше граждан, чем годом ранее, стали ожидать ухудшения своего положения, тогда как число рассчитывающих на лучшее сократилось. Так, доля респондентов, полагающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного лучше, после увеличения в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. с 19,6 до 21,8%, в конце 2020 г. резко упала на 5,9 п.п. — до 15,9%. Это снижение произошло в основном за счет существенного увеличения удельного веса респондентов, которые затруднились выразить какое-либо определенное мнение. Их доля, после уменьшения в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. на 1,1 п.п. — с 17,6 до 16,5%, в конце 2020 г. резко выросла до 20,9%, т. е. на 4,4 п.п. В то же время доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, в последние годы менялась незначительно. После небольшого сокращения с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. на 1,3 п.п. — с 13,3 до 12% — в декабре 2020 г. она вновь увеличилась до 13%, т. е. на 1 п.п. Но наибольшей, как и прежде, оставалась доля респондентов, не ожидающих каких-либо перемен в своей жизни. С декабря 2018 г. по декабрь 2020 г. она увеличилась с 49,5 до 50,2%, в том числе за последний год на небольшие 0,5 п.п.

Очень сильное беспокойство у россиян вызывали перспективы изменения собственного материального положения. Потеря дохода стала одним из главных страхов россиян в период обострения экономического кризиса, спровоцированного пандемией коронавируса. В этом убеждают данные, представленные в таблице 15, которые включают обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?».

Таблица 15

Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2020 гг., %

Оценка	Период сбора данных												
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	32,2	31,4	32,9
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	35,2	33,1	33,0
И да, и нет	7,8	6,3	10,7	11,1	11,8	11,0	1,8	12,1	11,4	12,9	13,4	13,9	14,3
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,5	14,9	14,3
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	5,7	6,7	5,5

Из данных таблицы 15, в частности, видно, что в конце 2020 г. значительное большинство россиян сохраняли высокий уровень тревожности и не верили в возможность безболезненного решения своих материальных проблем. Почти две трети опрошенных россиян, отвечая на поставленный вопрос, указали, что они в большей или меньшей степени обеспокоены отсутствием реальной возможности обеспечить себя в течение ближайшего года самым необходимым для нормальной жизни, и еще каждый седьмой выбрал промежуточный ответ «и да, и нет».

Причем за последний год доля респондентов, обеспокоенных трудностями материального обеспечения в ближайшем будущем, увеличилась с 64,5% в декабре 2019 г. до 65,9% в декабре 2020 г., тогда как доля тех, кого совсем не беспокоила или практически не беспокоила эта проблема, сократилась с 21,6 до 19,8% соответственно.

Таким образом, наметившиеся годом ранее позитивные сдвиги в социальном самочувствии россиян в 2020 г. не получили дальнейшего развития. Большинство граждан считали, что экономика страны находится в тяжелом кризисе, понимая под кризисом повышение цен на товары и услуги, рост безработицы, снижение зарплат, обесценивание рубля, проблемы с выплатами кредитов и т. п. Вместе с тем длительная кризисная полоса воспринималась очень многими как повседневный, во многом привычный фактор, который требует адаптации. Поэтому уровень удовлетворенности граждан своей жизнью в целом практически не изменился. Несмотря на то, что россияне стали чаще замечать негативные сдвиги в материальном положении своих семей, общий уровень удовлетворенности материальной стороной своей жизни у них изменился незначительно. Но в то же время россияне стали менее оптимистично смотреть в будущее, что находило выражение в заметном ухудшении их оценок своих личных и семейных жизненных перспектив. Даже многие из тех, кто составлял сравнительно небольшой контингент, выражающий удовлетворенность своим материальным положением, не надеялись на лучшее. Люди очень боялись ожидаемого ухудшения уровня жизни, понимая, что в ближайшие годы ситуация с пандемией коронавируса может только ухудшиться. Снижение «экономического оптимизма» в большей мере затронуло более обеспеченные слои населения. В среде уже находящихся на дне бедных групп населения изменения оказались менее заметными.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

Одним из показателей ухудшения социального самочувствия россиян в 2020 г. стало повышение уровня тревожности граждан по поводу возросшей угрозы безработицы. В складывающейся ситуации многие россияне стали бояться увольнения больше, чем потери дохода. Об этом свидетельствует, в частности, анализ ответов респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Как видно из рисунка 21, за 2016–2019 гг. доля респондентов из числа занятых, которых очень или немного тревожит угроза потери своего рабочего места, последовательно уменьшилась на 4,4 п.п. — с 65,4 до 61%, но к концу 2020 г. она выросла на 2,9 п.п. — до 63,9%. При этом удельный вес респондентов,

выражающих крайнюю степень беспокойства возможной потерей рабочего места, за последний год вырос на 2,6 п.п. – с 28,3 до 30,9%. Это были одни из самых высоких значений, начиная с 2000 г.

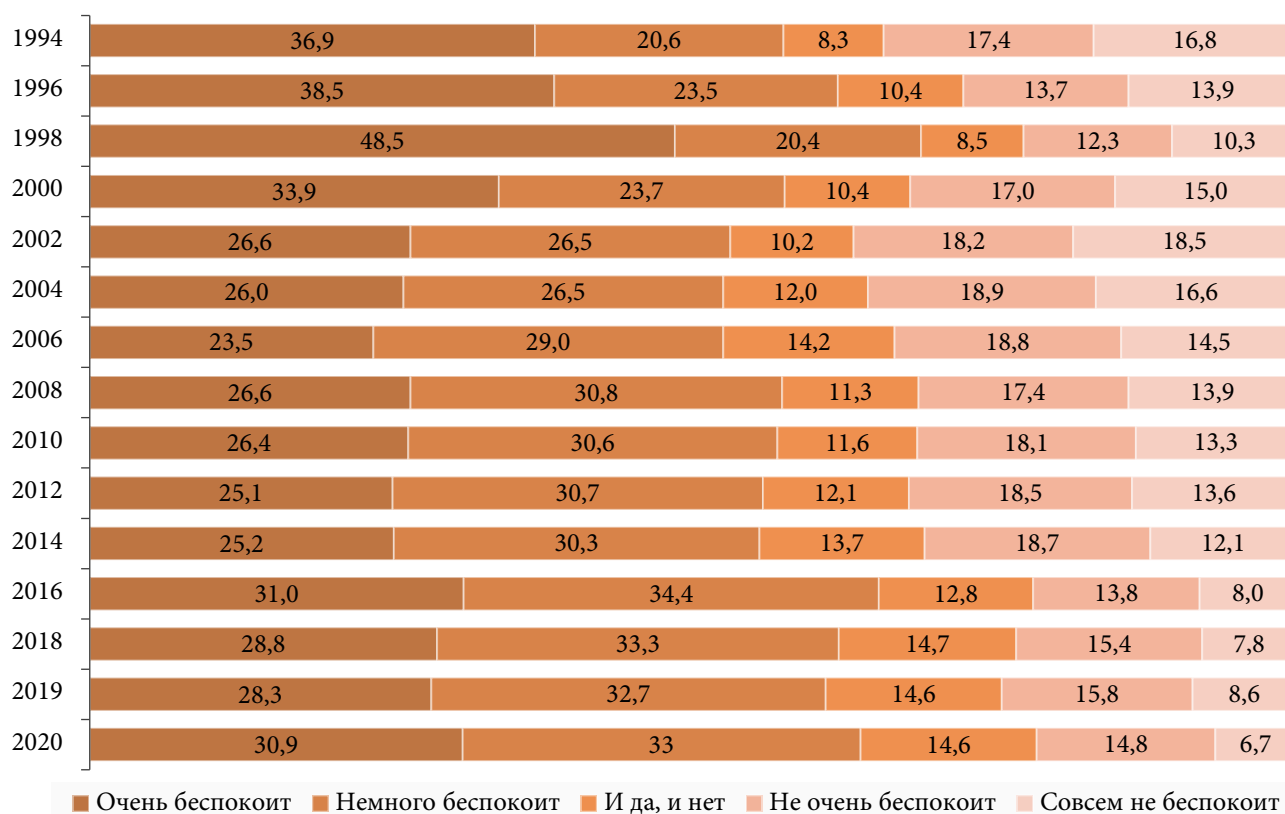


Рис. 21. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2020 гг., %

Указанное увеличение «тревожного» контингента сопровождалось не менее значительным сокращением доли респондентов, не очень или совсем не обеспокоенных угрозой потери работы. За 2016–2019 гг. она выросла на 2,6 п.п. – с 21,8 до 24,4%, в том числе за последний год – на 1,2 п.п. Однако к концу 2020 г. эта доля снизилась на 2,9 п.п. – до 21,5%. В результате этих сдвигов число респондентов, в той или иной степени обеспокоенных угрозой потери работы, стало превышать число тех, кого эта проблема не волнует, в 3 раза.

На следующем рисунке 22 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

Из рисунка 22 хорошо видно, что за последний год пессимизм россиян по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места только усилился. С декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, уверенных в том, что им так или иначе удастся реализовать такую возможность, если это потребуется, уменьшилась с 37,1 до 35,5% и далее в декабре 2020 г. – до 32%. После такого значительного сокращения данный показатель снизился до уровня, который наблюдался только в крайне тяжелых 1990-х гг. В то же время удельный вес респондентов, которые совсем не уверены или не очень уверены в возможности

положительного решения проблемы трудоустройства, вырос с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 42,4 до 43,1% и далее к концу 2020 г. до одного из самых высоких значений, зафиксированных в последние два десятилетия, – до 46%.

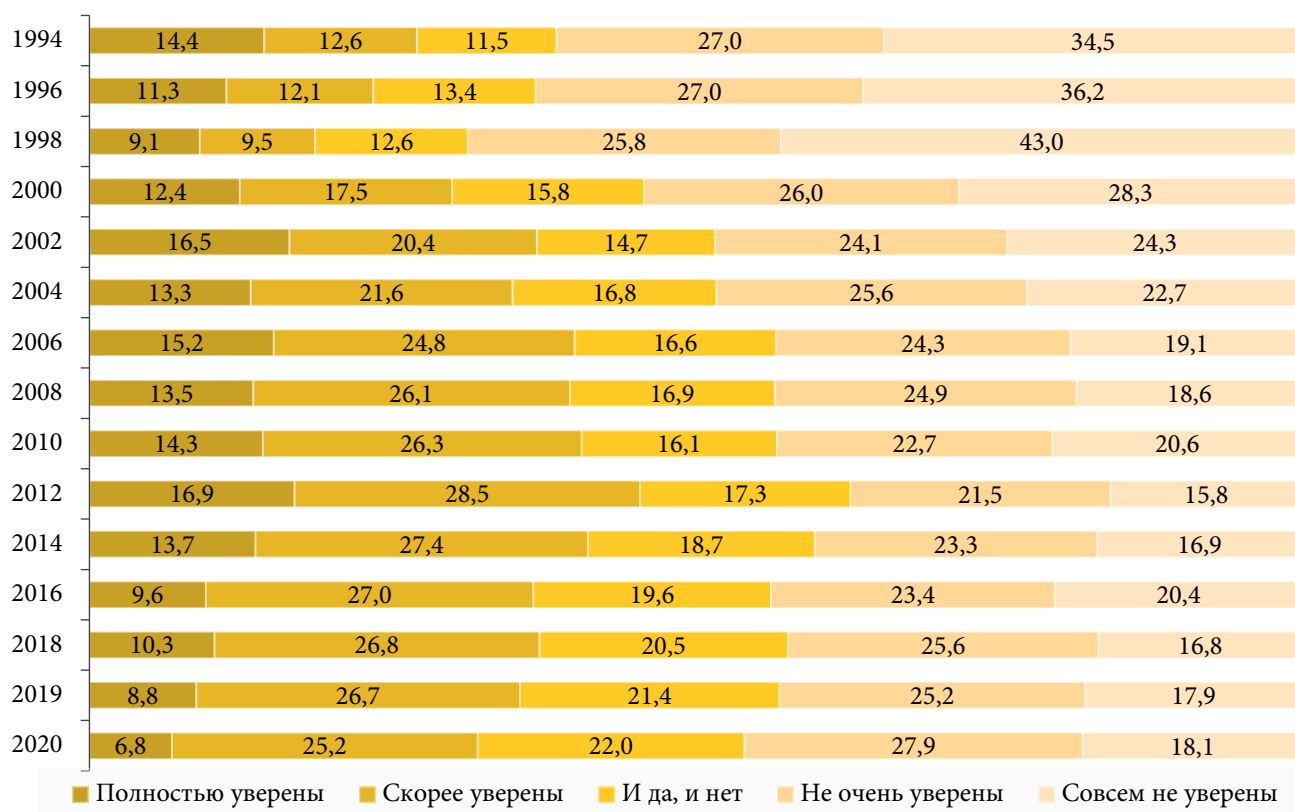


Рис. 22. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2020 гг., %

Обращает на себя внимание также очередное увеличение доли респондентов, которые в условиях кризисной неопределенности и нестабильности выражают половинчатое мнение по этому вопросу. В целом с 2000 по 2020 г. доля таких респондентов достаточно последовательно выросла с 15,8 до 22%, в том числе за последний год на 0,6 п.п.

На рисунке 23 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2020 гг. (по каждому году отдельно), которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?». Таким образом, на рисунке представлены данные не по всем когда-либо уволенным, а только по тем, кто был уволен в конкретном (указанном на рисунке) году.

Как следует из данных, представленных на рисунке 23, в 2020 г. наиболее весомой причиной прекращения работы было сокращение должности или закрытие предприятия. Это было связано с тем, что во многих регионах ситуация с увольнениями оказалась одной из худших за очень длительный период. Пик увольнений пришелся на середину года, но затем работодатели стали возвращаться к докарантинной активности по поиску сотрудников, которая сопровождалась ростом активности соискателей. Но полностью исправить ситуацию было не реально.



Рис. 23. Причины прекращения работы, 2011–2020 гг., %

Анализ данных мониторинга показал, что за 2011–2015 гг. доля респондентов, которые прекратили работу в текущем году по причине сокращения должности или закрытия предприятия, выросла более чем в полтора раза – с 10,8 до 17,7%, но за 2016–2017 гг. она сократилась до первоначального уровня, а именно до 10,7% от числа всех уволившихся в текущем году. За 2018–2019 гг. доля таких респондентов вновь увеличилась до 13,9% и затем в 2020 г. – до 17%, т. е. до одного из самых высоких значений за весь анализируемый период.

Не менее значительными выглядят изменения весомости такой причины прекращения работы, как окончание контракта, трудового договора. Доля респондентов, прекративших работу по этой причине, после определенных колебаний в предыдущие годы (от 4,5 до 7,3%), в 2020 г. по сравнению с 2019 г. снизилась вдвое – с 5,5 до 2,8%.

Одной из основных причин увольнения сотрудников организаций и предприятий в 2020 г. оставалась неудовлетворенность размером заработной платы. Адаптируясь к кризису, многие российские компании снижали размеры премий или зарплат. Вместе с тем сотрудники, сформировавшие профессиональные навыки в той или иной организации, не находя перспектив зарплатного и карьерного роста, пытались перейти в другую компанию с лучшими перспективами. Очевидно, что когда речь идет об увольнениях из-за низкого размера оплаты труда, то в подавляющем большинстве случаев это происходит по инициативе не работодателя, а самого работника, и, следовательно, добровольно и по собственному желанию, поскольку именно работник недоволен размером оплаты труда, а переговоры о ее индексации с работодателем не увенчались успехом.

В 2020 г. доля работников, которые увольнялись с основной работы по собственному желанию, когда их не устраивала заработная плата, изменилась не существенно, сократившись по сравнению с 2019 г. с 13,6 до 12,5%. Вместе с тем доля респондентов, которые в течение года увольнялись из-за того, что они были недовольны условиями труда на основной работе (график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, питание и т. п.), после роста с 5,4% в 2017 г. до 9,5% в 2019 г. в 2020 г. вновь уменьшилась до 7,7%.

Вместе с тем говоря о причинах увольнения по инициативе работника, следует учитывать, что текучесть кадров не всегда носит добровольный характер, а желание перейти на новую работу с более высокой зарплатой не всегда осуществимо. Это связано с тем, что на локальных рынках сфера приложения труда зачастую очень узкая и поэтому найти новую работу проблематично. Низкие зарплаты удерживают от смены рабочего места, лишают мобильности части занятых в силу возраста, территориальной отдаленности от мест с достойными заработками, увеличивая тем самым армию работающих бедных.

Как и прежде, к наиболее распространенным причинам прекращения работы относится появление у работника серьезных проблем со здоровьем. Но за последние три года ее весомость снизилась. Так, доля респондентов, увольнявшихся в течение года в связи с ухудшением здоровья, после сокращения с максимальных 17,6% в 2017 г. до 14,5% в 2019 г., в 2020 г. еще раз уменьшилась до 12,2%. Таким образом, за три года доля таких работников снизилась на значительные 5,4 п.п. Не менее быстрыми темпами до последнего времени падала значимость и такой причины прекращения работы, как выход на пенсию: с 2017 г., когда число респондентов, увольнявшихся в связи с выходом на пенсию, достигало максимальных 13,5%, по 2019 г., когда их доля сократилась вдвое — до 7%, но в 2020 г. она выросла на 3,5 п.п. — до 10,5%, немного не дотянув до уровня 2011 г. Абсолютное большинство этих респондентов после достижения пенсионного возраста сами принимали решение о прекращении трудовой деятельности, и только лишь немногие уволились, потому что их вынудили сделать такой шаг руководители предприятия или организации, — 9,4 и 1,1% соответственно (в 2019 г. — 6,1 и 0,9% соответственно).

Примечательно, что весомость такой причины увольнения с основного места работы, как сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами, на протяжении 2011–2019 гг. колебалась в пределах 5,5–6,8%. Но в 2020 г. она резко снизилась до 3,1%, в том числе за последний год на довольно значительные 2,4 п.п.

Доля работников, принимавших решение об увольнении с работы из-за тех или иных семейных обстоятельств, в течение 2011–2019 гг. колебалась в пределах от 5,5 до 7,5%. Но в 2020 г. она уменьшилась с 5,8%, зафиксированных годом ранее, до минимальных 4,5%. Очень мало до 2020 г. менялась также значимость такой причины прекращения работы, как намерение продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. До самого последнего времени удельный вес таких респондентов составлял немногим более 9% от числа прекративших работу. С 2017 по 2018 г. их доля уменьшилась с 9,4 до 7,9%, но в 2018 г. она увеличилась до 8,4% и в 2019 г. не менялась. И только в 2020 г. доля таких респондентов снизилась до минимальных 5,7%.

К числу наименее значимых причин прекращения работы длительное время относилось появление у респондента возможности не работать и заняться какими-то другими делами. В течение 2011–2019 гг. доля таких респондентов составляла от 2,3 до 4,9% от числа увольнявшихся в текущем году. Вместе с тем в 2020 г. весомость данной причины резко повысилась до максимальных 5,4%. Еще реже работники увольнялись потому, что были вынуждены сменить место жительства. За последний год их доля практически не изменилась, составив в 2020 г. небольшие 1,1%. А наименее весомой была доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес. В течение 2011–2020 гг. удельный вес таких респондентов колебался в пределах от 0,4 до 0,9%. Что касается увольнения по каким-то другим, не зависящим от работника причинам, то их значимость за последние годы возросла, о чем свидетельствует увеличение доли респондентов, указавших на это, с 1,8% в 2018 г. до 3,5% в 2019 г. и далее до 4,5% в 2020 г.

В 2020 г., как и годом ранее, ситуация на рынке труда оставалась достаточно сложной и напряженной. Видимо, во многом по этой причине продолжилось сокращение числа граждан, выражающих желание найти работу (в том числе новую или другую), среди респондентов в возрасте 14 лет и старше. В условиях дальнейшего роста угрозы безработицы люди стали больше ценить ту работу, которую уже имеют. Но в то же время важно учитывать и то, что в 2020 г. значительно выросло количество вакансий со свободным, гибким или сменным графиком. Соискатели также стали чаще искать работу, не привязанную к стандартному расписанию, с нестандартными режимами работы. Для 2020 г. вообще стало характерным разрушение стереотипов о необходимости традиционных форматов работы. Одной из ключевых тенденций, которая оказала огромное влияние на весь рынок труда, стало стремительное развитие формата удаленной работы. Такому развитию ситуации во многом способствовало в том числе и принятие закона о дистанционной занятости, который фактически закрепил сложившиеся отношения между работодателями и сотрудниками. Во многих компаниях гибридный формат работы, когда часть дней сотрудники работают в офисе, а часть — дома, сохранился даже после отмены ограничений, связанных с пандемией.

С 2016 по 2019 г. доля респондентов, желающих найти новую работу, последовательно снизилась с 16,9 до 12,7% и далее в 2020 г. — до 11,6%. Доля респондентов, которые затруднялись определиться с ответом в отношении данной проблемы, из года в год составляла около 3–4%. Из тех, кто хотели найти работу, 49,7%

(в 2019 г. – 52%) продолжали трудиться, а у 48,2% (в 2019 г. – у 46,1%) на момент опроса не было работы. Остальные находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, а также в любом другом оплачиваемом отпуске.

С другой стороны, выясняется, что из числа респондентов, уже имеющих работу, 12,3% (в 2019 г. – 13,8%) хотели бы найти иное, более привлекательное рабочее место, несмотря на то, что только около четверти из них категорически не довольны своей нынешней работой в целом. В то же время 60,5% (2019 г. – 63,5%) работников-соискателей не удовлетворены на текущем рабочем месте размером заработной платы, и еще 26,1% (2019 г. – 23,8%) работников-соискателей ответили «и да, и нет» на вопрос об удовлетворенности уровнем заработной платы. Кроме того, очень многим из них не хватает условий для карьерного роста. На отсутствие возможностей для профессионального роста указали 49,7% (2019 г. – 50,6%) работников-соискателей. И еще 23,2% (2019 г. – 22,6%) выбрали ответ «и да, и нет». В условиях огромного дефицита специалистов с современными компетенциями, именно квалифицированный персонал имеет больше всего возможностей, чтобы сменить работу. Кроме того, 23,7% работников анализируемой категории не устраивают условия труда (32,7% – «и да, и нет»); 22,6% не довольны продолжительностью рабочего дня (28,2% – «и да, и нет»); 27,1% не устраивает соответствие имеющейся работы уровню квалификации (28,3% – «и да, и нет»); 20,3% не удовлетворены графиком работы (26,3% – «и да, и нет»); 26,3% недовольны соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни (32,6% – «и да, и нет»).

Среди всех желающих найти работу доля тех, кто прилагает для этого реальные усилия, за 2015–2018 гг. сократилась с 29,4 до 24,1%. В 2019 г. она увеличилась до 25,3%, но в 2020 г. вновь сократилась до 23,8%, т. е. до минимального уровня. Подавляющее большинство остальных респондентов заявляли, что они, несмотря даже на наличие у них желания найти какую-либо или другую, новую работу, пока не занимаются решением данной проблемы. В 2020 г. так ответили 64,7% (в 2019 г. – 62,4%) респондентов из числа всех выразивших желание найти работу. И еще 11,5% (в 2019 г. – 12,3%) уклонились от определенного ответа.

Заслуживает внимания также тот факт, что если с 2015 по 2018 г. из числа тех, кто старался найти работу, доля лиц, которые обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, сократилась с 76 до 63,9%, то в 2019 г. она выросла до 75,8%. Однако в 2020 г. было отмечено ее новое снижение до 68,3%. Среди этих респондентов доля тех, кто наиболее активно занимался поиском работы, обращаясь куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней, составляла в 2015 г. 56%, в 2016 г. – 60,7%, в 2017 г. – 53,6%, в 2018 г. – 55%, в 2019 г. – 59,3% и в 2020 г. – 57,3%.

Среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, доля тех, кто обращался в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, последовательно, год за годом, сократилась за 2015–2018 гг. с 32 до 24,2%. В 2019 г. она увеличилась до 28,5%, но в 2020 г. вновь снизилась до 25,2%. Что касается тех, кто обращался куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней, то их доля среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, в 2020 г. составляла 14,8% (в 2019 г. – 16,9%).

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (табл. 16).

Таблица 16

Распространенность способов поиска работы, 1994–2020 гг., %*

Обращались в поисках работы	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	34,2	24,3	20,2	38,3
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,1	11,2	11,4	12,3
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	79,8	76,5	80,1	83,8
К родственникам	29,5	40,6	42,7	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	40,6	44,6	49,5	54,5
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	44,5	49,4	50,1	51,3
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	40,2	39,3	43,1	44,2
К рекламным объявлениям в интернете	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	53,8	62,6	69,4	64,9
В социальные сети	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	29,8	35,1

*Доля лиц, обратившихся к тем или иным способам поиска работы, оценивается относительно всех лиц, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Данные таблицы 16 в частности показывают, что сегодня, как и во все годы ранее, ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращениям за помощью к друзьям, товарищам, коллегам и знакомым. В 2020 г. к нему прибегали 83,8% респондентов из числа обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, что было больше, чем 80,1%, зафиксированных годом ранее. Данный показатель, установленный в 2020 г., оказался самым высоким за все время наблюдений. Вместе с тем сопоставление данных всех волн мониторинга убеждает, что уже длительное время этот показатель остается достаточно стабильным, меняясь на протяжении двух десятков лет в довольно узком коридоре значений.

На второй позиции находится такой способ поиска работы, как обращение к рекламным объявлениям в интернете. В целом с 2006 по 2019 г. доля соискателей, обратившихся к этому способу, выросла более чем в 5 раз – с 13,1 до 69,4%, но в 2020 г. она сократилась до 64,9%. Это снижение можно отнести на счет естественных ежегодных колебаний, которые не противоречат общей тенденции. Все большую популярность обретает также, особенно у молодых людей, поиск работы с использованием социальных сетей. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля респондентов, воспользовавшихся этим способом поиска работы, выросла с 29,8 до 35,1%.

Практически одинаковыми по своей значимости остаются такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия, в организации и помощь родственников. В 2020 г. ими пользовались 51,3 и 54,5% респондентов соответственно из числа занятых поиском работы (в 2019 г. – 50,1 и 49,5% соответственно). Немного уступает этим способам поиск рабочих мест с помощью традиционных рекламных объявлений – печатных и распространяемых через электронные

средства массовой информации. В 2020 г. им пользовались 44,2% кандидатов, что лишь немного больше, чем 43,1%, зафиксированных годом ранее. И наконец, на последних позициях находятся такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. Но если значимость поиска работы с помощью негосударственных служб занятости за последний год практически не изменилась (в 2019 г. – 11,4%; в 2020 г. – 12,3%), то роль государственных служб занятости в решении проблемы трудоустройства резко выросла. В 2019 г. услугами государственных служб занятости воспользовались только 20,2% соискателей, тогда как в 2020 г. – уже 38,3%. Одной из главных причин роста обращений в службы занятости лиц, у которых отсутствовала работа, стало увеличение в период пандемии коронавируса максимального размера пособия по безработице.

На рисунках 24–27 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2020 гг. Выбор этого временного диапазона объясняется тем, что вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» РМЭЗ НИУ ВШЭ только с 2002 г.

Из рисунка 24 следует, что в 2020 г. продолжился рост уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом.

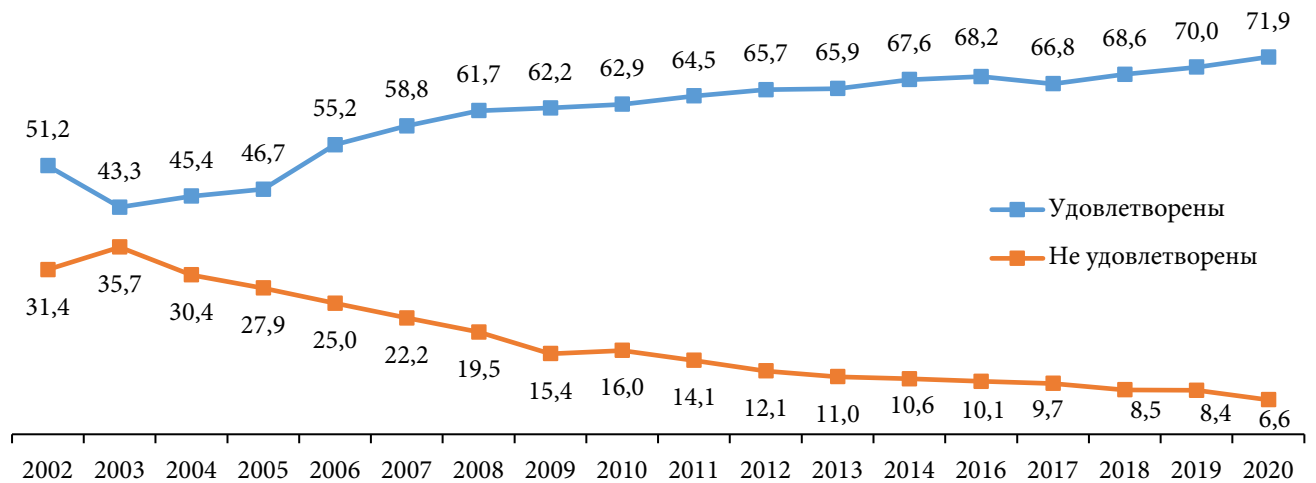


Рис. 24. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2020 гг., %

Так, за последний год доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой, увеличилась с 70 до 71,9%, тогда как доля скорее или совсем недовольных своей работой уменьшилась с 8,4 до 6,6%. В результате указанных изменений в 2020 г. был достигнут самый высокий уровень удовлетворенности российских работников своей работой в целом, начиная с 2002 г. Если в 2019 г. доля респондентов, удовлетворенных своей трудовой деятельностью, в 8,3 раза превышала долю тех, кто был недоволен своей работой, то в 2020 г. это превышение достигло максимальных 11 раз. В условиях возросшей угрозы безработицы и неясных жизненных перспектив люди стали менее привередливо, придирчиво относиться к своей нынешней работе, цenia то, что уже имеют, но чего могут внезапно лишиться.

В 2020 г. выявлен также рост удовлетворенности российских работников различными сторонами труда, т. е. частных удовлетворенностей. Как следует из рисунка 25, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных условиями труда, выросла с 70,3 до максимальных 71,7%, тогда как доля лиц, скорее или совсем неудовлетворенных условиями труда, уменьшилась с 9,5 до 7,8%. При этом разрыв между группами, объединяющими работников предприятий и организаций, в большей или меньшей степени удовлетворенных и неудовлетворенных условиями своего труда, за последний год вырос с 7,4 до 9,2 раза, значительно превзойдя прежний максимум.

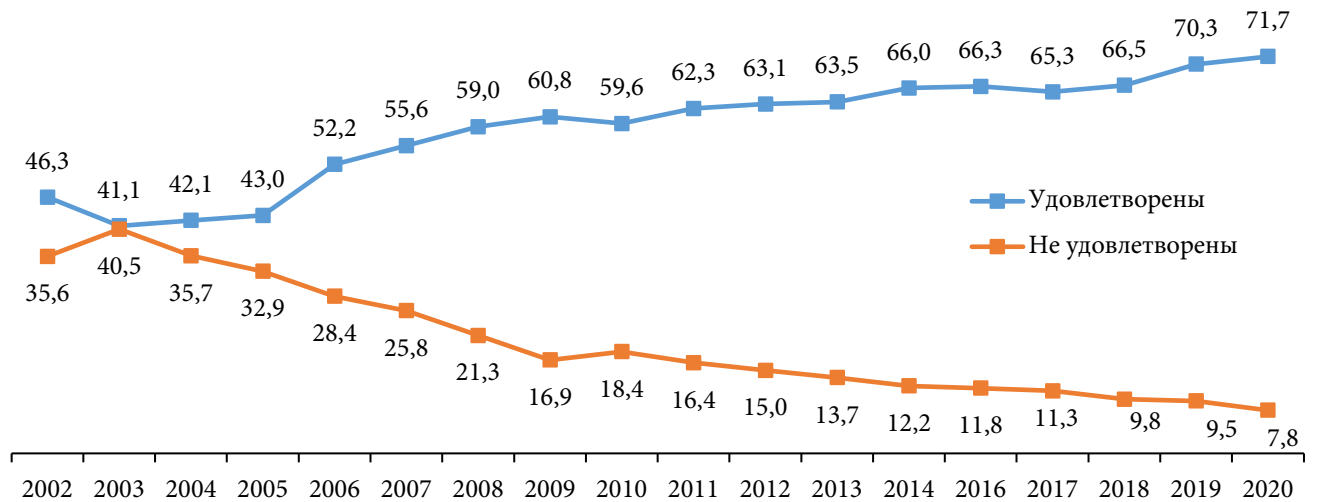


Рис. 25. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2020 гг., %

Анализ данных мониторинга, представленных на рисунке 26, показал, что одной из главных претензий россиян к их текущему месту работы остается недостаточный уровень заработной платы. Вместе с тем доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, после небольшого предыдущего сокращения с 37,2 в 2018 г. до 36,4% в 2019 г., в 2020 г. выросла до 39,6%. Одновременно доля лиц, скорее или совсем недовольных уровнем заработка, после предыдущего повышения с 34,9 до 35,6%, в 2020 г. снизилась до 29,9%. В результате этих существенных сдвигов число респондентов, в той или иной степени удовлетворенных размером заработной платы, стало едва ли не на треть превышать число недовольных своими заработками.

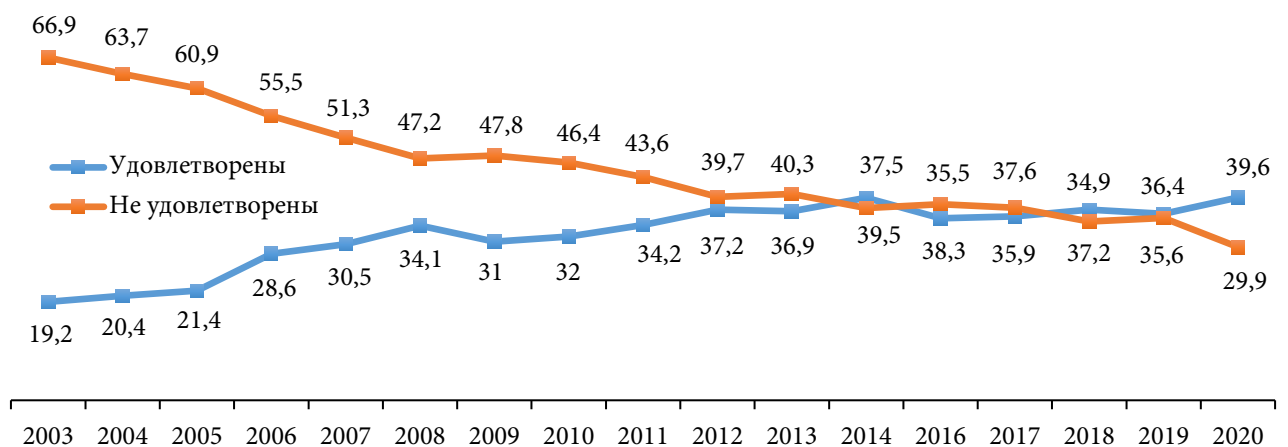


Рис. 26. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2020 гг., %

На следующем рисунке 27 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, раскрывающие основные тенденции, характеризующие изменения в уровне удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для профессионального роста.



Рис. 27. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2003–2020 гг., %

Из рисунка 27 следует, что за последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных возможностями для профессионального роста, после увеличения с 47% в 2018 г. до 51,7% в 2019 г., т. е. на 4,7 п.п., в 2020 г. вновь выросла на значительные 3,6 п.п. — до 55,3%. При этом доля работников, недовольных условиями для профессионального роста, снизилась с 21,4% в 2018–2019 гг. до 17,9% в 2020 г. Результатом этих сдвигов стало увеличение разрыва между позитивным и негативным контингентами с 2,4 раза в 2019 г. до 3,1 раза в 2020 г.

В ходе анализа данных мониторинга было также выявлено, что за 2009–2020 гг. доля респондентов из числа работников российских предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных продолжительностью рабочего дня, увеличилась с 68,3 до 70,5%, в том числе за последний год на 0,8 п.п. В то же время доля лиц, в большей или меньшей степени недовольных этой стороной труда, сократилась с 14 до 8%, в том числе за последний год на 2,8 п.п. При этом в 2020 г. 14,8% респондентов были полностью удовлетворены продолжительностью рабочего дня, тогда как доля полностью недовольных составляла только 2%.

Позитивные сдвиги были отмечены также в уровне удовлетворенности работников соответствием имеющейся работы уровню их профессиональной квалификации. За 2009–2020 гг. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных данной стороной труда, выросла с 65 до 72,2%, в том числе за последний год на 2 п.п. При этом доля недовольных сократилась почти вдвое — с 16,1 до 8,5%, в том числе за последний год на 2,3 п.п. Очень высоким остается уровень удовлетворенности работников российских предприятий и организаций графиком своей работы. Если в 2009 г. доля респондентов, которых устраивает график своей работы, составила 72,9%, то в 2020 г. она увеличилась до 73,6%, в том числе за последний год на 1,1 п.п. Одновременно сократилась доля недовольных с 11% в 2009 г. до 6,6% в 2020 г., в том числе за последний год — на 2 п.п.

Кроме того, в 2020 г. были удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, 63,9% (в 2019 г. – 62,2%) респондентов российских предприятий и организаций, тогда как свое недовольство этим соотношением выразили 10,3% опрошенных (в 2019 г. – 13,7%)

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, иллюстрируют сведения РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2020 гг., представленные в таблице 17.

Таблица 17

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2020 гг., %

Формы рыночного поведения	Период сбора данных										
	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020
Работали на дополнительной работе	8,6	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	7,5	6,7	4,9	4,6	5,3
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,1	4,8	2,8	2,3	2,0
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	4,1	3,1	2,8	2,1	2,1
Оказывали услуги за плату	4,1	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,1	2,6	2,8	4,0	2,4
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	1,0	1,4	1,0	0,8	1,0
Помещали в банк деньги, давали деньги взаймы под проценты	1,2	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	1,3	1,5	1,3	1,2	0,9
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7	0,7

При рассмотрении данных, представленных в таблице 17, обращает на себя внимание прежде всего выявленный впервые после продолжительного периода сокращения рост числа россиян, занятых на дополнительной работе. Если за 2000–2019 гг. доля вторично занятых среди респондентов сократилась с 8,6 до минимальных 4,6%, то в 2020 г. она выросла до 5,3%. И в то же время выявлено очередное сокращение удельного веса россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.) на продажу и обмен: с 8,6% в 2000 г. до 2,3% в 2019 г. и затем до 2% в 2020 г. При этом за последний год не изменилась доля респондентов, занятых разведением скота, птицы, рыбы не для личного потребления, а на продажу или обмен. В целом начиная с 2000 г. удельный вес таких респондентов сократился с 7,8% в 2000 г. до 2,1% в 2019–2020 гг. Кроме того, в 2020 г. только 2,4% опрошенных указали, что оказывали другим людям платные услуги. Это было меньше, чем в предыдущие годы, в том числе меньше 4%, зафиксированных в 2019 г.

Анализ данных мониторинга также показал, что в последние годы россияне не стали чаще заниматься охотой и собирательством, помещать деньги в банки, сдавать внаем квартиру, комнату или какое-то имущество, чтобы поправить свое материальное положение. В 2020 г. около 1% опрошенных россиян охотились или

собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, менее 1% помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты и всего лишь 0,7% сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль или другое имущество.

Таким образом, в 2020 г. сфера труда в полной мере испытывала на себе серьезные негативные последствия пандемии коронавируса. Работодатели столкнулись с острой необходимостью перестроить бизнес так, чтобы минимизировать последствия коронавируса. Многие компании были вынуждены сократить штат сотрудников. Значительной проблемой на российском рынке труда стал дефицит вакансий, в том числе устраивающих людей, которые ищут работу. Сокращение вакансий привело к увеличению времени поиска новой работы. Под большой угрозой оказались наработанные за предыдущие десятилетия достижения в области сокращения бедности и обеспечения занятости населения. Несмотря на предпринятые правительством меры поддержки населения, к концу года сформировалась прослойка граждан, завязших в проблемах, вызванных пандемией коронавируса. К ним относились прежде всего люди, потерявшие работу, а с ней и трудовые доходы, или перебивающиеся случайными заработками из-за экономических последствий пандемии. Большинство россиян были обеспокоены угрозой безработицы, обусловленной сокращением персонала и другими причинами, снижением возможностей трудоустройства на работу, обеспечивающую достойный заработок. Возросшее беспокойство ощущали и безработные, и работающие россияне. Граждане, оставшиеся без работы, стали активнее обращаться в центры занятости за получением помощи в поиске работы и пособием по безработице. В конце года многие работодатели, отреагировавшие на пандемию приостановкой поиска и набора персонала, возобновили наем, делая при этом акцент на гибких форматах и графиках. Несмотря на трудности кризисного периода, продолжился рост удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом и отдельными ее сторонами.

* * *

2020 г. оказался для российской экономики периодом тяжелых испытаний. Уникальность экономического кризиса состояла в том, что он был вызван не только экономическими факторами (падение мировых цен и мирового спроса на углеводородное топливо и другое сырье российского экспорта, рост инфляции, санкции со стороны западных стран и др.), но и такими неэкономическими причинами, как пандемия COVID-19 и связанные с ней карантинные меры. Коронавирусная инфекция стала мощнейшей проверкой на прочность всех сфер нашей жизни. Экономические риски пандемии были весьма значительными для государства. Подавляющее большинство российских регионов столкнулись с тяжелыми бюджетными последствиями коронавируса, которые привели к резкому сокращению их доходов. Затяжная стагнация в России сменилась стремительным падением экономики, в сложном финансовом положении оказалось большинство предприятий, особенно обслуживающих население. Кризис затронул все слои населения, упали доходы бизнеса и семей. Социальные проблемы только нарастали,

и точечными выплатами их было не решить. Потерянные доходы, ограниченная социальная защита и растущие цены означали, что даже те, кто ранее был в безопасности, могли оказаться в опасности бедности.

В условиях острого экономического кризиса и жестких ограничений, вызванных пандемией, резко снизились доходы населения. В декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. средние реальные доходы домохозяйств буквально провалились на 30,4%, скатившись до уровня пятнадцатилетней давности. Ухудшение финансовых показателей по широкому кругу компаний, сохраняющаяся безработица в совокупности с недостаточностью мер, направленных на поддержку занятости, создали предпосылки для негативной динамики зарплат. Совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы, демонстрировавший до этого четыре года подряд значительный рост, упал на 31,3%. При этом доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора сократился на 25,4%, от работы на частных предприятиях – на 35,3%, от работы на предприятиях смешанной формы собственности – на 38,7%. Хуже всего было положение работников, занятых в сфере услуг, прежде всего в гостиничном бизнесе, туризме, на предприятиях общественного питания. Более гибкими оказались телекоммуникационные услуги, услуги доставки и транспортировки, платная медицина, финансовые сервисы.

Падение совокупного месячного дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей – второго по значимости источника доходов российских домохозяйств, рост которого не прерывался с 1998 г., составило около 29%. Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора провалился на 25,4%. В то же время натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после сокращения в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. на 24,5%, в декабре 2020 г. упал еще раз на огромные 36,6%, опустившись до минимального уровня за весь постсоветский период. Помощь от родственников и благотворительная помощь, после сокращения в декабре 2019 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 10%, в декабре 2020 г. ушла вниз еще на 31%.

Доля дохода от государственных трансфертов в совокупном месячном доходе домохозяйств, после увеличения с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 40,7 до 41,1%, к декабрю 2020 г. вновь увеличилась до 41,6%. В определенной мере этому способствовало увеличение в период пандемии коронавируса социальных выплат населению. Так, были установлены дополнительные выплаты семьям с детьми, ежемесячные пособия малообеспеченным семьям с детьми в возрасте от трех до семи лет включительно, увеличение максимального пособия по безработице в полтора раза, минимального пособия по безработице в три раза, введение дополнительной выплаты на детей для безработных граждан по 3 тыс. рублей на каждого ребенка. В то же время весомость дохода от заработной платы, после повышения в предыдущем году с 46,5 до 47%, в декабре 2020 г. не изменилась. При этом доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях за последний год выросла с 20,9 до 22,4%, тогда как доля дохода от работы на предприятиях частного сектора, наоборот, уменьшилась с 23,7 до 22,3%.

В декабре 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г. доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора не изменилась, составив 4,4%, в то время как доля дохода от аналогичного натурального дохода, после сокращения годом ранее с 2,3 до 2%, в конце 2020 г. еще раз снизилась до 1,8%. Выявлено дальнейшее сокращение доли дохода в совокупном доходе российских домохозяйств от частных трансфертов – с 5,8% в декабре 2017 г. до 4,7% в декабре 2020 г. Совокупная доля дохода домохозяйств от государственных или смешанных государственно-частных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, выросла за последний год с 64,4 до 66,3%.

Выявлено дальнейшее увеличение доли домохозяйств, зависящих от государственных трансфертов, – с 72,4% в декабре 2018 г. до 73% в декабре 2019 г. и далее до 73,5% в декабре 2020 г. Этот рост наблюдался на фоне сокращения удельного веса домохозяйств с доходом от заработной платы, которое с определенными перепадами отмечалось на протяжении многих лет, за последний год их доля снизилась с 64 до 63,8%. При этом доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, уменьшилась с 37,9 до 35,6%, тогда как доля домохозяйств, имеющих доход от работы на госпредприятиях, увеличилась с 37,4 до 38,7%. При этом удельный вес домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности за последний год уменьшился с 4,8 до 4,1%. В то же время доля домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора снизилась с 13,5 до 13,4%, тогда как доля домохозяйств с аналогичным натуральным доходом сократилась с 38,6 до 36,8%, продолжив достаточно последовательное сокращение, которое наблюдалось на протяжении длительного периода.

Падение доходов в 2020 г. затронуло практически все домохозяйства, различающиеся по уровню доходной обеспеченности. В декабре 2020 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. В предыдущие годы наблюдалось довольно последовательное сокращение, но с некоторыми перепадами, данного разрыва. Малозаметными оказались в течение последнего года также изменения в различиях по данному показателю между домохозяйствами других квинтилей. Наименее зависимыми от государственных трансфертов остаются наиболее обеспеченные домохозяйства. В 2020 г. за счет заработной платы формировали свой доход от 41 до 46% домохозяйств первых четырех квинтилей и около 61% домохозяйств наиболее доходного квинтиля. И в то же время государственные трансфертные платежи обеспечивали от 41 до 49% дохода домохозяйств первых четырех квинтилей и немногим более четверти дохода домохозяйств верхнего квинтиля. Такие меры социальной антикризисной поддержки, как изменения в выплате материнского капитала, детских пособий и взносов социального страхования для малого и среднего предпринимательства, частично компенсировали сокращение доходов малообеспеченных и бедных семей.

В первой половине 2020 г. снижение доходов, девальвация рубля и карантин, приведший к росту безработицы, серьезно повлияли на потребительское поведение граждан. Традиционно на такие невзгоды, как падение доходов, россияне отвечают сокращением потребления, экономя в том числе и на еде. Поэтому

первой реакцией россиян на очередной кризис стал переход на ограниченное потребление. Россияне стали действительно тратить меньше, полагая, что их ждут не самые лучшие времена. Но после снятия большинства ограничений в конце года потребительский спрос населения начал расти. Этому способствовали возросшие за период карантина сбережения и реализация отложенного спроса. Но, несмотря на это, ситуация для российских семей оставалась очень сложной. Ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после роста с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. на 3,6%, в декабре 2020 г. обвалились на значительные 30%. При этом ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания, после предшествующего многолетнего роста, в декабре 2020 г. упали на 32,9%. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, после роста с декабря 2018 г. по декабрь в 2019 г. на 5,1%, в следующем 2020 г. упали на немалые 28,5%.

После 2014 г. соотношение расходов домохозяйств на продовольствие и непродовольственные товары остается довольно стабильным. Так, доля расходов домохозяйств на продукты питания уменьшилась с 41,5% в 2015 г. до 40,1% в 2017 г., но в 2018 г. она увеличилась до 40,8%. За два следующих года эта доля немного сократилась: в 2019 г. — до 40,7% и в 2020 г. — до 40,5%. Изменение покупательских привычек в 2020 г. было связано, с одной стороны, с недостатком финансовых ресурсов, с другой стороны, сказывалась боязнь заразиться коронавирусом, которая привела к снижению расходов как на продовольствие, так и на непродовольственные товары, особенно на транспорт, развлечения и другие мероприятия, которые обычно связаны с массовыми скоплениями людей. Люди стали чаще интересоваться акционными товарами, следить за скидками, покупать товары более продуманно, значительно сократилась доля импульсных покупок. Увеличились покупки дешевых базовых товаров (мука, крупы и др.), чтобы в целях экономии больше готовить самостоятельно. Потребители все чаще отдавали предпочтение «быстрой еде». Помимо этого, в условиях пандемии появился тренд, хотя и не особенно масштабный, на самообеспечение: часть граждан перешли к личному подсобному хозяйству, начали делать запасы.

После длительного периода снижения, в 2020 г. впервые отмечен рост дифференциации домохозяйств по уровню расходов. Если в 2012–2013 гг. наиболее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем наименее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств, то в дальнейшем эта разница последовательно сократилась до 4,7 раза в 2019 г. Но в 2020 г. она увеличилась до 5,1 раза. Рост дифференциации домохозяйств по уровню расходов происходил за счет опережающего снижения расходов наименее платежеспособных домохозяйств. Но при этом разрыв в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей сократился с 2,2 до 2,1 раза. Если в 2019 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,3 раза больше, чем у домохозяйств наиболее состоятельного квинтиля (49,5% против 21,9%), то в 2020 г. эта разница увеличилась до 2,4 раза (49% против 20,5%). В 2020 г. было отмечено увеличение неравенства между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Если с 2012 по 2018 г. разница в расходах на непродоволь-

ственные товары между двадцатью процентами самых состоятельных и двадцатью процентами наименее состоятельных домохозяйств сократилась с 13,2 до 7 раз, то в 2019 г. она увеличилась до 7,2 раза, а в 2020 г. — до 8 раз.

Уровень безработицы среди экономически активного населения, после снижения в течение ряда предыдущих лет, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. вырос с 3,2 до 3,6%, но в 2020 г. снизился до 3,4%. При этом за последний год официальная безработица среди мужчин снизилась с 3,3 до 2,8%, тогда как среди женщин увеличилась с 4,0 до 4,1%. Структура безработицы претерпела заметные изменения в сторону увеличения ее длительности. С 2010 по 2019 г. доля «длительной» безработицы, превышающей три месяца, сократилась с 70,7 до 58,4%, но в 2020 г. был отмечен ее резкий рост до 76,9%. Это было максимальное значение за все время наблюдений. В то же время доля безработицы длительностью от одного до трех месяцев за 2010–2019 гг. увеличилась с 19,7 до 27,4%, тогда как в 2020 г. она резко сократилась до 13,4%. При этом безработица длительностью менее месяца за 2010–2019 гг. увеличилась с 9,6 до 14,2%, но в 2020 г. она снизилась до 9,7%.

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. коэффициент участия в рабочей силе повысился с 81 до 81,5%, однако в 2020 г. он снизился до минимальных 80,9%. При этом коэффициент участия в рабочей силе уменьшился у женщин с 78,6 до 77,5%, тогда как у мужчин — с 84,1 до 84%. Важной мерой поддержки доходов пожилых является обеспечение занятости людей пенсионного возраста. Это особенно важно, поскольку у россиян все меньше поводов рассчитывать на пенсию как на единственный источник дохода. Вместе с тем уровень занятости у мужчин и женщин, получающих пенсию, после одновременного увеличения в предыдущем году, так же синхронно снизился. Так, доля занятых среди мужчин-пенсионеров, после увеличения годом ранее с 19,7 до 19,9%, в 2020 г. уменьшилась до 19,2%, тогда как среди женщин-пенсионеров, после предыдущего увеличения с 24 до 24,6%, в 2020 г. эта доля снизилась до 23,7%. Эти изменения привели к незначительному сокращению преобладания женщин-пенсионеров над мужчинами-пенсионерами по уровню занятости.

В ходе исследования выявлено увеличение числа работников, для которых проблема задолженности по заработной плате является болезненной. Если с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля работников, не полностью получивших зарплату, сократилась до минимума — с 1,2 до 1,1%, то в декабре 2020 г. она увеличилась до 2,5%. При этом средняя сумма задолженности перед этими работниками, после роста в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. на 4,9%, в декабре 2020 г. упала более чем в 1,6 раза. Как и прежде, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы. Продолжилось сокращение сроков задолженности, которое наблюдалось на фоне падения средней суммы задолженности по заработной плате. В конце 2020 г. большинству работников, составляющему 59,7%, зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, что было меньше, чем 66,8% годом ранее. В то же время доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, выросла с 12,7 до 22,9%. Одновременно доля работников, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца, уменьшилась с 9,8 до 7,6%. Что касается доли работников, которым зарплата задерживалась на срок более трех месяцев, то она снизилась с 10,6 до 9,8%. За последний год доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин уменьшилась с 1,4 до 1,3%, тогда как аналогичная доля среди женщин увеличилась с 0,8 до 1,2%.

В 2020 г., как и прежде, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих какой-либо доход от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Однако за последний год это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности немного увеличилось, составив в декабре 2020 г. 79,9% у мужчин против 71,5% у женщин (в 2019 г. было 79,4% против 72,3% соответственно). Уже длительное время женщины получают в среднем примерно на четверть меньше, чем мужчины. В конце 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 76,4% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, что было больше, чем 75,2% в конце 2019 г. и 73,9% в конце 2018 г. Мужчины трудоспособного возраста продолжали заметно превосходить женщин такого же возраста по доле получающих доход от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности.

За 2020 г. доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, после сокращения в течение 2015–2018 гг. с 8,4 до 6,2%, вновь снизилась до 5,8%. При этом после продолжительного периода роста снизилась долговая нагрузка домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в декабре 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года размер средней суммы такой задолженности домохозяйств резко вырос почти на 43%, то в конце 2020 г. он снизился на 38%. В конце 2020 г., после роста в аналогичный период 2019 г. на 19,3%, средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги резко упала более чем на 39%. При этом домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели на треть больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

Если в 2019 г. многие показатели, характеризующие социальные настроения россиян, демонстрировали позитивную динамику, то в 2020 г. в социальном самочувствии населения стали преобладать негативные тенденции. На фоне коронавирусного кризиса и других, усиливающих нестабильность и неопределенность, вызовов отмечались значимые сдвиги в восприятии гражданами основных вопросов социально-экономической повестки. Но при этом к концу года, когда коронавирусные ограничения стали ослабевать, основные показатели социального самочувствия стабилизировались. С декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла с 49,6 до 52%, но к концу 2020 г. она сократилась до 51%. В то же время доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью, уменьшилась с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 24,7 до 23,2%, а затем к концу 2020 г. — до 22,4%.

За последний год уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением практически не изменился. Если с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своим материальным положением, увеличилась с 21,1 до 23,6%, то к концу 2020 г. она уменьшилась до 23,3%. В то же время доля тех, кто был не удовлетворен материальной стороной своей жизни, после сокращения за предыдущий год с 57,9 до 56,2% в конце 2020 г. вновь уменьшилась до 55,3%. В целом в 2020 г., как и годом

ранее, число неудовлетворенных своим материальным положением в 2,4 раза превышало число довольных. Но при этом заметно снизились оценки респондентами изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу. Если с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей за предшествующий год, выросла с 16 до 18,1%, то к декабрю 2020 г. она резко сократилась до минимальных 11,9%. В то же время доля тех, кто указал на ухудшение материального положения своих семей, сократилась с 24,2% в декабре 2018 г. до 21,3% в декабре 2019 г., но к декабрю 2020 г. она увеличилась до значительных 28,8%. В результате превышение доли респондентов, негативно оценивающих изменения в материальном положении своих семей, над «позитивным» контингентом за последний год удвоилось с 1,2 до 2,4 раза.

Одним из основных показателей, свидетельствующих об ухудшении социального самочувствия россиян, является рост уровня обеспокоенности населения своим будущим. Так, за последний год выросло число респондентов, ожидающих ухудшения своего положения, тогда как число рассчитывающих на лучшее сократилось. Доля респондентов, полагающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного лучше, после увеличения в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. с 19,6 до 21,8%, в конце 2020 г. резко упала до 15,9%. Это снижение произошло в основном за счет существенного увеличения удельного веса респондентов, которые затруднились выразить определенное мнение. Их доля за последний год выросла с 16,5 до 20,9%. В то же время доля полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить хуже, в последние годы менялась незначительно. После небольшого сокращения с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. с 13,3 до 12%, в декабре 2020 г. она вновь увеличилась до 13%. Но наибольшей оставалась доля респондентов, не ожидающих перемен в своей жизни. С декабря 2018 г. по декабрь 2020 г. она увеличилась с 49,5 до 50,2%. Кроме того, за последний год увеличился удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных трудностями материального обеспечения в ближайшем будущем, — с 64,5 до 65,9%, тогда как доля тех, кого в той или иной степени не беспокоила эта проблема, сократилась с 21,6 до 19,8% соответственно.

Ухудшение социальных настроений россиян выразилось также в повышении степени тревожности по поводу возросшей угрозы безработицы. С декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов из числа занятых, которые были в большей или меньшей степени обеспокоены угрозой потери работы, уменьшилась с 62,1 до 61%, тогда как в декабре 2020 г. она выросла до 63,9%. При этом доля тех, кто не был обеспокоен этой проблемой, увеличилась с 23,2% в декабре 2018 г. до 24,4% в декабре 2019 г., однако за последний год она уменьшилась до 21,5%. Усилился также пессимизм россиян по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. Так, с декабря 2018 г. по декабрь 2019 г. доля респондентов, уверенных в том, что им удастся найти работу, не хуже прежней, если это потребуется, уменьшилась с 37,1 до 35,5% и затем в декабре 2020 г. — до 32%. И одновременно увеличилась, после предыдущего роста с 42,4% до 43,1, доля лиц, не уверенных в этом, — до 46%.

Сложной и напряженной оставалась ситуация на рынке труда. Одним из основных факторов, определяющих динамику отечественных рынков, стал пессимизм, поводов для которого было достаточно. Наиболее значительно эта ситуация сказалась на женщинах и горожанах, на лицах, не имеющих опыта трудовой деятельности. В период распространения коронавируса предпринимались некоторые меры поддержки предприятий и отраслей, но эта поддержка предоставлялась не всем предприятиям и в разном объеме. Многие держались на плаву только за счет собственных средств, которые не были бесконечными. Такие предприятия в первую очередь были вынуждены идти на сокращение персонала. Поэтому не случайно по сравнению с прошлым годом работники стали чаще увольняться с основной работы в результате сокращения должности или закрытия предприятия (их доля выросла с 13,9% в 2019 г. до 17% в 2020 г.). Более значимыми стали также такие причины прекращения работы, как достижение пенсионного возраста и выход на пенсию (их доля выросла с 7% в 2019 г. до 10,5% в 2020 г.), возможность не работать, заняться другими полезными для себя и своей семьи делами (с 2,9 до 5,4%), увольнение по каким-либо другим причинам (с 3,5 до 4,5%). И в то же время люди стали больше дорожить работой и реже увольняться по таким причинам, как ухудшившееся состояние здоровья (с 14,5 до 12,2%), низкая заработная плата (с 13,6 до 12,5%), сложные семейные обстоятельства (с 5,8 до 4,5%), неудовлетворительные условия труда (с 9,5 до 7,7%), плохие взаимоотношения с руководством предприятия, организации или коллегами, товарищами по работе (с 5,5 до 3,1%), желание продолжить или начать обучение (с 8,4 до 5,7%), окончание контракта (с 5,5 до 2,8%).

Наиболее распространенным способом поиска работы остается такой, как обращение за помощью к друзьям и знакомым, к которому в 2020 г. прибегали 83,8% соискателей. На второй позиции прочно закрепились обращения соискателей к рекламным объявлениям и сообщениям в интернете. Доля использующих этот способ поиска рабочего места, ежегодно прибавляя, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 69,6% в 2019 г., но в 2020 г. немного снизилась — до 64,9%. Практически одинаковыми по своей значимости остаются такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия и помощь родственников. В 2020 г. к ним прибегали 51,3 и 54,5% соискателей соответственно. Несколько увеличилась за последний год значимость поиска работы с помощью традиционных рекламных объявлений — с 43,1 до 44,2%. С 29,8 до 35,1% выросла за год также доля респондентов, которые пытались найти работу, используя социальные сети. Особого внимания заслуживает стремительный рост обращавшихся с целью поиска работы в государственные службы занятости — с 20,2% в 2019 г. до 38,3% в 2020 г. И в то же время доля респондентов, прибегавших к услугам негосударственных служб занятости, увеличилась с 11,4 лишь до 12,3%.

Исследование выявило дальнейшее повышение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Так, за последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, после роста годом ранее с 68,6 до 70%, вновь выросла до 71,9%. Отмечен также рост за последний год удовлетворенности работников условиями труда (с 70,3 до 71,7%), возможностями профессионального роста (с 51,7 до 55,3%) и оплатой своего труда (с 36,4 до 39,6%). За 2009–2020 гг. доля респондентов, полностью или

скорее удовлетворенных соответствием имеющейся работы уровню их профессиональной квалификации, выросла с 65 до 72,2%. Если в 2009 г. доля респондентов, которых устраивал график их работы, составила 72,9%, то в 2020 г. она увеличилась до 73,6%. Кроме того, в 2020 г. были удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, 63,9% респондентов.

Список литературы

Быкова Н. Как изменится работа: Интервью с В. Вахштайном // Эксперт. 2021. № 29 (1215). С. 44–49.

Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. № 1 (37). Январь 2020 года / Банк России. 30.01.2020. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27065/Infl_exp_20-01.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 7 (139). Апрель 2021 г. / Под ред. В. С. Гуревича, С. М. Дробышевского, А. В. Колесникова [и др.]; Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2021. URL: <https://www.ranepa.ru/pdf/monitoring/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-7-139-aprel-2021-g.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2020 года: Информационно-аналитический материал / Банк России. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31927/razv_bs_20_12.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

Социально-экономическое положение регионов РФ: Аналитический бюллетень. Вып. 41: Итоги 2020 года / РИА Рейтинг. М., 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo41.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.1

SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS IN 1994–2020

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.

Abstract. This paper uses data from “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to analyze the socio-economic condition of Russian households at the end of the first year of the COVID-19 pandemic. In 2020, an average real household income plunged by 30.4%, with work-related income falling by 31.3% and income from government transfers by 29%. However, there was no increase in income inequality on the household level. In 2020, the top 20 percent of households continued to earn 2.6 times more than the bottoms 20 percent. Household expenditures decreased by 30% in 2020. It was the most significant decline in household expenditures between 1994 and 2020. The spending gap between the top and the bottom 20 percent of households widened. Compared to

low-income families, well-off households spent 4.7 times more in 2019 and 5.1 times more in 2020. The unemployment rate fell from 3.6% to 3.4%. The workforce participation rate also declined from 81.5 to 80.9% of the adult population. The number of workers who had wage arrears increased from 1.1 to 2.5%. The share of retirees failing to receive their monthly pension payments rose from 2.6 to 6.5% among men and from 2.8 to 4.1% among women. Although there was little change both in general life satisfaction and satisfaction with the families' economic security, the proportion of those who reported declining living standards went up from 21.3 to 28.8%, while the share of those who believed that the living standards of their families would improve next year dropped from 21.8 to 15.9%. The proportion of respondents who felt anxious about losing their jobs rose from 61.0 to 63.9%. Moreover, more people felt uncertain about their chances to find a new job had they lost the current one. It is against this backdrop the level of job satisfaction hit 71.9%. Although low wages remained the leading cause of discontent at the workplace, the overall satisfaction with the pay level increased.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes, pandemic, COVID-19

References

Bykova N. Kak izmenitsya rabota: Interv'yu s V. Vakhshaynom // Ekspert. 2021. № 29 (1215). S. 44–49.

Inflyatsionnyye ozhidaniya i potrebitel'skiye nastroyeniya: Informatsionno-analiticheskiy kommentariy. № 1 (37). Yanvar' 2020 goda / Bank Rossii. 2020. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27065/Infl_exp_20-01.pdf (data obrashcheniya: 03.08.2021).

Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. № 7 (139). April' 2021 g. / Pod red. V. S. Gurevicha, S. M. Drobyshevskogo, A. V. Kolesnikova [i dr.]; Institut ekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gaydara, Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. 2021. URL: <https://www.ranepa.ru/pdf/monitoring/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-7-139-aprel-2021-g.pdf> (data obrashcheniya: 03.08.2021).

O razvitiy bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii v dekabre 2020 goda: Informatsionno-analiticheskiy material / Bank Rossii. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31927/razv_bs_20_12.pdf (data obrashcheniya: 03.08.2021).

Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye regionov RF: Analiticheskiy byulleten'. Vyp. 41: Itogi 2020 goda / RIA Rejting. M., 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo41.pdf (data obrashcheniya: 03.08.2021).

Рощина Я. М.

КАК ПАНДЕМИЯ ИЗМЕНИЛА ЖИЗНЬ РОССИЯН?

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.2

Аннотация. В представленной работе на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2019 и 2020 гг. рассматриваются изменения, которые произошли в жизни россиян в связи с пандемией коронавируса и ограничениями, введенными для сдерживания заболевания. Полные и частичные локдауны первой половины и середины 2020 г. привели к увеличению времени, которое россияне проводят со своими гаджетами. В старших возрастных группах ускорился процесс отказа от кнопочных телефонов в пользу смартфонов, одновременно выросла доля пожилых людей, пользующихся сетью интернет. В 2020 г. больше россиян стали оплачивать коммунальные услуги онлайн, использовать облачные сервисы хранения данных, смотреть онлайн ТВ-программы, играть в игры или скачивать их, посещать сайты социальных сетей, делать покупки и проходить обучение онлайн. При этом увеличение времени, проводимого онлайн, не повлияло на интенсивность личного общения. Тем не менее многие респонденты отмечали, что во время локдаунов страдали от недостатка общения, тревоги и депрессии. Особенно остро эти проблемы проявлялись среди пожилых людей. Кроме того, около трети пожилых респондентов нуждались в помощи во время локдаунов, и подавляющее большинство эту помощь получали. Также около трети пожилых респондентов нуждались в медицинской помощи, не связанной с коронавирусом, однако получить ее удалось чуть более 40% пожилых людей. Остальные либо отказались из-за опасений заразиться коронавирусом, либо не смогли этого сделать из-за репрофилирования медицинских учреждений для борьбы с пандемией. К осени 2020 г. не более 3% опрошенных имели подтвержденный тестами диагноз «коронавирусная инфекция», при этом около 70% знали о случаях заражения в своем окружении. Несмотря на это, 41,5% респондентов отказались бы от прививки против коронавирусной инфекции, будь она доступна. В целом к концу 2020 г. россияне оценивали влияние пандемии на свою жизнь (прежде всего, здоровье и отношения в семье) как незначительное, хотя около четверти респондентов сообщали о снижении материального благополучия своих семей.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, пандемия, COVID-19, использование интернета, вакцинация, материальное положение, здоровье

Начиная с конца марта 2020 г. пандемия коронавируса коренным образом изменила условия жизни населения всей планеты. Россияне, как и граждане других государств, столкнулись не только с более высоким риском заболеть и скоропостижно скончаться, но и с необходимостью соблюдать определенные санитарные правила (прежде всего, самоизоляцию и ношение маски), осуществлять многие привычные действия онлайн (работать, покупать продукты, развлекаться и т. д.). Для того чтобы определить, насколько пандемия изменила повседневную жизнь россиян, в данной статье проанализированы данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2019 и 2020 гг., во-первых, отражающие включенность респондентов в цифровую среду, во-вторых – характеризующие карантинные практики населения. В исследуемую совокупность вошли респонденты 14 лет и старше.

В таблице 1 представлены данные RLMS-HSE о пользовании компьютером и мобильным телефоном в 2019 и 2020 гг.

Таблица 1

Использование респондентами цифровых устройств за последние 12 месяцев в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные игры и др., по возрастным группам, вертикальный %

Использование цифровых устройств	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
2019					
Планшет	27,6	24,8	15,8	6,6	18,7
Компьютер переносной	64,9	59,8	40,8	16,5	45,7
Стационарный персональный компьютер	50,5	48,2	41,6	15,2	39,8
Смартфон, коммуникатор, айфон	87,4	86,7	64,5	20,7	66,0
Мобильный сотовый телефон, по которому можно только звонить и отправлять смс	18,8	20,3	40,3	72,6	37,4
2020					
Планшет	29,2	23,8	16,2	5,9	18,7
Компьютер переносной	71,2	63,9	44,7	18,0	49,6
Стационарный персональный компьютер	51,2	51,5	41,1	14,8	40,5
Смартфон, коммуникатор, айфон	93,4	92,8	75,5	30,2	74,4
Мобильный сотовый телефон, по которому можно только звонить и отправлять смс	12,6	13,1	29,1	64,9	28,9

В то время как доля пользователей стационарными компьютерами выросла незначительно (с 39,8 до 40,5%), больше респондентов стали использовать переносной компьютер (39,8% в 2019 г. и 49,6% в 2020 г.). Заметно сократилась доля тех, кто пользуется кнопочным телефоном (с 37,4% до 28,9%). Доля владельцев смартфонов или коммуникаторов, напротив, возросла с 66 до 74,4%. Особенно этот рост был заметен в старшей возрастной группе (среди лиц старше 60 лет), где доля пользователей смартфонов увеличилась в полтора раза. Хотя в целом тренд замены кнопочного телефона на смартфон наблюдался и ранее, этот процесс, очевидно, был ускорен необходимостью чаще пользоваться интернетом (даже тем, у кого стационарный интернет в доме отсутствует).

Как показано в таблице 2, довольно существенно выросло время, которое пользователи стали проводить в «общении» со своими электронными устройствами. Если осенью 2019 г. 11,5% респондентов отмечали, что они проводят практически весь день со своими гаджетами, в 2020 г. таких было уже 15%. Среди молодежи эта доля выросла с 16,8 до 29,8%, а среди людей среднего возраста (младше 40 лет) – с 12,7 до 18,8%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно времени в течение дня Вы обычно смотрите на экраны всех электронных устройств, которыми пользуетесь?», по возрастным группам, вертикальный % среди пользователей электронных устройств

Время перед экраном	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
2019					
Меньше часа	4,4	14,5	24,3	36,5	17,4
1–3 часа	45,7	48,1	47,4	46,7	47,1
4–6 часов	33,2	24,7	19,6	13,8	24,1
Практически весь день, не выпуская из рук	16,8	12,7	8,7	3,0	11,5
2020					
Меньше часа	2,0	7,7	20,9	56,0	20,2
1–3 часа	29,3	40,2	45,7	31,2	38,1
4–6 часов	38,9	33,3	23,4	10,4	26,7
Практически весь день, не выпуская из рук	29,8	18,8	10,0	2,4	15,0

Если мы рассмотрим респондентов, которые пользовались интернетом за 12 месяцев до проведения опроса, то увидим, что их доля выросла больше всего в старшей возрастной группе (с 30,3 до 35,5%) и очень мало изменилась среди молодежи до 25 лет (табл. 3). Вероятно, если бы мы обладали данными о частоте использования интернета, различия были бы гораздо существеннее.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев пользоваться интернетом?», по возрастным группам, вертикальный %

Возраст, лет	Пользовались интернетом	
	2019	2020
<=25	97,6	99,0
26–40	93,7	96,2
41–60	75,7	81,0
>=61	30,3	35,5
Всего	75,7	79,4

В 2020 г. респонденты выходили в сеть интернет в тех же целях, что и в 2019 г., хотя частота использования интернета, вероятно, изменилась, но данные RLMS-HSE, к сожалению, не дают нам возможности об этом судить. Как видно из таблицы 4, в 2020 г. с 17,7 до 14,5% снизилась доля тех, кто бронировал отели, гостиницы, туристические поездки, что объясняется локдауном и другими ограничениями.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Вы пользовались интернетом в течение последних 12 месяцев для...», вертикальный % среди пользователей интернета

Использование интернета для...	Год	
	2019	2020
Учебы	26,7	27,3
Работы	43,7	45,5
Развлечений	77,7	77,7
Общения с другими людьми	89,2	90,5
Получения информации о новостях	84,4	84,9
Получения справочных материалов	81,9	82,1
Получения государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	45,1	44,5
Оплаты коммунальных услуг, мобильного телефона, управления счетом в банке и т. п.	51,8	58,9
Бронирования билетов, гостиничных номеров, заказа турпутевок и т. д.	17,7	14,5
Использования облачных сервисов хранения и передачи данных	25,8	28,0
Просмотра телевизионных программ	32,6	35,4
Просмотра и скачивания картинок, музыки, фильмов, текстов	61,3	56,1
Скачивания книг и чтения онлайн	30,0	29,7
Игр онлайн, просмотра или скачивания игр	30,8	36,8
Дистанционного обучения по какому-либо предмету, прохождения онлайн-курсов	13,0	23,9
Покупки товаров	42,2	46,4
Получения других услуг	28,3	25,7
Посещения сайтов социальных сетей	80,1	85,5
Чего-то еще	10,4	13,8

Меньше стало тех, кто скачивал картинки, музыку, фильмы, тексты (61,3% в 2019 г. против 56,1% в 2020 г.). Напротив, увеличилась доля людей, которые оплачивали коммунальные услуги (с 51,8 до 58,9%), использовали облачные сервисы хранения данных (с 25,8 до 28,0%), смотрели ТВ-программы (с 32,6 до 35,4%), играли в игры или скачивали их (с 30,8 до 36,8%), покупали товары (с 42,2 до 46,4%), посещали социальные сети (с 80,1 до 85,5%). Особенно большой рост наблюдался среди тех, кто использовал интернет для дистанционного обучения по какому-либо предмету или для прохождения онлайн-курсов — их доля выросла с 13,0 до 23,9%. Неожиданно, но практически не изменилась доля тех, кто пользовался интернетом для работы (их доля выросла с 43,7 до 45,5%) и учебы (практически незначимый рост с 26,7 до 27,3%), а также пользовавшихся интернетом для развлечений и общения, хотя эти практики и до пандемии были очень распространены.

Как и в 2019 г., цели выхода в сеть интернет в 2020 г. различались в зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе (табл. 5).

Примечательно, что лишь немного выросла доля использовавших интернет для учебы среди молодежи (с 72,1 до 75,2%). Это объясняется тем, что такая формулировка ответа на поставленный вопрос может быть интерпретирована не только как онлайн-занятия, но и как использование электронной почты, скачивание учебных материалов и т. д. При этом доля использовавших дистанционное обучение по какому-либо предмету или проходивших онлайн-курсы выросла среди молодежи с 21,2 до 58,8%, а среди людей среднего возраста (до 40 лет) – с 13,8 до 16,0%. Доля использовавших интернет для работы незначительно выросла во всех возрастных группах, а среди самой старшей даже несколько снизилась.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Вы пользовались интернетом в течение последних 12 месяцев для...», по возрастным группам, вертикальный % среди пользователей интернета

Использование интернета для:	Возраст, лет				Всего
	<=25	26-40	41-60	>=61	
2019					
Учебы	72,1	14,3	9,2	4,3	26,7
Работы	26,4	57,0	50,0	19,2	43,7
Развлечений	88,9	83,4	68,7	57,7	77,7
Общения с другими людьми	94,3	92,7	84,9	77,3	89,2
Получения информации о новостях	81,9	87,3	83,8	84,2	84,4
Получения справочных материалов	86,8	83,1	78,5	75,9	81,9
Получения государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	34,1	56,9	44,8	34,8	45,1
Оплаты коммунальных услуг, мобильного телефона, управления счетом в банке и т. п.	41,4	64,4	52,3	33,5	51,8
Бронирования билетов, гостиничных номеров, заказа турпутевок и т. д.	14,8	23,7	16,4	9,4	17,7
Использования облачных сервисов хранения и передачи данных	34,2	31,9	17,8	8,6	25,8
Просмотра телевизионных программ	36,6	36,5	28,1	23,8	32,6
Просмотра и скачивания картинок, музыки, фильмов, текстов	81,4	69,3	46,4	28,9	61,3
Скачивания книг и чтения онлайн	46,2	31,0	20,6	13,5	30,0
Игр онлайн, просмотра или скачивания игр	51,6	33,7	17,2	10,4	30,8
Дистанционного обучения по какому-либо предмету, прохождения онлайн-курсов	21,2	13,8	7,8	5,5	13,0
Покупки товаров	43,3	55,3	34,7	19,0	42,2
Получения других услуг	29,6	36,1	23,9	12,8	28,3
Посещения сайтов социальных сетей	92,4	86,9	70,5	54,5	80,1
Чего-то еще	13,5	11,9	7,3	8,0	10,4

Продолжение таблицы 5

Использование интернета для:	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
2020					
Учебы	75,2	15,2	8,8	3,8	27,3
Работы	27,3	59,9	53,1	18,5	45,5
Развлечений	88,7	83,4	70,2	55,6	77,7
Общения с другими людьми	95,3	92,8	87,0	82,6	90,5
Получения информации о новостях	82,9	87,0	84,3	85,7	84,9
Получения справочных материалов	87,2	83,6	79,3	73,1	82,1
Получения государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	34,1	55,0	45,4	34,3	44,5
Оплаты коммунальных услуг, мобильного телефона, управления счетом в банке и т. п.	45,5	71,3	61,9	43,2	58,9
Бронирования билетов, гостиничных номеров, заказа турпутевок и т. д.	12,0	20,3	13,4	6,6	14,5
Использования облачных сервисов хранения и передачи данных	39,8	33,7	19,2	9,3	28,0
Просмотра телевизионных программ	40,2	39,7	30,4	26,8	35,4
Просмотра и скачивания картинок, музыки, фильмов, текстов	76,1	62,4	43,5	26,0	56,1
Скачивания книг и чтения онлайн	49,6	29,7	19,0	14,2	29,7
Игр онлайн, просмотра или скачивания игр	59,7	41,0	22,4	12,9	36,8
Дистанционного обучения по какому-либо предмету, прохождения онлайн-курсов	58,8	16,0	10,1	5,1	23,9
Покупки товаров	48,8	59,2	40,0	21,2	46,4
Получения других услуг	28,5	33,4	20,9	10,6	25,7
Посещения сайтов социальных сетей	94,9	90,5	79,3	65,6	85,5
Чего-то еще	15,9	17,5	10,7	7,5	13,8

За время пандемии социальные сети стали более популярными, особенно среди людей старшего поколения (табл. 6). Доля пользователей выросла среди людей старше 60 лет с 54,5 до

65,6%, в возрасте 41–60 лет – с 70,5 до 79,3%, в возрасте 26–40 лет – с 86,9 до 90,5%, а среди самых молодых – с 92,4 до 94,9%. Вероятно, это было вызвано необходимостью соблюдения «социальной дистанции» и даже прямого запрета на выход из дома в течение полутора месяцев 2020 г., когда люди стали чувствовать себя более одинокими и перенесли общение в социальные сети.

Что касается популярности различных сетей, то продолжила снижаться популярность «Одноклассников» (особенно среди старших поколений: в группе старше 60 лет – с 83,6 до 70%, в группе 41–60 лет – с 76,9 до 65,1%) и «ВКонтакте» (с 72,9 до 68,2%). Напротив, выросла доля пользователей «Фейсбука» (с 16,6 до 19,2% в целом, среди молодежи – с 20,1 до 25,4%), «Инстаграма» (с 41,7 до 48,7% в целом, среди молодежи – с 58,1 до 66,2%), «Ютьюба» (с 38,9 до 45,8%). Особенно выросла популярность «Телеграма» (с 9,7 до 16,6% в целом, среди молодежи – с 15,7 до 28,7%), хотя он продолжает уступать по популярности почти всем остальным социальным сетям. Очень высока доля использующих «Ватсап» (67,4%), хотя это скорее классический мессенджер, который не предполагает ведения блогов, постов и т. д.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Вы посещаете эти социальные сети онлайн?»,
по возрастным группам, вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Социальные сети	Возраст, лет				Всего
	<=25	26-40	41-60	>=61	
2019					
Одноклассники	42,7	63,7	76,9	83,6	62,3
ВКонтакте	89,9	78,5	55,1	38,7	72,9
Фейсбук	20,1	16,7	13,6	13,4	16,6
Твиттер	9,7	5,1	2,5	3,6	5,6
Инстаграм	58,1	46,1	25,7	14,3	41,7
Ютуб	50,4	41,0	28,6	20,1	38,9
Телеграм	15,7	9,9	4,6	3,6	9,7
2020					
Одноклассники	41,5	54,3	65,1	70,0	55,3
ВКонтакте	86,8	75,8	51,4	34,0	68,2
Фейсбук	25,4	19,7	15,0	10,9	19,2
Твиттер	13,6	8,4	4,1	2,2	8,1
Инстаграм	66,2	57,1	32,3	15,1	48,7
Ютуб	58,7	49,1	35,5	25,2	45,8
Телеграм	28,7	17,4	8,1	3,8	16,6
Ватсап	70,6	72,2	62,9	53,2	67,4

Как видно из таблицы 7, выросла не только доля пользователей социальных сетей, но и частота их использования. Если в 2019 г. 73,6% респондентов отметили, что пользуются социальными сетями практически каждый день (среди молодежи таких было 88,7%), то в 2020 г. эта доля выросла до 90,8% (среди молодежи – до 93,1%).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете социальную сеть,
которой пользуетесь чаще всего?»,
по возрастным группам, вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Частота посещения социальных сетей	Возраст, лет				Всего
	<=25	26-40	41-60	>=61	
2019					
Раз в год или реже	0,0	0,0	0,2	0,6	0,1
Несколько раз в год	0,2	0,6	1,5	1,8	0,8
Раз в месяц	0,3	0,9	2,3	1,5	1,2
2-3 раза в месяц	1,0	4,2	6,2	8,4	4,1
1-2 раза в неделю	9,8	20,0	28,7	31,0	20,2
Практически каждый день	88,7	74,2	61,1	56,7	73,6

Продолжение таблицы 7

Частота посещения социальных сетей	Возраст, лет				
	<=25	26-40	41-60	>=61	Всего
2020					
Раз в год или реже	0,0	0,3	0,1	0,2	0,2
Несколько раз в год	0,3	0,2	0,6	1,0	0,4
Раз в месяц	0,1	0,5	1,3	1,0	0,7
2-3 раза в месяц	0,3	1,8	3,9	5,8	2,3
1-2 раза в неделю	6,3	13,3	23,4	27,5	15,6
Практически каждый день	93,1	83,9	70,6	64,5	80,9

Принимая во внимание карантинные меры и ограничения, можно было бы предположить, что в 2020 г. снизится интенсивность личного общения («лицом к лицу»). Однако данные таблицы 8 свидетельствуют о том, что карантинные меры практически не повлияли на частоту общения между родственниками.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с ..?»,
по возрастным группам, вертикальный %

Частота общения с...	Возраст, лет				
	<=25	26-40	41-60	>=61	Всего
2019					
Друзьями, знакомыми					
Каждый день	62,4	35,3	26,9	15,1	33,8
Несколько раз в неделю	25,1	34,9	34,7	31,4	32,2
Раз в одну-две недели	6,9	18,6	18,7	20,6	16,7
Реже	4,5	10,7	18,4	27,9	15,5
Никогда или не относится	1,1	0,5	1,3	5,0	1,8
Родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	75,6	67,2	53,6	39,3	58,7
Несколько раз в неделю	11,7	17,5	20,6	26,2	19,1
Раз в одну-две недели	6,8	7,1	10,4	14,2	9,6
Реже	4,9	6,9	12,7	16,2	10,3
Никогда или не относится	1,1	1,3	2,7	4,1	2,3
2020					
Друзьями, знакомыми					
Каждый день	55,1	27,8	23,2	11,8	28,6
Несколько раз в неделю	28,2	36,8	34,0	28,2	32,4
Раз в одну-две недели	11,5	20,8	20,4	21,9	19,0
Реже	4,5	13,9	21,1	31,9	18,1
Никогда или не относится	0,7	0,7	1,3	6,1	2,0

Продолжение таблицы 8

Частота общения с...	Возраст, лет				
	<=25	26-40	41-60	>=61	Всего
Родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	74,5	68,0	55,0	38,5	59,0
Несколько раз в неделю	12,3	15,8	19,9	26,2	18,6
Раз в одну-две недели	7,7	7,5	10,9	15,7	10,3
Реже	4,8	8,0	11,8	15,9	10,2
Никогда или не относится	0,7	0,6	2,4	3,7	1,9

Каждый день с родственниками виделись около 59% всех респондентов и около 75% молодежи (вероятно, здесь речь идет о людях, которые проживают вместе). В случае самых пожилых респондентов частота встреч также практически не изменилась. Что касается личных офлайн-встреч с друзьями, то они стали несколько реже, особенно среди молодежи. Если в 2019 г. каждый день виделись с друзьями 62,4% молодых людей, то в 2020 г. таких было 55,1%. Среди людей среднего возраста эта доля опустилась с 35,3 до 27,8%; среди лиц старшего возраста – с 26,9 до 23,2%; среди пожилых – с 15,1 до 11,8%. Напротив, выросла доля тех, кто встречался с друзьями раз в одну-две недели (с 16,7 до 19%) или еще реже (с 15,5 до 18,1%).

Так как частота личного общения с родственниками практически не изменилась, а с друзьями уменьшилась, можно было бы ожидать, что именно последняя будет компенсироваться ростом общения онлайн. Однако частота общения с друзьями по телефону или с помощью интернета практически не изменилась: 38,8% общались каждый день, 34–35% – несколько раз в неделю, 12–13% – раз в одну-две недели (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по Скайп, Ватсап, в социальных сетях с...?», по возрастным группам, вертикальный %

Частота общения с...	Возраст, лет				
	<=25	26-40	41-60	>=61	Всего
2019					
Друзьями, знакомыми					
Каждый день	65,0	45,0	30,7	18,1	38,8
Несколько раз в неделю	24,8	35,1	37,5	33,2	33,5
Раз в одну-две недели	4,7	11,5	14,5	16,5	12,1
Реже	3,8	5,9	11,8	18,4	10,0
Никогда или не относится	1,8	2,5	5,5	13,9	5,6
Родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	70,9	63,2	55,0	44,6	58,3
Несколько раз в неделю	17,3	21,4	24,3	27,8	22,8
Раз в одну-две недели	3,9	5,0	7,7	8,9	6,5
Реже	3,6	5,5	6,5	6,9	5,7
Никогда или не относится	4,3	4,8	6,4	11,8	6,7

Продолжение таблицы 9

Частота общения с...	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
2020					
Друзьями, знакомыми					
Каждый день	67,9	42,4	30,7	18,3	38,8
Несколько раз в неделю	23,5	39,3	38,8	32,7	34,6
Раз в одну-две недели	4,6	11,7	16,2	18,5	13,2
Реже	2,6	4,6	10,6	19,2	9,2
Никогда или не относится	1,5	2,0	3,6	11,2	4,3
Родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	71,5	66,6	59,4	47,9	61,4
Несколько раз в неделю	17,8	22,0	23,3	28,4	22,9
Раз в одну-две недели	4,2	5,1	7,2	8,2	6,2
Реже	3,7	3,5	5,6	6,7	4,9
Никогда или не относится	2,8	2,8	4,5	8,8	4,6

В то же время частота онлайн-общения с родственниками выросла. Если в 2019 г. 58,3% респондентов общались каждый день, а 22,8% — несколько раз в неделю, то в 2020 г. ежедневно общались 61,4% и несколько раз в неделю — 22,9%. Больше всего выросла доля тех, кто общается с родственниками каждый день, среди людей в возрасте 26–60 лет. Возможно, это связано с возросшим беспокойством за близких людей в связи с пандемией.

Обратимся теперь к данным, которые характеризуют то, как пандемия, локдаун и другие ограничения сказались на жизни россиян из разных возрастных групп. В Россию коронавирус пришел в конце февраля, а уже в конце марта 2020 г. был объявлен полуторамесячный всероссийский локдаун, который в ряде регионов продлился дольше (в Москве — почти до середины июня). В это время не работали большинство предприятий и организаций, многие сотрудники перешли на дистанционный режим работы. Запрещалось выходить на улицу, даже на прогулки, за исключением поездок на работу или выхода в магазин.

В наибольшей степени ограничения адресовались людям пожилого возраста. В силу этого или, возможно, в силу нахождения на пенсии ограничения на выход из дома строже всего соблюдали люди старше 60 лет (59,1%). Среди молодежи доля тех, кто строго соблюдал ограничения, составляла 31,2% респондентов — вероятно, в силу того, что школы и вузы перешли на дистанционное обучение. Среди людей среднего и старшего возраста эта доля была ниже — 19,3 и 22,8% соответственно. В каждой возрастной группе от 31 до 48,4% респондентов не очень строго соблюдали ограничительные меры. В то же время совсем не соблюдали ограничения всего 7% респондентов (среди пожилых людей таких было 2%). Около трети людей среднего и старшего среднего возраста эти ограничения совсем не коснулись, они жили и работали как обычно (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Вы соблюдали введенный властями из-за эпидемии коронавируса режим ограничений на выход из дома?», по возрастным группам, вертикальный %

Соблюдение режима ограничений	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Соблюдали строго, практически не выходили из дома	31,2	19,3	22,8	59,1	31,0
Соблюдали не очень строго, часто выходили из дома	48,4	40,5	36,2	31,0	38,7
Совсем не соблюдали	7,8	8,7	7,6	2,9	7,0
Продолжали работать и жить почти как обычно	12,6	31,6	33,4	7,0	23,4

Нужно отметить, что еще во время локдауна многие люди в соцсетях жаловались на отсутствие возможности гулять и общаться, на стресс и плохое самочувствие. Через полгода после локдауна среди негативных его последствий чаще всего респонденты отмечали именно недостаток общения: 40,7% среди молодежи, 34,2% среди людей пожилых и около 23–24% среди людей среднего возраста (табл. 11). Более четверти отмечали чувство тревоги, больше всего пожилые (39,3%) и люди старшего возраста (27%), в меньшей степени те, кому до 40 лет (21–22%).

Таблица 11

Самочувствие респондентов в период ограничений из-за пандемии, по возрастным группам, вертикальный %

Самочувствие в период ограничений	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Ухудшилось в связи с невозможностью прогулок и занятий спортом	13,3	9,7	9,8	21,4	12,8
Было «нечем себя занять» (вообще, конечно, лучше: не было, чем себя занять)	17,7	8,5	7,6	11,1	10,6
Начали или стали больше заниматься самообразованием	30,2	12,6	8,4	7,2	13,7
Больше читали, смотрели фильмы, передачи и т. д.	53,1	32,4	31,8	42,1	38,4
Начали пить или стали пить больше алкоголя	1,1	2,0	3,1	1,2	2,0
Чувствовали недостаток общения	40,7	24,2	23,1	34,2	29,2
Появилось чувство тревоги	21,0	22,4	27,0	39,3	27,1
Появилась депрессия	9,1	7,3	9,2	12,6	9,4
Стали больше общаться с друзьями и родственниками по телефону, интернету	59,1	39,8	34,4	33,6	40,7
Не смогли поехать в отпуск	15,1	18,4	16,5	9,1	15,2

Также из данных таблицы 12 видно, что почти каждый десятый жаловался на депрессию, среди пожилых таких было 12,6%. Более 15% респондентов отметили, что им пришлось отказаться от отпуска, 12,8% — что у них ухудшилось самочувствие в связи с невозможностью прогулок и занятий спортом (среди пожилых 21,4%, среди молодежи — 13,3%). Для молодежи большой проблемой стало то, что не было, чем себя занять. Это отметили 17,7% тех, кому не более 25 лет, но и в старших возрастах эта доля составила около 8%, а среди пожилых — 11,1%.

Положительным моментом можно считать то, что лишь 2% респондентов попытались решить возникшие проблемы при помощи неумеренного потребления алкоголя.

Респонденты старались использовать время локдауна продуктивно: 38,4% стали больше читать, смотреть фильмы и передачи, причем выше всего эта доля была среди молодежи (53,1%). Именно эта возрастная группа больше всего компенсировала недостаток встреч с друзьями и родственниками тем, что они стали больше общаться по телефону и интернету: 59,1% молодых людей отметили эту тенденцию, тогда как в других возрастных группах таких было около трети. Среди молодежи 30% отметили, что стали больше заниматься самообразованием, среди людей среднего возраста самообразованием занимались 12,6%, в других возрастных группах эта доля не превышала 8,4%.

Из-за ограничений на свободное передвижение в начале пандемии среди людей пожилого возраста значительная их часть отметила, что нуждалась в помощи, причем 28,6% пожилых респондентов такую помощь получили, а 2% нет. В остальных возрастных группах помощь получили около 6%; около 1% не смогли ее получить (табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Во время режима ограничений на выход из дома, введенных из-за эпидемии коронавируса, Вы получали помощь от людей, живущих отдельно от Вас?», по возрастным группам, вертикальный %

Получение помощи респондентами	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Нуждались в помощи, но не получали	1,1	1,3	1,7	2,0	1,5
Нуждались и получали	5,2	5,8	6,6	28,6	10,5
Не нуждались в помощи	93,6	92,9	91,7	69,4	87,9

Примерно каждый пятый респондент отметил, что у него есть знакомые, родственники, коллеги, которые нуждаются в помощи, причем выше всего доля таких респондентов была среди людей в возрасте 41–60 лет, то есть, скорее всего, у имеющих пожилых родителей (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «А люди, живущие отдельно от Вас – родственники, друзья, знакомые соседи, коллеги – нуждались в помощи, например в покупке продуктов, лекарств и т. п.?», по возрастным группам, вертикальный %

Необходимость помощи родственникам и знакомым респондентов	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
В помощи не нуждались	84,4	81,3	76,7	83,1	80,7
В помощи нуждались	15,6	18,7	23,3	16,9	19,3

На вопрос, оказывали ли респонденты сами помощь людям, живущим отдельно, почти 70% из них ответили положительно, среди людей 41–60 лет таких было 81,1%, то есть уровень взаимопомощи был очень высок (табл. 14). Конечно, прежде всего это касалось помощи родственникам и, вероятно, знакомым, но многие работали волонтерами и приносили продукты и лекарства незнакомым пожилым людям.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Вы оказывали помощь людям, живущим отдельно от Вас: родственникам, друзьям, соседям, коллегам?», по возрастным группам, вертикальный %

Оказание помощи респондентами	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Оказывали	73,4	74,7	81,1	34,5	69,8
Не оказывали, так как у не было такой возможности	26,6	25,3	18,9	65,5	30,2

В связи с перепрофилированием многих поликлиник и больниц на борьбу с пандемией у некоторых граждан возникали проблемы с получением обычной медицинской помощи. О наличии проблем со здоровьем, не связанных с коронавирусом, в период с марта по июль 2020 г. сообщили 36,3% пожилых респондентов, 15% людей старшего возраста, 8,6% респондентов среднего возраста и 6% молодежи (табл. 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «Были у Вас в период с марта по июль 2020 года какие-либо проблемы со здоровьем, не связанные с новой коронавирусной инфекцией?», по возрастным группам, вертикальный %

Наличие проблем со здоровьем, не связанных с коронавирусом	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Проблем не было	93,7	91,4	85,0	63,7	84,1
Проблемы были	6,3	8,6	15,0	36,3	15,9

При этом среди пожилых респондентов 28% отметили, что они нуждались в лечении или обследовании (в среднем по выборке доля таких людей составила 13,4%), а среди нуждающихся в этой группе лишь 41,1% удалось это обследование или лечение пройти. Остальные отказались сами из-за опасности заразиться коронавирусом (23,8%) или потому, что медучреждения были закрыты (35,1%). Хотя в других возрастных группах соответствующие цифры были намного ниже (смогли получить нужное лечение или обследование 60,3% молодежи, 53,9% людей среднего и 48% старшего возраста); очевидно, что люди с самыми большими проблемами со здоровьем в наибольшей степени ощутили нехватку медицинской помощи (табл. 16–17).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «В период с марта по июль 2020 года Вы нуждались в каком-либо обследовании или лечении в поликлинике или в больнице по поводу заболевания, не связанного с коронавирусной инфекцией?», по возрастным группам, вертикальный %

Необходимость в лечении	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
В лечении не нуждались	93,4	92,1	87,0	72,0	86,6
В лечении нуждались	6,6	7,9	13,0	28,0	13,4

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос: «Удалось ли Вам пройти это обследование или получить необходимое лечение?», по возрастным группам, вертикальный % среди нуждавшихся

Получение медицинской помощи	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Получили	60,3	53,9	48,0	41,1	47,3
Не получили, потому что отказались из-за опасности заразиться коронавирусом	12,8	17,0	16,0	23,8	19,1
Не получили, потому что медицинские учреждения были закрыты или лечили только больных коронавирусом	27,0	29,1	36,0	35,1	33,6

К моменту опроса (осень 2020 г.) коронавирус уже более полугода присутствовал в России, и всего 28,7% опрошенных ответили, что никто из их знакомых и родственников не заболел (табл. 18). Больше всего людей отмечали, что знают тех, кто заболел, в своем населенном пункте (51%), реже – в других городах России (27,3%) и совсем мало – за рубежом (3,4%).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Среди Ваших знакомых или родственников, не живущих вместе с Вами, есть люди, которые переболели подтвержденным коронавирусом? Если да, то где они проживают?», по возрастным группам, вертикальный %

Наличие знакомых и родственников, переболевших коронавирусом	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Да, имею в своем городе/поселке/селе	48,5	56,7	51,6	45,2	51,0
Да, имею в других городах России	27,3	29,3	28,2	23,4	27,3
Да, имею за рубежом	3,1	4,4	3,6	2,3	3,4
Никто из знакомых или родственников не заболел	32,5	24,1	28,4	31,3	28,7

Как свидетельствуют данные таблицы 19, относительно небольшая доля респондентов проходили тестирование на коронавирус или антитела к нему, причем чаще проходили тестирование люди в возрасте 26–60 лет – вероятно, некоторым из них это было нужно по работе. Однократно проходили тестирование 13,6% респондентов младше 25 лет, 14,2% респондентов в возрасте от 26 до 40 лет, 12,9% респондентов 41–60 лет и только 6,8% пожилых респондентов. Многократно тестировались примерно 11–12% респондентов в возрасте от 26 до 60 лет, среди молодежи таких было около 6%, среди пожилых – 4,5%.

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос: «Начиная с февраля 2020 г. Вы проходили тестирование на наличие коронавирусной инфекции или антител к коронавирусу: сдавали мазок из носоглотки, кровь из вены?», по возрастным группам, вертикальный %

Тестирование на наличие коронавируса	Возраст, лет				Всего
	<=25	26–40	41–60	>=61	
Проходили несколько раз	5,9	11,7	11,1	4,5	8,9
Проходили однократно	13,6	14,2	12,9	6,8	12,2
Не проходили ни разу	80,0	73,4	75,5	88,2	78,4
Затруднились ответить	0,5	0,7	0,5	0,4	0,5

Среди тех, кто проходил тестирование, 13,9% респондентов сообщили о положительном результате, то есть эти люди переболели коронавирусом с симптомами или без, поскольку на момент проведения опроса вакцинация была еще недоступна для россиян (табл. 20). Это означает, что среди россиян 14 лет и старше осенью 2020 г. было не более 3% переболевших. У подавляющего большинства населения на тот момент еще не было личного опыта взаимодействия с болезнью, хотя более 70% респондентов знали тех, кто переболел. Опыт или хотя бы информация о сложном течении болезни, как правило, предостерегает человека от пренебрежения мерами безопасности, такими как ношение маски или социальная дистанция.

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «Был ли у Вас хотя бы один раз положительный результат тестирования на коронавирус или обнаружены антитела к коронавирусу?», по возрастным группам, вертикальный % среди проходивших тестирование

Наличие положительного теста на коронавирус	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Нет	86,5	87,0	83,0	76,3	84,2
Да	10,1	12,0	15,1	22,0	13,9
Ожидают результат	2,9	0,9	1,9	1,7	1,7
Затруднились ответить	0,5	0,1	0,0	0,0	0,1

Несмотря на то, что на момент проведения опроса отечественная вакцина от коронавируса только проходила испытания и про нее было мало что известно, 41,5% респондентов заявили, что при появлении вакцины не будут вакцинироваться (среди пожилых людей эта доля составила 45%). Это говорит о стойком предубеждении против вакцинации, особенно среди самой уязвимой группы. Планировали вакцинироваться в любом случае 7,9% респондентов, 35,4% были готовы вакцинироваться, только если будут уверены в безопасности и надежности вакцины, а 13,9% затруднились с ответом. Среди ответивших 1,1% респондентов переболели и считали, что вакцина им не нужна (табл. 21).

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос: «Собираетесь ли Вы пройти вакцинацию от коронавируса, когда она появится?», по возрастным группам, вертикальный %

Намерение пройти вакцинацию	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Собираются в любом случае	7,5	7,6	8,5	7,6	7,9
Только если будут уверены в безопасности и надежности вакцины	32,7	38,5	37,0	31,6	35,4
Не собираются	39,8	40,4	41,1	45,0	41,5
Уже переболели коронавирусом и считают, что вакцинация не нужна	1,0	1,2	1,1	1,1	1,1
Уже вакцинировались	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2
Затруднились ответить	18,6	11,9	12,0	14,6	13,9

Если судить по данным, представленным в таблице 22, к концу 2020 г. россияне не ощущали существенного влияния пандемии и карантинных мер на свое здоровье. Подавляющее большинство опрошенных (87,4% респондентов, а среди молодежи и людей среднего возраста — более 90%) полагали, что их здоровье из-за ограничений, связанных с коронавирусом, не изменилось. Среди пожилых 17,6% респондентов отметили, что их здоровье стало немного хуже, а 4,5% заявили, что оно стало определенно хуже. Ухудшение здоровья отметили 12,3% людей старшего, 6,6% среднего и 6,2% молодого возраста.

Таблица 22

Распределение ответов на вопрос: «Как эпидемия и связанные с ней ограничения отразились на Вашем здоровье?», по возрастным группам, вертикальный %

Здоровье респондента в период эпидемии	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Стало определенно хуже	0,5	1,1	1,9	4,5	1,9
Стало немного хуже	5,7	6,5	10,4	17,6	9,9
Не изменилось	92,3	91,9	87,1	77,3	87,4
Стало немного лучше	1,5	0,5	0,6	0,5	0,7
Стало определенно лучше	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1

Нередко в соцсетях и СМИ раздавались голоса, что совместное сидение дома в четырех стенах настолько ухудшило семейные отношения, что это приводило супругов к разводу. В самом деле, почти 6% опрошенных отметили, что отношения внутри их семьи ухудшились, и лишь 2,5% сообщили, что отношения стали лучше. Однако, как видно из таблицы 23, девять из десяти респондентов ответили, что семейные отношения остались прежними.

Таблица 23

Распределение ответов на вопрос: «Как эпидемия и связанные с ней ограничения отразились на отношениях внутри Вашей семьи?», по возрастным группам, вертикальный %

Влияние эпидемии на семейные отношения	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Стали определенно хуже	0,4	0,2	0,6	0,7	0,5
Стали немного хуже	4,2	6,3	5,4	5,0	5,3
Не изменились	92,0	90,2	91,6	92,9	91,6
Стали немного лучше	3,1	2,8	2,0	1,2	2,3
Стали определенно лучше	0,3	0,5	0,3	0,2	0,3

Наибольший ущерб пандемия нанесла семейному бюджету: 17,9% респондентов отметили, что материальное положение семьи стало немного хуже, а 6,8% сообщили, что оно стало определенно хуже (табл. 24).

При этом в наибольшей степени ухудшение материального положения коснулось людей среднего и старшего возраста (группы 26–40 и 41–60 лет). Пенсионеры, вероятно в силу стабильного, хоть и небольшого дохода, почувствовали это в меньшей степени. Среди людей среднего возраста определенно были те, кто потерял работу или по крайней мере часть заработка в результате локдаунов и простоев или были вынуждены сменить место работы.

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос: «Как эпидемия и связанные с ней ограничения повлияли на нынешнее материальное положение Вашей семьи?», по возрастным группам, вертикальный %

Влияние эпидемии на материальное положение	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Стало определенно хуже	5,4	6,6	9,0	4,5	6,8
Стало немного хуже	17,1	20,6	17,9	15,1	17,9
Не изменилось	74,9	71,2	71,7	79,8	73,9
Стало немного лучше	2,3	1,3	0,9	0,5	1,2
Стало определенно лучше	0,3	0,3	0,4	0,1	0,3

Наконец, приспособились ли россияне к новым условиям, диктуемым пандемией? Лишь 53,6% респондентов отметили, что живут как раньше и для них ничего особенно не изменилось. Как видно из таблицы 25, доля таких ответов выше всего среди трудоспособного населения 26–60 лет. Использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь и чего-то добиться, удалось лишь незначительному числу молодых людей (так ответили 2,3% респондентов младше 25 лет).

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос: «Вы приспособились к изменениям в жизни, которые вызвала эпидемия коронавируса или нет?», по возрастным группам, вертикальный %

Адаптация респондентов в условиях эпидемии	Возраст, лет				
	<=25	26–40	41–60	>=61	Всего
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	2,5	2,7	2,8	5,5	3,3
Очень трудно привыкнуть к изменениям	17,0	16,5	15,8	22,9	17,6
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом я уже приспособился/приспособилась	25,5	23,6	23,8	24,6	24,2
Я живу, как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось	52,7	56,0	56,7	46,4	53,6
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	2,3	1,2	1,0	0,6	1,3

Заметная часть респондентов либо совсем не смогли справиться с новой ситуацией (3,3%), либо им оказалось очень трудно привыкнуть к изменениям (17,6%). Больше всего таких людей было среди пожилых – 5,5 и 22,9% соответственно. Четверть опрошенных признала, что им многое пришлось изменить в своей жизни, но в целом они уже приспособились к новой ситуации. Доля таких людей была примерно одинакова во всех возрастных группах.

Таким образом, следует признать, что наибольший удар пандемия нанесла по пожилым россиянам. Несмотря на сравнительную стабильность материального положения пожилых людей, именно они тяжелее всего переживали те изменения, которые привнесли в повседневную жизнь пандемия и карантинные ограничения.

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.2

HOW DID THE COVID-19 PANDEMIC CHANGE EVERYDAY LIFE IN RUSSIA?

Roshchina Ya. M.

Abstract. By comparing the data of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) for 2019 and 2020, this paper examines the impact that the COVID-19 pandemic and the measures to contain it had on everyday life of the Russian population. In 2020, because of the total and partial lockdowns, the Russians spent considerably more time using their gadgets. More elderly people switched push-button telephone sets for smartphones and started using the Internet. People began doing more things online: paying utility bills, using cloud storage services, watching TV, playing and/or downloading videogames, visiting social networking sites, shopping and studying. Although an ever increasing amount of time respondents spent online did not seem to affect the quality of their social interactions, a considerable number of people reported feelings of isolation, instances of anxiety and depression during the lockdowns. This was especially pronounced among the elderly. About a third of the respondents over 60 needed some kind of non-medical assistance during the lockdowns and most of them reported receiving it. A third of the elderly people also required medical assistance that was not related to the COVID-19 but only 40 percent managed to receive it. Another two thirds either decided not to seek help because of the dangers of getting COVID-19, or failed to receive it since the health system was too overstretched to attend to the needs of non-COVID patients. In general, by the autumn of 2020, there were only three percent of respondents tested positive for COVID-19, however, almost 70 percent had already heard about COVID cases in their community and/or social network. Nonetheless, 41.5 percent of respondents were unwilling to receive COVID-19 vaccines when they are available. All in all, by the end of 2020, most Russians felt that the COVID-19 pandemic hardly affected their health and social relationships, although almost a quarter reported negative impact of the lockdowns on the economic security of their families.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, COVID-19, pandemic, use of the Internet, vaccination, economic security, public health

Рощина Я. М., Харитонова А. А.

МОДЕЛИ ПРОТЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В 2020 ГОДУ

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.3

Аннотация. В работе на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) исследуется отношение россиян к различным мерам защиты от коронавирусной инфекции, а также готовность населения этим мерам следовать. Как свидетельствуют данные RLMS-HSE за 2020 г., до введения в гражданский оборот вакцин против коронавируса подавляющее большинство россиян считало ношение масок, мытье рук и меры социального дистанцирования эффективными способами защиты от инфекции. Высокая оценка эффективности протективных мер не зависела от возраста и образования, но была тесно связана с плохим состоянием здоровья. К сожалению, доля россиян, соблюдавших меры предосторожности, была стабильно ниже доли тех, кто признавал их эффективность; исключением оказалось ношение масок, ставшее обязательным в некоторых регионах России осенью 2020 г. Исследование позволило выделить две группы мер по борьбе с коронавирусом: меры, которые респонденты расценивали как обязательные, и меры, которые считались факультативными. В первой группе оказались: ношение масок, регулярное мытье рук, избегание физического контакта и мест большого скопления людей, а также соблюдение дистанции в общественных местах; во второй группе – самоизоляция, прием витаминов, ношение перчаток, доставка продуктов и их последующая санитарная обработка. В свою очередь, с точки зрения соблюдения тех или иных мер респонденты разделились на группы, придерживающиеся стратегий минимальной, умеренной или максимальной защиты, или стратегии профилактики. Среди россиян, выбравших стратегию минимальной защиты (только ношение маски и мытье рук), чаще встречались мужчины, молодые люди, люди с высокой самооценкой здоровья, занятые, представители рабочих специальностей, жители села, люди с низким уровнем доверия к государственным институтам, лица, демонстрирующие большую склонность к риску и нейротизм (эмоциональную неустойчивость). Сторонники стратегии минимальной защиты чаще высказывали сомнения в том, что когда появится вакцина, они сделают прививку против коронавируса. Правда, и общий уровень гипотетических отказов от вакцинации был достаточно высок (41,8%).

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, пандемия, COVID-19, здоровье, протективное поведение, здравоохранение

Современный мир можно охарактеризовать как быстро развивающую реальность, где каждый день человек сталкивается с ритмом трудовой и личной жизни, детерминированным урбанизацией и дигитализацией общества. Здоровье является для каждого индивида ресурсом, который позволяет нам быть активными участниками своей жизни, однако для его сохранения и поддержания от индивидов требуется прикладывать множество усилий¹. Результатом самосохранительного или протективного (здоровьесберегающего) поведения населения является тот или иной уровень состояния здоровья и продолжительности жизни. Новые социальные условия, которые сложились в результате распространения пандемии COVID-19, заставляют обратить внимание на проблему реализации индивидами протективного поведения. Отметим, что ранее в современной истории не наблюдалось такой ситуации, когда повседневный уклад жизни кардинально менялся, заставляя подстраивать устоявшиеся привычки в соответствии с новой реальностью и приобретать новые привычки для сохранения своего здоровья. Например, в жизни людей появились практики, связанные с защитой от распространения коронавируса. Отметим, что какие-то практики самосохранительного поведения в период пандемии становились повседневными и привычными более быстро, а какие-то менее. Так, по данным проекта коронаФОМ, на начальном этапе карантина и введения мер профилактики для борьбы с коронавирусом индивиды неохотно реализовывали практику ношения маски. Индикатор «не носят маску» опустился с 75% в конце марта до 10% только к концу мая, а далее вышел на плато до конца августа². В то же время на протяжении всего периода наблюдения (с 1 апреля по конец сентября 2020 г.) индикатор «мытьё рук не чаще, чем до эпидемии» колебался от 20 до 40%.

В данном исследовании мы постараемся ответить на вопрос: каким образом люди реализуют модели протективного поведения, какие барьеры и стимулы оказываются на пути для реализации тех или иных практик в условиях пандемии? Чаще всего исследователи пытаются найти взаимосвязь между какими-либо практиками здоровьесбережения и факторами их выбора (характеристиками респондента, которые определяют реализацию определенных моделей самосохранительного поведения). Так, Э. Лоуренс³, К. Хёниг и С. Венз⁴ утверждают, что индивиды, имеющие более высокий уровень образования, чаще реализуют менее рискованное, то есть протективное поведение. Авторы приходят к выводу, что образование влияет на инкорпорирование здоровьесберегающих практик в человеческий капитал через определение характера труда индивида и его будущего дохода. В одной из недавних работ, посвященных событиям пандемии COVID-19, утверждается, что образование влияет на здоровье как на индивидуальном, так и на структурном уровнях. В частности, высшее образование повышает санитарную грамотность и понимание необходимости заботиться о здоровье, что,

¹ Антонова Н. Л., Меренков А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 2. С. 88–100.

² Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2021. 319 с.

³ Lawrence E. M. Why do college graduates behave more healthfully than those who are less educated? // Journal of Health and Social Behavior. 2017. Vol. 58, № 3. P. 291–306.

⁴ Hoenig K., Wenz S. E. Education, health behavior, and working conditions during the pandemic: evidence from a German sample // European Societies. 2020. Vol. 23. P. 275–288.

следовательно, связано с поведением, которое сохраняет здоровье¹. На структурном уровне люди с более высоким уровнем образования, как правило, имеют более благоприятные условия жизни, потому что они работают на хорошо оплачиваемых должностях, с хорошими условиями работы, живут в безопасных, незагрязненных районах и имеют доступ к высококачественной медицинской помощи. Они чаще и внимательнее исполняют предписания, связанные с безопасностью во время пандемии, чем люди с более низким уровнем образования.

Можно утверждать, что реализация каких-либо практик здоровьесберегающего поведения зависит как от внешних факторов (район проживания, наличие культурного опыта переживания подобных кризисных ситуаций обществом), так и от характеристик самого индивида, от его уровня образования, возраста, установок в отношении здоровья. В данной работе под моделью здоровьесберегающего поведения мы будем понимать совокупность установок, мотивов и вытекающих из них практик индивида в отношении сохранения и укрепления собственного здоровья. Под протективным (или здоровьесберегающим) поведением мы понимаем практическую реализацию установок, т. е. действия, направленные на сохранение и улучшение своего физического, психического и социального здоровья в течение всей жизни, а также направленные на увеличение продолжительности жизни.

В настоящем исследовании мы используем базу данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2020 г. В этот год в опросник были добавлены вопросы, связанные с реализацией здоровьесберегающих практик в период пандемии. Мы будем использовать взвешенные индивидуальные данные для респондентов в возрасте 14 лет и старше. В выборке 10 393 человек (взвешенные данные). Из них 54,7% женщин, 6,8% – в возрасте 14–17 лет, 22,3% – в возрасте 18–30 лет, 25,3% – в возрасте 31–45 лет, 25,6% – в возрасте 46–60 лет, 14,5% – в возрасте 61–75 лет и 5,4% – 76 лет и старше. Среди всех опрошенных 26% имеют высшее образование, 54,4% состоят в формальном или неформальном браке, 33,1% проживают в сельской местности.

Так как мы будем говорить о протективном поведении, можно предполагать, что выбор соответствующих практик может зависеть от уровня здоровья. Как показывают данные таблицы 1, самооценка населением уровня своего здоровья существенно зависит от возраста, что ожидаемо.

Таблица 1

Самооценка уровня здоровья, в зависимости от возраста, горизонтальный %, взвешенные данные

Возраст, лет	Самооценка здоровья				
	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее
14–17	0,0	1,4	21,5	71,0	6,1
18–30	0,0	1,0	27,3	66,3	5,4
31–45	0,1	2,7	42,0	53,1	2,0
45–60	0,5	8,0	60,4	30,4	0,8
61–75	1,4	21,3	66,8	10,3	0,3
>=76	5,4	42,1	45,9	6,5	0,2
Всего	0,6	8,4	45,8	42,8	2,4

¹ The causal effect of education on health: what is the role of health behaviors? / G. Brunello, M. Fort, N. Schneeweis, R. Winter-Ebmer // Health Economics. 2016. Vol. 25 (3). P. 314–336; Ross C. E., Wu C. The links between education and health // American Sociological Review. 1995. Vol. 60 (5). P. 719–745.

Как «плохое и очень плохое» свое здоровье оценивали всего 1–1,5% людей в возрасте до 30 лет, но 22,7% – в возрасте 61–75 лет и 47,5% – в возрасте 76 лет и старше. Как показано в таблице 2, с возрастом не только снижается самооценка здоровья, но и растет количество хронических заболеваний.

Таблица 2

Наличие хронических заболеваний, по возрастам, вертикальный %, взвешенные данные

Хроническое заболевание	Возраст, лет						Всего
	14–17	18–30	31–45	45–60	61–75	>=76	
Сердца	3,1	2,4	2,7	9,6	30,1	51,4	11,0
Легких, бронхов	2,7	2,2	4,0	8,0	12,4	12,0	6,2
Печени	0,1	1,2	2,7	8,2	11,4	15,9	5,6
Почек	0,6	3,0	4,2	6,5	11,3	16,2	5,9
Желудочно-кишечного тракта	3,6	7,5	12,1	19,2	26,3	33,4	15,5
Позвоночника	4,3	5,9	11,4	20,9	28,1	30,9	15,6
Эндокринной системы, включая диабет	1,1	1,7	2,7	8,3	20,4	21,0	7,3
Гипертоническая болезнь	1,4	2,6	9,0	31,4	60,6	74,9	23,8
Суставов	1,4	2,0	6,6	21,7	43,1	61,5	17,4
ЛОР-органов	4,6	7,8	6,4	7,6	7,5	9,1	7,2
Неврологические заболевания	3,0	2,4	3,4	6,6	11,3	16,5	5,8
Глаз	9,4	7,0	5,5	11,9	20,8	37,5	11,7
Аллергия	9,9	8,4	7,4	8,2	7,2	7,8	8,0
Варикозное расширение вен	0,2	1,4	4,2	11,3	18,1	21,8	8,1
Кожного покрова	0,8	2,0	2,0	2,0	2,4	3,6	2,1
Онкологические заболевания	0,0	0,3	0,6	1,8	4,8	6,6	1,7
Гинекологические заболевания	0,7	5,0	8,0	13,0	7,9	4,9	8,0
Мочеполовой системы	0,5	0,8	1,3	2,5	7,3	12,5	2,9
Другие	1,3	1,1	1,2	1,2	2,0	1,9	1,3
Инфаркт миокарда	0,0	0,1	0,3	1,8	5,4	10,5	1,9
Повышенное артериальное давление	3,1	6,8	19,9	48,2	72,6	82,1	34,0
Инсульт	0,0	0,0	0,4	1,6	5,4	9,1	1,8
Анемия	1,0	2,1	1,8	1,9	2,4	5,3	2,1
Туберкулез	0,0	0,0	0,4	0,8	0,5	1,6	0,4
Гепатит	0,2	0,3	2,7	5,1	3,8	1,9	2,7
Серьезные нервные расстройства, депрессии (за 12 мес.)	3,4	5,4	6,7	8,8	10,7	14,4	7,7
Хотя бы одно хроническое заболевание	31,2	34,2	44,0	66,3	87,3	92,8	55,6

В 2020 г. респондентам были заданы два вопроса, относящиеся напрямую к здоровьесберегающему поведению: 1) «Существуют разные рекомендации как вести себя, чтобы снизить риск заражения коронавирусом. Вы лично в последние 30 дней использовали следующие меры безопасности: ..?» и 2) «Как Вы считаете, для того, чтобы снизить риск заражения коронавирусом, это эффективная рекомендация?» – с одинаковым перечнем протективных практик. Мы попытаемся сравнить распределения ответов респондентов по каждой практике (табл. 3).

Таблица 3

**Использование и оценка эффективности протективных практик респондентами старше 14 лет,
вертикальный %, взвешенные данные**

Протективные практики	Доля реализующих	Доля считающих практику эффективной
Соблюдение самоизоляции	31,4	77,3
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	27,9	60,1
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	71,9	87,6
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	92,2	88,7
Ношение перчаток в общественных местах	42,6	68,4
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	95,7	96,5
Избегание мест с большим скоплением людей	72,4	90,2
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	66,7	84,5
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	9,9	50,1
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	50,7	70,9

На момент опроса (октябрь 2020 г. – январь 2021 г.) в последние 30 дней оставались дома на самоизоляции 31,4% респондентов, при этом действенной данную практику считали 77,3%. Это связано с тем, что опрос проходил в период второй волны коронавируса, которая проходила без самоизоляции всего населения страны.

Интересными являются результаты ответов респондентов о реализации и эффективности ношения масок в общественных местах. Так, 92,2% респондентов носят маски в общественных местах, но считают эту практику эффективной 88,7%. То есть некоторая, хоть и небольшая часть населения исполняет данную практику, но не считает ее эффективной. Но в целом мы можем сказать, что данная практика является согласованной: восприятие и мнения респондентов согласуются с их действиями. Также согласованной практикой в плане реализации и восприятия как необходимой для реализации является регулярное мытье рук: 95,7% респондентов реализуют данную практику, 96,5% считают ее эффективной.

Практика ношения перчаток реализуется намного меньшей долей респондентов (42,6%), чем доля тех, кто считает ее эффективной (68,4%). Обрабатывают продукты после их покупки половина опрошенных (50,7%), а эффективной эту практику считают 70,9%. Следовательно, некоторые респонденты не практикуют некоторые самосохранительные действия, однако понимают их необходимость.

Схожая картина складывается и вокруг практики избегания мест с большим скоплением людей: 72,4% респондентов пользуются данной практикой, а доля тех, кто считает ее эффективной, составляет 90,2%. Дистанцию в общественных местах соблюдают 66,7%, а считают ее эффективной 84,5% респондентов. Избегали физического контакта с другими людьми (рукопожатий, объятий и т. д.) 71,9% ре-

спондентов, при этом 87,6% считали эту практику эффективной. В данном случае большинство респондентов считают данные практики важными и эффективными и реализуют их.

Если говорить о приеме витаминов и минералов (например, витаминов С и D3, цинка и др.) для профилактики коронавируса, то данную практику реализовывали 27,9% опрошенных. Однако эффективной данную практику считали 60,1% респондентов. Здесь мы также видим разницу в том, что люди делают в реальности и как оценивают то, насколько эти меры необходимы для защиты своего здоровья и здоровья окружающих. Следовательно, часть индивидов по тем или иным причинам не реализуют данную практику.

Отметим, что отличной от всей совокупности практик является практика заказа доставки продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров. Ее реализовывали лишь 9,9% исследуемых нами индивидов, но считали ее эффективной 50,1%. Можно предположить, что эта практика мало распространена в силу особенностей среды, в которой проживает человек, и вследствие ее неиспользования люди могут считать ее неэффективной.

Мнение об эффективности тех или иных протективных практик не очень сильно зависит от возраста респондентов (табл. 4). Тем не менее по некоторым позициям можно заметить, что в более молодых группах ниже доля считающих данные практики эффективными: прежде всего, это соблюдение самоизоляции, избегание физического контакта, отсутствие физического контакта и ношение перчаток. Напротив, среди самых молодых выше доля тех, кто считает эффективной доставку продуктов и других товаров на дом.

Таблица 4

**Оценка эффективности протективных практик, по возрастным группам,
вертикальный %, взвешенные данные**

Протективные практики	Возраст, лет					
	14–17	18–30	31–45	45–60	61–75	>=76
Соблюдение самоизоляции	75,8	74,3	74,4	76,6	84,2	90,7
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	58,3	59,9	60,7	59,6	59,7	63,5
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	83,4	84,7	87,8	87,1	92,3	93,6
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	88,2	87,4	86,8	88,9	91,9	93,6
Ношение перчаток в общественных местах	66,1	67,4	66,4	67,9	73,2	73,7
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	95,2	95,2	96,9	96,5	98,3	97,6
Избегание мест с большим скоплением людей	87,2	87,0	89,9	90,5	94,6	94,9
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	83,3	81,3	83,2	85,2	88,7	90,7
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	53,6	52,3	49,8	47,2	50,6	50,1
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	70,6	70,1	71,0	70,8	72,3	71,5

Можно было бы предположить, что уровень образования влияет на оценку эффективности практик, однако различия оказались также не очень велики (табл. 5), хотя люди с высшим образованием чаще отмечали эффективность таких мер, как прием витаминов и минералов, доставка продуктов и их санитарная обработка, и в меньшей степени – соблюдение дистанции, избегание людных мест и физических контактов.

Таблица 5

Оценка эффективности протективных практик, в зависимости от уровня образования, респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	Уровень образования			
	Среднее общее и ниже	Среднее полное	Среднее профессиональное	Высшее
Соблюдение самоизоляции	76,1	77,2	78,3	77,3
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	57,3	59,4	60,2	62,6
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	83,6	87,9	88,5	89,1
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	87,6	88,7	89,6	88,4
Ношение перчаток в общественных местах	67,4	68,9	69,3	67,5
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	94,9	96,5	96,7	97,6
Избегание мест с большим скоплением людей	88,0	89,2	90,4	92,6
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	82,5	84,0	84,5	86,5
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	50,6	47,9	49,2	52,8
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	68,0	71,2	71,4	72,1

Пожалуй, наибольшие различия проявились между людьми с различным уровнем самооценки здоровья, хотя она отчасти зависит от возраста (табл. 6). Особенно велики различия по оценке самоизоляции. Среди людей с очень плохим здоровьем ее считали эффективной 98,1%, а с очень хорошим – 65,3%. Люди с очень плохим здоровьем также чаще, чем с очень хорошим, считали эффективной доставку товаров, прием витаминов, избегание физических контактов и соблюдение дистанции.

Что касается применения указанных практик, то в целом можно отметить, что людям старшего возраста, особенно от 76 лет и старше, это более свойственно, чем молодежи (табл. 7). Так, за последние 30 дней перед опросом соблюдали самоизоляцию 74,9% людей старше 76 лет, 50% людей в возрасте 61–75 лет и намного меньше в возрасте 18–60 лет (около четверти). Среди подростков 14–17 лет эта доля составила 35,2%. Это, очевидно, связано с введением осенью 2020 г. в ряде регионов дистанционного обучения в школах и ограничений на выход из дома пожилых.

Таблица 6

Оценка эффективности протективных практик, в зависимости от самооценки здоровья,
респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	Самооценка здоровья				
	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее
Соблюдение самоизоляции	98,1	88,5	77,0	75,8	65,3
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	64,2	61,4	60,3	60,0	55,3
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	91,2	90,6	87,5	87,4	81,6
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	91,0	90,0	88,1	89,5	82,5
Ношение перчаток в общественных местах	68,9	71,3	67,7	68,7	66,9
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	94,0	97,7	96,6	96,7	90,2
Избегание мест с большим скоплением людей	92,1	94,2	91,0	89,2	79,1
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	86,8	89,0	84,7	83,9	74,2
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	60,5	48,2	48,2	52,3	49,3
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	74,0	69,6	70,4	71,7	72,1

Таблица 7

Использование протективных практик за последние 30 дней по возрастным группам,
вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	Возраст, лет					
	14–17	18–30	31–45	45–60	61–75	>=76
Соблюдение самоизоляции	35,2	26,6	21,1	24,9	50,0	74,9
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	31,9	28,7	27,0	26,8	26,5	31,9
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	63,8	65,2	70,1	72,2	83,0	86,8
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	90,7	92,7	93,5	92,7	92,4	82,8
Ношение перчаток в общественных местах	32,7	42,3	42,4	43,2	46,1	44,1
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	95,9	95,4	95,8	95,4	96,6	95,9
Избегание мест с большим скоплением людей	65,6	64,1	69,3	73,9	86,0	86,0
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	59,3	60,7	64,5	68,8	76,5	75,4
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	6,8	16,2	13,0	5,2	4,7	8,8
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	41,3	49,9	51,4	51,0	53,3	54,0

Наиболее соблюдаемая всеми группами практика – это мытье рук с мылом (более 95%). Девять из десяти человек во всех группах, за исключением самых старших, носили маски, однако чаще всего такое требование также было введено на региональном уровне. Более низкий показатель данной практики в группе старше 76 лет может быть связан с нечастым выходом из дома из-за соблюдения самоизоляции. Постепенно повышается с возрастом доля тех, кто избегал физического контакта (от 63,8% среди подростков до 86,8% среди пожилых), не посещал места с большим скоплением людей (от 65,6 до 86%), соблюдал дистанцию (от 59,3 до 75,4%). Гораздо реже распространена практика санобработки продуктов. Ее чаще использовали старшие группы: 54% среди пожилых (76 лет и старше) и 41,3% среди самых молодых (14–17 лет). Еще менее популярно ношение перчаток, особенно среди подростков (32,7%). А вот доставка продуктов и других товаров наиболее распространена среди тех, кому от 18 до 30 лет (16,2%), и реже всего встречается в группе 61–75-летних (4,7%).

Различия в поведении между людьми с разным уровнем образования также есть. Прежде всего, это касается пользования доставкой продуктов, приема витаминов и, как ни странно, ношения перчаток (разница в долях между людьми со средним общим и высшим образованием от 1,4 до 2,4 раза). По остальным практикам различия наблюдаются, но не такие сильные (табл. 8). А вот самоизоляцию чаще всего соблюдали люди с неполным средним образованием, однако, скорее всего, речь в данном случае идет о пожилых и подростках.

Таблица 8

Использование протективных практик за последние 30 дней, в зависимости от уровня образования, респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	Уровень образования			
	Среднее общее и ниже	Среднее полное	Среднее профессиональное	Высшее
Соблюдение самоизоляции	34,2	32,1	29,3	30,5
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	23,2	23,0	28,2	36,0
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	64,4	71,9	71,9	77,1
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	87,7	91,4	93,5	94,8
Ношение перчаток в общественных местах	33,7	41,4	45,7	46,5
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	93,0	95,0	96,7	97,4
Избегание мест с большим скоплением людей	68,0	71,2	72,6	76,3
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	60,9	64,8	68,0	71,5
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	6,5	6,9	10,0	15,6
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	42,0	49,2	53,1	56,0

Как и в отношении оценки эффективности практик, больше всего различий между людьми с разным уровнем здоровья (табл. 9). Однако далеко не для каждой из практик можно говорить о линейной связи, как в случае соблюдением самоизоляции. За последние 30 дней самоизоляцию соблюдали 78,5% людей с очень плохим здоровьем и 14,3% с очень хорошим.

Таблица 9

Использование протективных практик за последние 30 дней, в зависимости от самооценки здоровья, респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	Самооценка здоровья				
	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее
Соблюдение самоизоляции	78,5	58,0	30,9	26,7	14,3
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	18,5	31,0	26,7	28,7	28,2
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	72,6	82,4	73,0	69,6	53,7
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	65,1	86,7	93,6	92,5	86,5
Ношение перчаток в общественных местах	18,5	42,0	43,5	42,4	35,3
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	84,8	96,6	95,5	96,4	87,9
Избегание мест с большим скоплением людей	76,2	84,6	77,2	66,2	49,9
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	63,9	73,6	70,6	62,3	47,4
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	11,9	7,3	9,5	10,8	10,3
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	37,1	52,9	53,4	47,8	44,6

Как видно из таблицы 9, люди с плохим здоровьем чаще придерживались некоторых протективных практик, по сравнению с людьми с очень плохим здоровьем (среди них: избегание физического контакта, мытье рук, соблюдение дистанции, санобработка продуктов, ношение перчаток). Ношение маски было наиболее характерно для людей с хорошим и средним здоровьем, а заказ доставки продуктов – с хорошим и очень хорошим или с очень плохим здоровьем.

Для выделения типов представлений людей об эффективности различных протективных практик была реализована модель факторного анализа с вращением методом варимакс, которая позволила выделить два фактора на основе взаимосвязи между признаками, объясняющими 49,8% дисперсии (таблица 10).

Практики оказались связанными с выявленными факторами не на основе способа защиты от заражения, так как все они были направлены на создание физического барьера между вирусом и человеком (маска, перчатки), дезинфекцию (мытьё рук или обработка продуктов) или дистанцирование (самоизоляция, избегание контактов или мест скопления людей, дистанция в общественных местах). В данном же случае первый фактор скорее объединяет наиболее продвигаемые

властями и медиками и наиболее принятые населением практики («основной уровень защиты»), а второй – менее распространенные, связанные с «дополнительной защитой».

Таблица 10

Модель факторного анализа представлений об эффективности протективных мер, с вращением варимакс, факторные нагрузки, без взвешивания

Протективные практики	Ф1	Ф2
Соблюдение самоизоляции	0,363	0,520
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	0,089	0,698
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,663	0,289
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	0,653	0,217
Ношение перчаток в общественных местах	0,379	0,544
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,686	0,010
Избегание мест с большим скоплением людей	0,748	0,174
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,722	0,272
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,073	0,764
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	0,189	0,609

Аналогичная модель факторного анализа была реализована для данных об использовании тех или иных практик за последние 30 дней. На ее основе было выделено три фактора, объясняющих 49,3% дисперсии (табл. 11). Первый фактор связан с дистанцированием от людей, то есть с использованием расстояния, которое вирус не может преодолеть. Второй фактор – это меры, связанные с нейтрализацией вируса (физической или химической). Третий фактор в этой модели аналогичен второму в модели для представлений об эффективности мер, то есть это дополнительные, менее распространенные практики.

Таблица 11

Модель факторного анализа использования защитных практик, с вращением вариамкс, факторные нагрузки, без взвешивания

Протективные практики	Ф1	Ф2	Ф3
Соблюдение самоизоляции	0,547	-0,381	0,354
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	0,125	-0,103	0,698
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,723	0,109	0,171
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	0,125	0,732	0,135
Ношение перчаток в общественных местах	0,240	0,276	0,411
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,206	0,635	0,076
Избегание мест с большим скоплением людей	0,758	0,261	-0,037
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,682	0,359	-0,025
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	-0,182	0,141	0,626
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	0,240	0,260	0,385

Чтобы выявить людей с разным типом протективного поведения, мы реализовали модель кластерного анализа (на выборке без взвешивания) методом К-средних с использованием исходного набора из десяти переменных. Было задано количество финальных кластеров, равное количеству факторов +1, то есть 4 кластера. Кластерные центры представлены в таблице 12.

Таблица 12

Кластерные центры модели кластерного анализа методом К-средних, без взвешивания

Протективные практики	К1	К2	К3	К4
Соблюдение самоизоляции	0,10	0,25	0,24	0,74
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	0,09	0,56	0,00	0,71
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,13	0,89	0,85	0,95
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	0,79	0,89	0,97	1,00
Ношение перчаток в общественных местах	0,23	0,22	0,39	0,87
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,85	0,98	0,99	1,00
Избегание мест с большим скоплением людей	0,11	0,73	0,95	0,97
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,16	0,26	1,00	0,96
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,06	0,11	0,07	0,16
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	0,22	0,56	0,49	0,79
Доля в выборке	0,20	0,19	0,39	0,22

После взвешивания данных (для репрезентативности) доля людей, практикующих те или иные виды протективных мер, в каждом кластере изменилась незначительно (табл. 13).

В зависимости от того, какие именно меры выбирают представители каждого кластера, можно интерпретировать соответствующий тип здоровьесберегающего поведения.

Первый кластер, представляющий 21,3% выборки, придерживается стратегии «минимальной защиты». Хотя среди его представителей 79,1% носили маски в общественных местах, а 84,7% дезинфицировали руки, лишь немногие выбирали также другие способы защиты. Так, 22,8% опрошенных носили перчатки, 22,2% обрабатывали покупки, 14,6% соблюдали дистанцию в общественных местах, 13,3% избегали физического контакта, 9,6% соблюдали самоизоляцию, 8% принимали витамины, 6,9% заказывали доставку товаров. Однако во многих регионах России в период с осени 2020 г. до начала зимы 2021 г. было введено административное требование ношения масок в общественных местах, а кое-где и перчаток, поэтому не удивительно, что даже в этой группе подавляющее большинство придерживалось этих правил. В среднем здесь каждый человек придерживался менее чем трех практик.

Второй кластер (19,1% выборки) отличается от других, а также от среднего значения по выборке, более высокой долей принимающих витамины и минералы (56,7%) и, наоборот, более низкой долей тех, кто соблюдает социальную дистан-

цию (26,1%). При этом поведение представителей данного кластера несколько противоречиво – большинство избегают физического контакта (88%) и людных мест (70%). Среди них несколько ниже доля носящих маску (90%). Мы полагаем, что эти люди в большей степени ориентируются на профилактику или повышение иммунитета. В среднем на одного члена этой группы приходится 5,4 практики. Среди них довольно невысокая доля соблюдающих самоизоляцию (26,6%), почти все моют руки, более половины обрабатывают продукты после покупки.

Таблица 13

**Кластерные центры модели кластерного анализа методом К-средних,
респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные**

Протективные практики	К1	К2	К3	К4	Всего
Соблюдение самоизоляции	9,6	26,6	23,0	72,4	31,3
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	8,0	56,7	0,0	72,5	27,9
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	13,3	88,0	83,9	94,6	71,9
Ношение маски в общественных местах: в транспорте, магазинах и т. п.	79,1	90,4	96,2	99,7	92,2
Ношение перчаток в общественных местах	22,8	22,5	38,9	87,5	42,6
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	84,7	97,9	98,9	99,4	95,8
Избегание мест с большим скоплением людей	11,3	70,0	94,5	96,3	72,4
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	14,6	26,1	100,0	95,7	66,7
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	6,9	11,3	7,0	17,0	9,9
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	22,2	54,7	48,9	78,9	50,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее количество практик	2,7	5,4	5,9	8,1	5,6
Доля в выборке, горизонтальный %	21,3	19,1	38,4	21,1	100,0

Третий кластер (38,4% выборки) выделяется тем, что в нем, в отличие от второго, никто не принимает витамины, но, наоборот, все соблюдают социальную дистанцию в общественных местах. В этой группе почти все носят маски, почти 95% избегают скопления людей, 38,9% носят перчатки, но меньше доля заказывающих доставку товаров. Этот тип поведения можно назвать «физической защитой», его выбирают больше всего людей.

Четвертый кластер (21,1% респондентов) характеризуется, прежде всего, высокой долей людей, соблюдающих самоизоляцию, – 72,4%. Помимо этого, как минимум три четверти его представителей используют и все другие практики, кроме доставки товаров. Но и доставка товаров здесь более популярна, чем в любой другой группе (17%). В среднем каждый представитель этого кластера применяет восемь способов защиты. Таким образом, это стратегия «максимальной защиты».

Посмотрим теперь на основные социально-экономические и демографические характеристики выделенных кластеров (табл. 14 и 15).

Таблица 14

**Основные социально-экономические и демографические характеристики кластеров,
респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные**

Социально-экономические и демографические характеристики респондентов	К1	К2	К3	К4	Всего
Мужской пол	62,6	42,7	46,0	29,1	45,4
В браке	53,2	52,2	58,1	51,4	54,5
Возрастная группа, лет					
14–17	8,7	7,2	5,4	7,0	6,8
18–30	29,1	23,1	19,7	19,6	22,3
31–45	28,2	26,9	25,3	21,2	25,4
45–60	24,1	25,6	27,9	23,0	25,6
61–75	7,3	12,2	16,5	20,1	14,5
>=76	2,4	5,1	5,3	9,1	5,4
Образование					
Неполное среднее образование и ниже	24,0	17,0	17,0	15,6	18,2
Законченное среднее образование	29,4	28,4	32,1	23,0	28,9
Законченное среднее специальное образование	26,2	26,3	27,1	27,7	26,9
Законченное высшее образование и выше	20,3	28,2	23,8	33,7	26,0
Самооценка здоровья					
Очень плохое	0,5	0,7	0,7	0,4	0,6
Плохое	5,2	8,1	7,9	12,9	8,4
Среднее	40,7	41,8	48,8	49,2	45,8
Хорошее	48,8	46,9	41,0	36,2	42,8
Очень хорошее	4,7	2,5	1,6	1,3	2,4
Есть хронические заболевания	48,0	53,0	57,0	64,0	56,0
Не верующий	26,5	17,9	18,9	13,4	19,0
Национальность					
Русские, смешанные русские	84,2	76,6	88,0	83,6	84,1
Украинцы, белорусы, молдаване	0,6	0,5	1,0	1,4	0,9
Народы Северного Кавказа	4,4	14,1	1,0	5,7	5,2
Малые народы Поволжья и Севера	1,4	1,8	3,2	1,9	2,3
Татары, башкиры	1,9	2,2	1,8	2,0	1,9
Прочие европейские народы	2,4	0,7	2,0	1,4	1,7
Прочие не европейские народы	4,9	4,1	3,1	4,1	3,9
Работает	66,0	62,0	60,0	45,0	58,0
Профессиональный статус (среди занятых)					
Законодатели, крупные чиновники, руководители	5,0	5,6	5,0	6,6	5,4
Специалисты высшего уровня квалификации	12,4	20,9	16,0	28,6	18,1
Специалисты среднего уровня квалификации	38,7	44,1	44,4	49,5	43,9
Квалифицированные рабочие	35,7	23,8	26,1	10,3	25,3
Неквалифицированные рабочие	8,1	5,6	8,5	5,0	7,3

Продолжение таблицы 14

Социально-экономические и демографические характеристики респондентов	K1	K2	K3	K4	Всего
Место жительства					
Москва, Санкт-Петербург	11,8	13,1	10,5	14,1	12,0
Областной центр	27,3	31,4	31,4	34,5	31,2
Город	23,2	23,6	24,9	22,3	23,7
ПГТ, село	37,6	32,0	33,2	29,1	33,0
Северный ФО	7,3	3,6	4,5	2,5	4,5
Центральный ФО	17,7	12,7	19,6	21,3	18,2
Приволжский ФО	19,3	14,6	21,6	17,3	18,9
Юг и Кавказ	21,1	29,4	14,7	20,5	20,1
Уральский ФО	7,7	6,6	9,7	8,3	8,4
Сибирский ФО	11,6	13,1	14,5	11,1	12,9
Дальневосточный ФО	3,6	6,8	4,9	5,0	5,0
Уровень доверия					
В отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожным	36,0	33,8	38,1	37,0	36,6
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	43,0	49,6	41,4	41,9	43,5
Большинству людей можно доверять	21,0	16,6	20,4	21,1	19,9

Можно отметить довольно существенную разницу по полу: в группе минимальной защиты 62,6% мужчин, тогда как в группе максимальной защиты – 29,1%. Таким образом, можно предположить, что женщины более склонны к протективному поведению. Средний возраст также значительно различается: чем он выше, тем больше ориентация на использование защитных практик. В первом кластере больше всего молодежи до 30 лет (27,8%), а в четвертом – людей старше 60 лет (29,2%). Существенно выше, чем в среднем по выборке, доля людей с высшим образованием во втором и четвертом кластерах. Вероятно, именно высокий уровень образования позволяет им искать защиту не только путем применения механического или дистанционного барьера, но и с помощью принятия витаминов.

Довольно существенны различия по самооценке здоровья: как плохое и очень плохое его оценивают 5,7% представителей первой группы, 8,8% – второй, 8,6% – третьей и 13,3% – четвертой. Соответственно, доля людей с хорошим и очень хорошим здоровьем падает от 53,5% в первой группе до 37,5% в последней. Это также заметно по доле людей, имеющих хронические заболевания, и по среднему количеству хронических заболеваний в группе (табл. 15). Таким образом, люди с более низким уровнем здоровья в целом более склонны защищать его при помощи разных практик.

Различия в семейном статусе неочевидны, однако несколько выше доля состоящих в браке в третьем кластере. То же касается душевого дохода: он немного больше среднего во второй и четвертой группах. Доля занятых выше среди тех, кто придерживается стратегии минимальной защиты (66%), ниже – среди представителей максимальной защиты (45%). Если иметь в виду только работающих, то в первом кластере несколько выше среднего доля рабочих (43,8% при среднем 32,6%), а в четвертой – управляющих и специалистов (35,2% при среднем 23,5%).

Таблица 15

Средние значения по кластерам некоторых социально-экономических и социально-психологических параметров, респонденты старше 14 лет, взвешенные данные

Параметры	К1	К2	К3	К4	Всего
Возраст, лет	38,59	42,94	45,55	47,16	43,90
Душевой доход, руб.	21 065	22 841	21 170	22 558	21 753
Частота пользования социальными сетями, раз в месяц	18,9	18,6	16,1	16,1	17,2
Количество хронических заболеваний	1,1	1,6	1,6	2,2	1,6
Фактор эффективности 1: основная защита (дистанция, маски, мытье рук, избегание контактов и скопления людей)	-0,82	-0,12	0,31	0,20	-0,04
Фактор эффективности 2: доп. защита (самоизоляция, перчатки, витамины, доставка и обработка товаров)	-0,34	-0,03	-0,13	0,53	-0,01
Средний уровень доверия правительству, Думе, судам, армии и полиции (от 1 до 5), 2018 г.	2,89	3,16	3,02	3,12	3,04
Черты личности					
Открытость опыту	-0,101	0,081	-0,071	0,156	0,000
Сознательность	-0,165	0,044	0,004	0,121	0,000
Экстраверсия	0,018	-0,032	-0,031	0,061	-0,001
Доброжелательность	-0,164	0,012	-0,018	0,181	-0,001
Нейротизм	0,080	0,069	-0,065	-0,033	-0,002
Склонность к риску	0,292	-0,004	-0,056	-0,203	-0,002
Количество зарегистрированных случаев COVID-19 в регионе за семь дней перед опросом, скользящее среднее	1064	1098	987	1077	1044

Довольно очевидна разница по доле людей не религиозных: она выше всего в первом кластере (26,5%) и ниже всего в четвертом (13,4%). Интересны, хотя и труднообъяснимы, национальные различия. Выше, чем в среднем по выборке, в третьей группе доля русских (88%) и малых народов Поволжья и Севера (3,2%), а во второй – народов Северного Кавказа (14,1%).

Среди тех, кто придерживается максимальной защиты, несколько выше доля жителей Москвы и Санкт-Петербурга (14,1%) и областных центров (34,5%), а среди выбравших минимальную защиту – жителей села (37,6%). Это вполне объяснимо, так как в больших городах опасность заражения гораздо выше из-за большого скопления людей. Менее склонны к протективным практикам жители Северного федерального округа, более склонны жители Центрального федерального округа. При этом предполагаемой взаимосвязи с уровнем заболеваемости в регионе на момент опроса, измеренным как скользящее среднее количества случаев заболеваний за 7 дней перед опросом, обнаружить не удалось: самый низкий уровень наблюдался в третьем кластере, а не в первом, а самый высокий – во втором, а не в четвертом.

Довольно существенные различия обнаружились между людьми с разным типом протективного поведения по типу личности. Так, для первой группы характерны низкие открытость, сознательность и доброжелательность; в четвертой

группе, напротив, эти показатели высокие. В первой и второй группах чуть выше нейротизм, в третьей и четвертой – наоборот. Особенно заметно различие по степени склонности к риску: она наибольшая в группе с низким уровнем протективного поведения и наименьшая – в группе с высоким уровнем. Очевидно, что представители третьей и четвертой групп гораздо выше оценивают эффективность основных методов защиты (среднее значение фактора равно 0,31 и 0,2 соответственно), тогда как дополнительную защиту (самоизоляция, витамины, доставка) считают эффективной только в четвертом кластере.

Что касается доверия, то доля тех, кто считает, что в отношениях с людьми надо быть осторожными, самая низкая среди тех, кто стремится быть наиболее защищенными (кластеры 3 и 4). Ответ «большинству людей можно доверять» реже всего выбирали представители второй группы (16,6% при среднем 19,9%), хотя они как раз в меньшей степени соблюдали социальную дистанцию. Что касается среднего уровня доверия государственным институтам (правительству, Думе, судам, армии и полиции), то самое низкое доверие обнаружено у скептиков, в наименьшей степени защищающих себя, а самое высокое – у тех, кто скорее будут пить витамины, чем соблюдать социальную дистанцию.

Наконец, мы можем посмотреть, как люди, принадлежащие к выделенным типам, относились к возможности в будущем сделать прививку от коронавируса (опрос проходил в то время, когда прививка «Спутник V» в России еще проходила клинические испытания).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «Собираетесь ли Вы пройти вакцинацию от коронавируса, когда она появится?», респонденты старше 14 лет, вертикальный %, взвешенные данные

Готовность пройти вакцинацию	К1	К2	К3	К4	Всего
Да, в любом случае	6,7	6,2	8,2	10,4	8,0
Да, только если будут уверены в безопасности и надежности вакцины	27,4	37,6	37,1	40,8	35,9
Нет	52,1	43,1	38,3	36,6	41,8
Уже вакцинировались	0,1	0,2	0,4	0,1	0,2
Затруднились ответить	13,6	12,9	15,9	12,1	14,0

Как видно из таблицы 16, готовы были привиться (безусловно или при условии безопасности и надежности вакцины) 34,1% среди «минималистов», 43,8% среди ориентирующихся на прием витаминов, 45,3% среди соблюдающих социальную дистанцию и 51,2% среди «максималистов». Здесь надо отметить, что в среднем по России очень высок уровень неприятия вакцины (41,8%) и неуверенности в том, как следует поступить (14%).

Подводя итог, можно сделать вывод, что в 2020 г. здоровьесберегающие практики, призванные обеспечить защиту от заражения коронавирусом, стали неотъемлемым элементом повседневной жизни россиян. Респонденты в целом достаточно высоко оценивали эффективность мер, рекомендованных для борьбы с коронавирусом профильными государственными органами, однако высокая оценка эффективности не всегда отражалась на поведении людей. Исследование

показало, что россияне проводили для себя достаточно четкую грань между теми практиками, которые они считали обязательными, и теми, которые казались им факультативными. Кластерный анализ позволил выделить четыре группы респондентов, придерживавшихся разного набора протективных практик. Более склонными к протективному поведению были женщины, пожилые, люди с низкой самооценкой здоровья, люди с более высоким уровнем образования и жители мегаполисов. Менее склонными к протективному поведению оказались мужчины, молодежь, занятые, респонденты, склонные к риску, а также те, кто мало доверяют институтам. К сожалению, общий уровень готовности к защите против коронавируса с помощью вакцинации оказался недостаточно велик.

Список литературы

Антонова Н. Л., Меренков А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 2. С. 88–100.

Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2021. 319 с.

Hoenig K., Wenz S. E. Education, health behavior, and working conditions during the pandemic: evidence from a German sample // European Societies. 2020. Vol. 23. P. 275–288.

Lawrence E. M. Why do college graduates behave more healthfully than those who are less educated? // Journal of Health and Social Behavior. 2017. Vol. 58, № 3. P. 291–306.

Ross C. E., Wu C. The links between education and health // American Sociological Review. 1995. Vol. 60 (5). P. 719–745.

The causal effect of education on health: what is the role of health behaviors? / G. Brunello, M. Fort, N. Schneeweis, R. Winter-Ebmer // Health Economics. 2016. Vol. 25 (3). P. 314–336.

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.3

HEALTH-PROTECTIVE BEHAVIOR IN RUSSIA DURING THE FIRST YEAR OF THE COVID-19 PANDEMIC

Roshchina Ya. M., Kharitonova A. A.

Abstract. In this paper we use “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to investigate attitudes towards and willingness to engage in protective behaviors against COVID-19. As the RLMS-HSE data shows, when Russian coronavirus vaccines were yet to be approved for public use at the end of 2020, an overwhelming majority of the population considered mask-wearing, hand-washing and social distancing to be effective means of protection against COVID-19. An approval rating of these behaviors was reasonably high among all age groups and at all levels of education, however, positive attitudes were most prevalent among people with poor health. Unfortunately, with the exception of mask-wearing, which became mandatory in some regions of Russia in autumn 2020, public behavior did not necessarily match the attitude. There were two distinctive sets of protective behaviors. First

included mask-wearing, hand-washing, avoidance of physical contact and social distancing and was considered mandatory by the general public. Second were perceived as more or less optional; it consisted of self-isolation, taking vitamins, gloves-wearing, online shopping and sanitizing delivered products. Depending on how many and what kind of protective behaviors respondents engaged in, they were split into four groups: three with inclination for either low, moderate or high level of protection and one with a penchant for preventive care such as vitamins. Men, young people, people with high self-assessed health, the employed, skilled and unskilled workers, rural residents, people with low trust in public institutions, and people demonstrating a high propensity for risk and neuroticism (emotional volatility) tended to adhere to the bare minimum of protection (mask-wearing and hand-washing). These people also were more likely to express doubts about getting vaccinated. However, the overall rate of COVID-19 vaccine hesitancy was noticeably high among all Russians (41.8%).

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, COVID-19, pandemic, public health, protective behaviors.

References

Antonova N. L., Merenkov A. V. Kul'tura zdorov'yesberezheniya studencheskoy molodezhi: protivorechiya stanovleniya i razvitiya // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2016. №2. S. 88–100.

Sotsiologiya pandemii. Proyekt koronaFOM / Ruk. avt. koll. A. A. Oslon. M.: Institut Fonda "Obshchestvennoye mneniye", 2021. 319 s.

Hoening K., Wenz S. E. Education, health behavior, and working conditions during the pandemic: evidence from a German sample // European Societies. 2020. Vol. 23. P. 275–288.

Lawrence E. M. Why do college graduates behave more healthfully than those who are less educated? // Journal of Health and Social Behavior. 2017. Vol. 58, № 3. P. 291–306.

Ross C. E., Wu C. The links between education and health // American Sociological Review. 1995. Vol. 60 (5). P. 719–745.

The causal effect of education on health: what is the role of health behaviors? / G. Brunello, M. Fort, N. Schneeweis, R. Winter-Ebmer // Health Economics. 2016. Vol. 25 (3). P. 314–336.

Козырева П. М., Смирнов А. И.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА ПОКОЛЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (ПО ДАННЫМ РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2020 гг.)

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.4

Аннотация. Опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)» (1994–2020 гг.), анализируется динамика представлений российских граждан о возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения в постсоветский период, а также факторы, влияющие на их формирование. Объектом исследования явились граждане в возрасте 14 лет и старше. Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ показывает, что оценки, характеризующие представления россиян относительно возможности взаимодействия поколений, отличаются преобладанием позитивного спектра и достаточно высокой устойчивостью. Примечательно, что молодые россияне в большей мере, чем старшее поколение, настроены на диалог и сотрудничество, но за последние годы уровень межпоколенческой толерантности у пожилых людей вырос. Заметно повышают уверенность в достижимости конструктивного взаимодействия поколений такие показатели, характеризующие социальное самочувствие, как удовлетворенность человека своей жизнью в целом, ощущение счастья, склонность доверять другим людям, отсутствие или ослабление переживания одиночества. Убежденность в возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между молодыми людьми и старшим поколением мало зависит от таких переменных, как состояние в браке, количество и возраст детей. Но в то же время выявлена взаимосвязь между межпоколенческой толерантностью, с одной стороны, и наличием, а также интенсивностью родственных связей — с другой. Влияние процесса развития современных цифровых технологий на взаимоотношения поколений проявляется пока ограниченно и фрагментарно. В обществе наряду с продвинутой «цифровой» молодежью существуют большие группы молодых людей, которые по многим ключевым для данного анализа параметрам мало отличаются от основной части населения.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, взаимодействие, возраст, конфликт, молодежь, поколение, преемственность, сотрудничество

Одной из фундаментальных ценностей, обеспечивающих стабильность, социальную устойчивость и эффективное развитие общества, выступает его сплоченность, предполагающая конструктивное взаимодействие различных социальных групп и институтов, взаимопонимание и равноправное, взаимообогащающее сотрудничество граждан, принадлежащих к разным поколениям. При этом сегодня, когда страна переживает чрезвычайно сложный период, потребность в обеспечении эффективного взаимодействия поколений приобретает еще более неотложный характер.

Во многом это объясняется рядом значимых обстоятельств, обусловленных интенсивным развитием экономических, политических, демографических и иных процессов в постсоветский период, которые вызвали серьезные сдвиги во всех сферах жизни общества. Новые черты приобрела социальная структура общества, коренным образом преобразился уклад повседневной жизни широких слоев населения. Заметно изменились и сами российские граждане, иными стали взаимоотношения между людьми, социальными группами и институтами. Происходящие перемены внесли значительные коррективы не только в социальные представления россиян, но и во многом трансформировали процесс формирования этих представлений, сам механизм эволюции общественного мировоззрения. В этих кардинально изменившихся за последние десятилетия условиях выросли новые поколения россиян. Сегодня огромная часть экономически и политически активного населения России состоит из представителей молодого поколения, чье становление пришлось на постсоветский, характеризующийся чрезвычайно бурными переменами, период. После вступления полтора десятка лет назад в длительную кризисную полосу российское общество столкнулось с новым ростом социальной напряженности, который не обошел стороной взаимоотношения поколений, в том числе отличающиеся значительной интенсивностью и сложностью взаимоотношения между молодежью и людьми старшего возраста.

Несмотря на наличие большого количества исследований по проблемам взаимоотношений поколений, они не только не потеряли своей актуальности, но стали привлекать еще большее внимание ученых, принадлежащих к различным научным направлениям, и широкой общественности. В современном российском обществе, где взаимоотношения поколений приобрели новые особенности, черты и оттенки, формируются чрезвычайно актуальные закономерности и тренды в идентификационных процессах, как никогда ранее требуется их своевременное осознание и объяснение. Понимание причин, особенностей развития и последствий конфликтов, переживаемых в последние годы, все больше и больше убеждает в необходимости поиска эффективных направлений достижения согласия в обществе, путей, на которых взаимопонимание, моральная ответственность являются более высокими ценностями и актуальными ориентирами, чем постоянное и бескомпромиссное противоборство.

Целью данной работы является анализ эволюции представлений россиян о возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между разными поколениями в постсоветский период, а также весомости различных факторов, влияющих на их формирование. При этом особое внимание уделяется анализу динамики возрастных различий. Изучение этих представлений позволяет не только судить о том, что думают респонденты, принадлежащие к разным социальным

группам, по поводу взаимодействия поколений, но и определить устойчивость подобных представлений, а также некоторые особенности восприятия состояния общества, в котором они живут. Речь в данном случае идет о социальных представлениях, которые складываются на основе опыта, информации, обучения, традиционных способов мышления, воспитания и социального общения.

Зависимая переменная представлена ответами респондентов на вопрос о возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения (варианты ответов: «уверены, что возможно», «пожалуй, возможно», «в чем-то возможно, в чем-то нет», «пожалуй, невозможно», «уверены, что невозможно», «затрудняюсь ответить»). Этот вопрос в неизменяющейся формулировке включался в «Вопросник для взрослых» в 1994 г., 1996 г., 1998 г., 2001–2007 гг., 2010 г., 2019–2020 гг. Поскольку наполнение вопросника в разные годы частично менялось, независимые переменные отбирались с учетом возможности сопоставимости результатов исследования. Но это не исключало в случае необходимости включения в анализ некоторых переменных, которые использовались только в одной волне мониторинга. Объектом данного исследования явились россияне в возрасте 14 лет и старше.

Динамика представлений россиян о возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений

Произошедшие за постсоветский период перемены в обществе имеют важное значение с точки зрения эволюции представлений россиян о характере и содержании взаимодействия поколений. Нынешнее их состояние обусловлено как новыми особенностями объективной действительности, так и происходящими под их влиянием определенными сдвигами в восприятии этой действительности людьми, принадлежащими к разным социальным группам и поколениям. Вместе с тем, обращая внимание на серьезность и значимость сдвигов в этой сфере, можно утверждать, что на протяжении всего постсоветского периода представления россиян относительно возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения обладали достаточно высокой устойчивостью. При этом в сознании многих россиян сочеталось сохранение различных, иной раз прямо противоположных точек зрения относительно многих конкретных проблем взаимоотношения поколений.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в течение 1994–2020 гг. свыше половины респондентов оценивали такую возможность в целом позитивно, рассчитывая на взаимовыгодное сотрудничество и преемственность поколений; более трети занимали неопределенную или компромиссную позицию, а остальные, составляющие значительное меньшинство, отрицали любую вероятность конструктивного взаимодействия между молодежью и старшим поколением (табл. 1).

На протяжении всего анализируемого периода доля респондентов, в большей или меньшей степени уверенных в возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения, в пять-семь раз

превышала долю тех, кто отрицал такую возможность. В разные годы наибольшую уверенность в осуществимости такой возможности выражали от 15 до 24%, а полную неуверенность – от 3,5 до 5% респондентов. Сравнение средних оценок показывает, что максимальное значение данного показателя было зафиксировано в 2010 г., а сопоставимые между собой минимальные значения – в 2002–2005 гг.

Таблица 1

**Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества
между молодежью и людьми старшего поколения, 1994–2020 гг.**

Год	Оценка, %			Mean*	Std. Dev.*	N
	Позитивная	Неопределенная	Негативная			
1994	54,6	33,2	12,2	3,61	1,07	8893
1996	53,6	35,6	10,8	3,60	1,02	8016
1998	50,0	39,5	10,5	3,54	1,01	7890
2001	51,1	38,6	10,3	3,58	1,02	7893
2002	49,5	39,1	11,4	3,53	1,02	7877
2003	50,8	37,8	11,4	3,52	1,01	7744
2004	51,1	38,0	10,9	3,53	0,99	7714
2005	49,7	40,4	9,9	3,51	0,95	7254
2006	51,4	38,9	9,7	3,55	0,98	9320
2007	52,7	39,0	8,3	3,58	0,94	9010
2010	56,7	34,8	8,5	3,66	0,98	14300
2019	51,8	41,1	7,1	3,59	0,90	10414
2020	52,7	41,8	5,5	3,63	0,88	10146

*Средние и стандартные отклонения подсчитаны на основе несокращенных ответов с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – «уверены, что невозможно» до 5 – «уверены, что возможно».

К хорошо заметным долгосрочным тенденциям можно отнести достаточно последовательное сокращение доли респондентов с негативной оценкой, т. е. сторонников развития конфронтационного сценария во взаимоотношениях поколений, которое за анализируемый период составило более двух раз – с 12,2% в 1994 г. до 5,5% в 2020 г. В остальном более или менее устойчивые тренды, демонстрирующие сокращение «позитивного» контингента и увеличение «нейтрального», наблюдались только в наиболее драматичные 1990-е гг.

Характерно, что представления мужчин и женщин в отношении достижимости взаимопонимания и сотрудничества между поколениями в целом идентичны. Немного оптимистичнее оценивали эту возможность в 1990-х гг. российские мужчины, но затем оценки выровнялись.

Более четко проявляется зависимость представлений россиян о возможности взаимодействия поколений от места проживания респондентов. Несмотря на то, что городская молодежная среда отличается бóльшим разнообразием и своеобразием молодежных направлений, течений и субкультур, неконформистских по отношению к традиционным ценностям, в сельской местности конфликт поколений ощущается глубже и острее, чем в городах, особенно в самых крупных.

В 2020 г. среди респондентов, проживающих в республиканских, краевых и областных центрах, т. е. в мегаполисах и других наиболее крупных городах России, позитивно оценивали достижимость взаимопонимания и сотрудничества между разными поколениями 57,7%, негативно — только 4,5%, тогда как среди сельчан таких было 47,6 и 6% соответственно. Подобная картина наблюдалась и во все предыдущие годы анализируемого периода. На протяжении всех 1994–2020 гг. значения средней оценки возможности взаимодействия поколений колебались в группе респондентов, проживающих в региональных центрах, — от 3,53 до 3,74; в группе, объединяющей жителей других городов, — от 3,52 до 3,65, тогда как у жителей поселков городского типа — от 3,40 до 3,69, а у сельчан — от 3,44 до 3,59.

При интерпретации подобных данных целесообразно, видимо, исходить из того, что сельский социум представляет собой непростую, консервативную и малоподвижную социальную систему, реализующую одновременно производственные, социокультурные, демографические, рекреационные, пространственно-коммуникационные, культурные, экологические и иные важные функции. На селе очень сильны и прочны социальные связи и поэтому любые сколь-нибудь значимые отклонения от привычных, устоявшихся норм жизни встречаются у основной массы сельского населения определенное сопротивление. По этой причине довольно часто стремление продвинутой сельской молодежи к новым стандартам жизни, образцам поведения наталкивается на свойственные сельскому социуму консерватизм, приверженность традициям, обычаям и стереотипам. С другой стороны, тяжелое экономическое положение на селе, отсутствие развитой и надежной социальной инфраструктуры, нормальных условий для профессиональной, творческой самореализации становятся серьезной причиной того, что село очень часто покидают наиболее способные, решительные и активные представители сельской молодежи. Непрерывный большой отток людей молодого возраста вызывает деформацию отношений между поколениями. Переезд в город удаляет молодых людей от привычного сельского образа жизни, первой семьи и сельского социума в целом, разрушая тем самым поколенческие скрепы и преемственность.

Оценки возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста становятся более оптимистичными по мере повышения уровня образования респондентов. Согласно данным за 2020 г., удельный вес респондентов, позитивно оценивающих такую возможность, последовательно нарастает с 47,1% среди лиц с неполным средним образованием до 59,1% среди тех, кто имеет высшее образование. Средняя самооценка увеличивается с 3,53 до 3,78 соответственно. Более высокой стабильностью отличаются оценки респондентов со средним специальным и высшим образованием, тогда как наиболее изменчивы и подвержены большим колебаниям оценки респондентов с образованием ниже общего среднего.

Дальнейший анализ массива данных по демографическому срезу выявляет четко выраженную зависимость оценок достижимости межпоколенческого взаимодействия от возраста, которая, однако, за рассматриваемый период стала заметно слабее (рис. 1). За 1994–2020 гг. разница между максимальной и минимальной средними оценками сократилась более чем в два с половиной раза. Во всех волнах мониторинга наблюдается нисходящий тренд, но в последние годы его начало сдвинулось вперед на 10 лет. Если раньше он начинался после преодоления

30-летнего рубежа, то сегодня после преодоления 40-летней границы. После этого рубежа частота положительных оценок сокращается, а отрицательных увеличивается по мере повышения возраста респондентов.

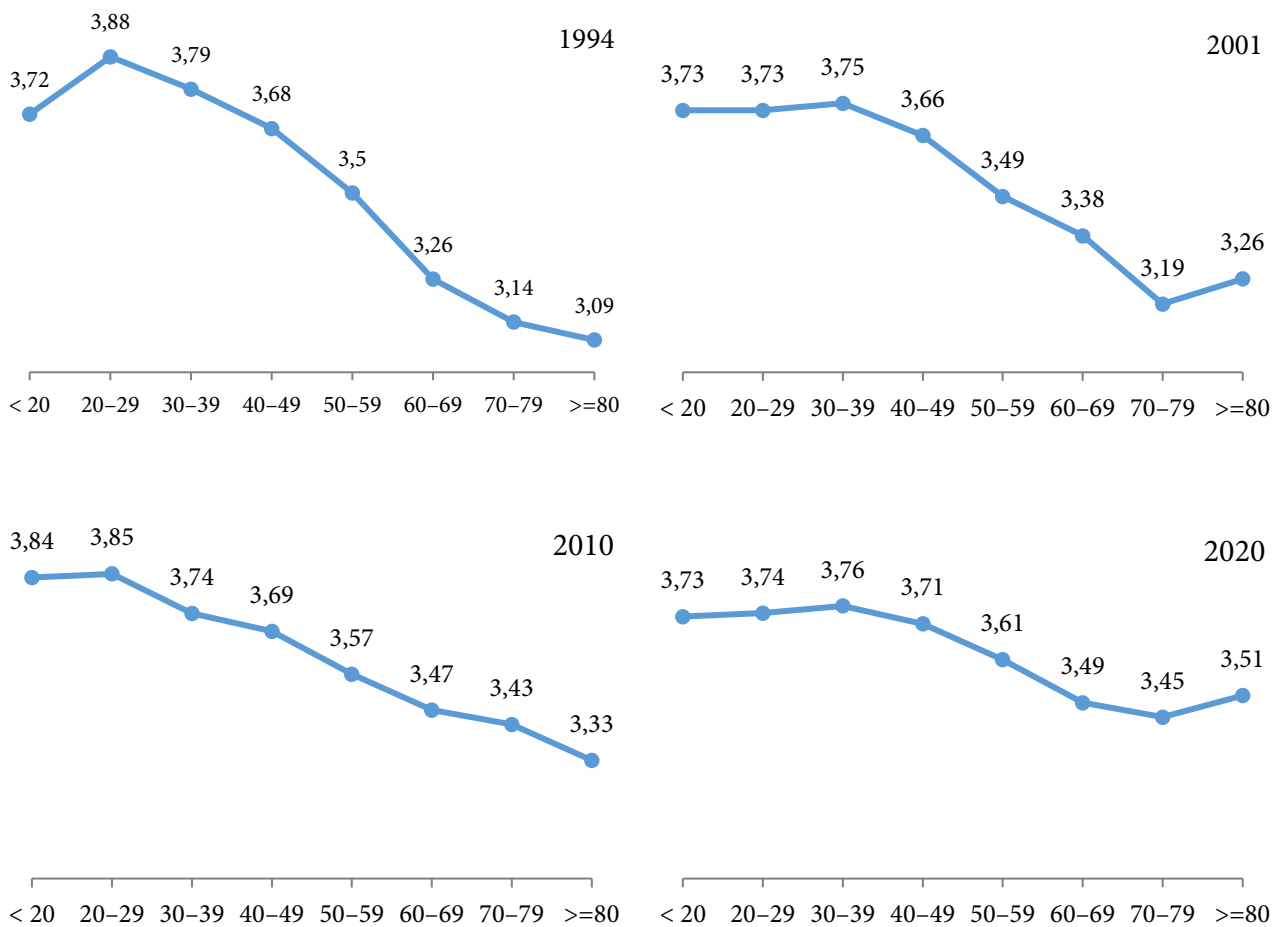


Рис. 1. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста, 1994–2020 гг., средние

Более высокий уровень межпоколенческой толерантности у молодых россиян можно в определенной степени объяснить, как будет показано ниже, очень близкими, доверительными или хорошими отношениями, сложившимися с родителями и другими старшими родственниками, сквозь призму которых они оценивают возможность взаимодействия поколений в целом. Некоторый отскок у 14–19-летних респондентов, который наблюдался в отдельные периоды постсоветских лет, чаще всего оказывается следствием проявления особенностей в развитии молодежного сознания, которые нередко возникают в подростковом и юношеском возрасте не из каких-то сформировавшихся внутренних стимулов, а из механического следования получившим популярность и распространившимся в этой среде мировоззренческим и поведенческим клише. Немалая их часть становятся участниками или сторонниками молодежных сообществ, которые существуют только лишь в подростковом периоде жизни. Для молодых людей в таком возрасте отказ от доминирующих в обществе традиций и обычаев, отрицание прошлого и неверие в авторитеты являются выражением неудовлетворенности «миром взрослых» и желанием заявить о своей исключительности, неповторимости и непохожести на консервативное и зацикленное на своих проблемах старшее поколение.

Вместе с тем из представленных данных следует, что старшее поколение в меньшей мере настроено на сотрудничество и диалог между поколениями. Наиболее толерантными в отношении взаимодействия поколений, чаще выражающими готовность к компромиссам, оказываются пережившие подростковый и ранний юношеский период молодые люди, а наименее толерантными – пожилые граждане в возрасте 60+, у которых накопилось больше всего претензий к молодежи, к их «непонятному», «невразумительному» образу жизни. Извечные обвинения молодежи в падении нравов, отказе от традиций, пренебрежении прошлым становятся еще громче и настойчивее в условиях распространения современных информационных технологий, увеличивающих дистанцию «настороженности» и «непонимания» между поколениями.

Но в то же время нельзя пройти мимо того интересного факта, что за весь анализируемый период уровень межпоколенческой толерантности у людей старшего возраста все же повысился, и довольно существенно. За 1994–2020 гг. среди пожилых респондентов в возрасте 60+ доля лиц с позитивной оценкой увеличилась на 4,6 п.п. – с 39,8 до 44,4%, тогда как доля лиц с негативной оценкой сократилась более чем в 3 раза – с 23,4 до 7,2%. Средняя оценка в этой когорте выросла с 3,21 до 3,48. Позитивную роль в улучшении оценок сыграли стабилизация уровня жизни и повышение внимания к проблемам старшего поколения по мере преодоления трансформационного кризиса, определенная адаптация людей старшего возраста к новой социально-экономической и общественной ситуации. Эти процессы сопровождались некоторым ослаблением в сознании старшего поколения негативных элементов и усилением примирительного настроения.

Отмеченные выше возрастные тенденции достаточно четко проявляются независимо от пола, места проживания и уровня образования респондентов, но в то же время они имеют некоторые особенности, на которые стоит обратить внимание. В частности, выравнивание значений средней оценки у мужчин и женщин в пожилом возрасте происходит главным образом за счет опережающего роста оценок у женщин (рис. 2).

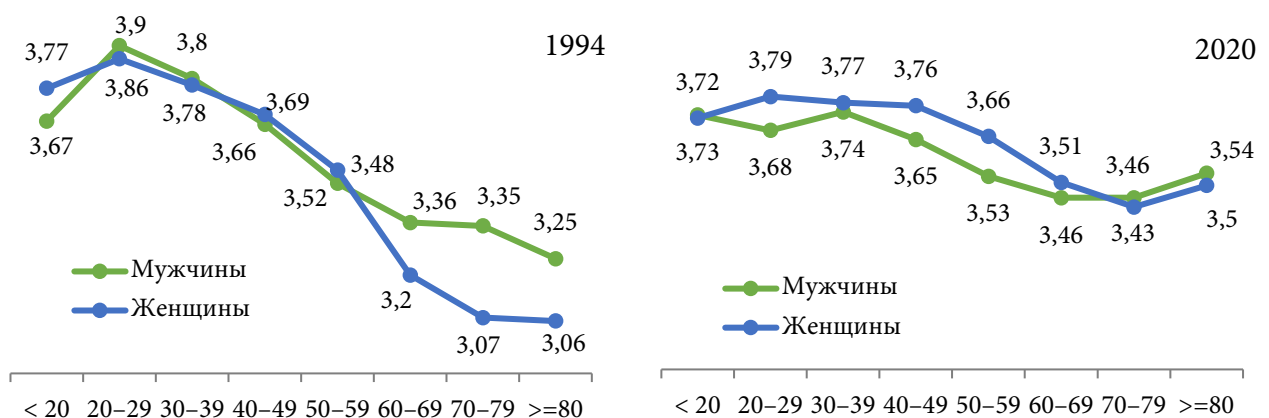


Рис. 2. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у мужчин и женщин, 1994 и 2020 гг., средние

В целом за 1994–2020 гг. средняя оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодыми людьми и старшим поколением выросла у 60–69-летних женщин с 3,2 до 3,51, а у женщин, перешагнувших 70-летний ру-

беж, — с 3,07 до 3,43. У пожилых мужчин эти изменения оказались минимальными. Некоторый рост оценок отмечен также у людей пожилого возраста, проживающих в различных типах населенных пунктов.

По возрастной динамике оценок сельская молодежь мало отличается от городской. (рис. 3). Но в пожилом и среднем возрасте оценки сельчан, характеризующихся более сильной приверженностью традициям, обычаям и стереотипам, оказываются гораздо хуже, чем оценки горожан, и этот разрыв за 1994–2020 гг. только увеличился. При этом в последнее время особенно большие различия наблюдаются между горожанами и сельчанами самого старшего возраста.

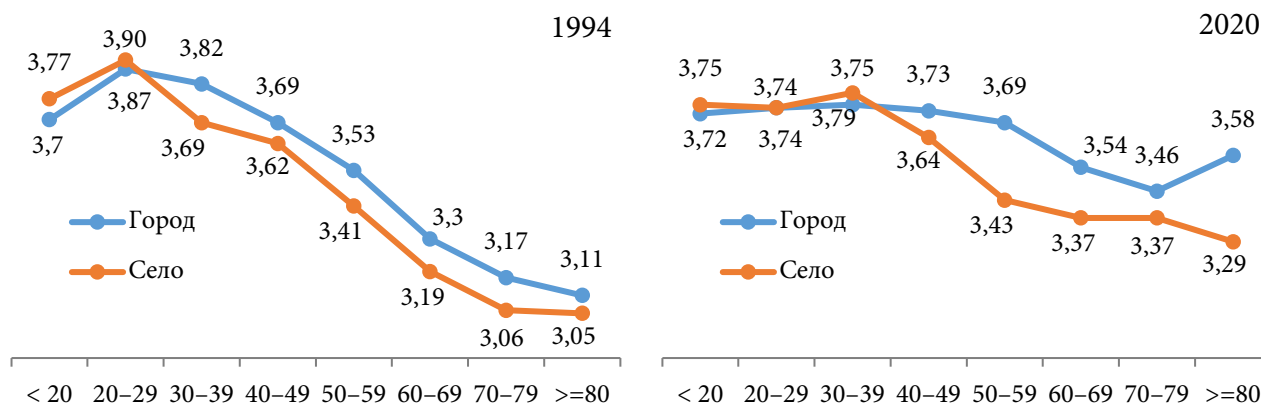


Рис. 3. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у горожан и сельчан, 1994 и 2020 гг., средние

Дальнейший анализ показал, что независимо от возраста у жителей региональных центров уверенность в возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между поколениями выше, чем у жителей других, т. е. менее крупных провинциальных городов. Это хорошо иллюстрируют данные мониторинга, представленные на рисунке 4. Из этих данных также видно, что наибольшее преобладание в данном случае наблюдается в пожилом возрасте, и за прошедшие годы оно существенно увеличилось.

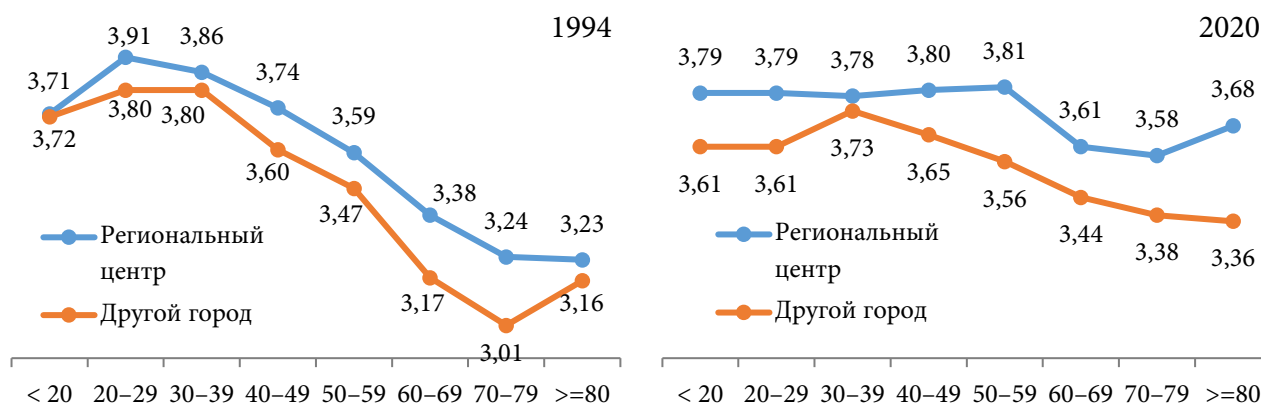


Рис. 4. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у жителей региональных центров и других городов, 1994 и 2020 гг., средние

Анализ влияния возраста на уверенность в возможности взаимодействия поколений в том случае, когда возраст связан с образованием, показывает, что на любом этапе жизненного пути респонденты с высшим образованием лучше оценивают эту возможность, чем респонденты с более низким образованием. Довольно высокая стабильность оценок у наиболее образованных респондентов, которая была заметна на протяжении всего мониторинга, имела место во всех возрастных когортах (рис. 5).

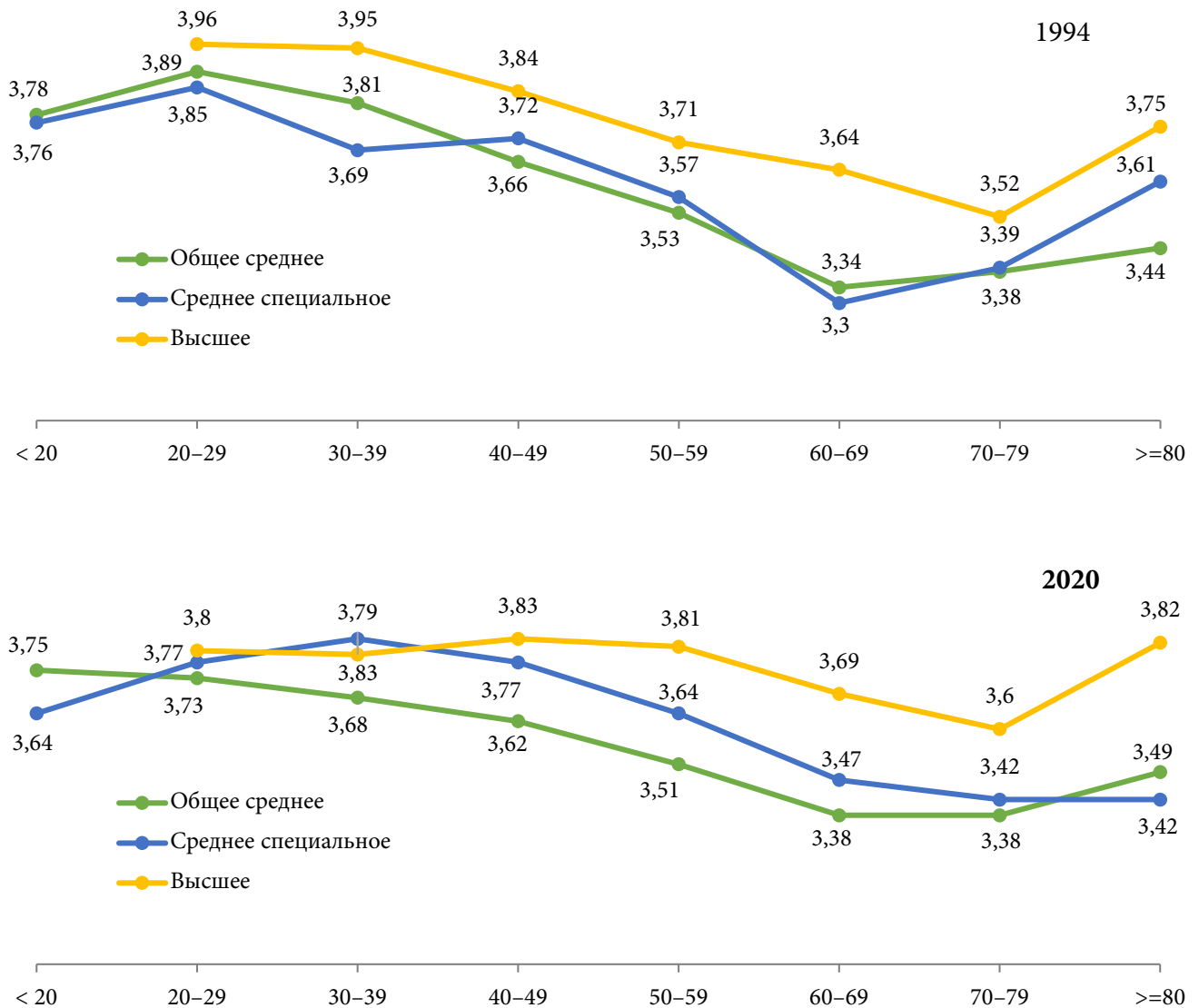


Рис. 5. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у респондентов с общим средним, средним специальным и высшим образованием, 1994 и 2020 гг., средние

Оценки респондентов разного возраста со средним специальным и общим средним образованием во многом были похожи только в 1990-х гг. Однако в дальнейшем респонденты со средним специальным образованием, за исключением лиц самого молодого и самого старшего возраста, стали гораздо лучше оценивать возможности взаимодействия поколений.

Вместе с тем анализ представленных данных не позволяет утверждать, что молодежь лучше оценивает возможность взаимодействия между разными поколениями, потому что она образованнее, чем люди старшего возраста. И возраст, и об-

разование выступают в данном случае, вероятнее всего, как два самостоятельных, мало зависимых друг от друга фактора. Хорошо заметная значимая двухсторонняя, но обратная и не сильная корреляция между возрастом и образованием зафиксирована только у респондентов с негативной оценкой (коэффициент корреляции Спирмена составил $-0,33$ при $p < 0,01$).

К детерминантам, определяющим оценку возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста, относится также тесно связанная с уровнем образования такая характеристика, как профессиональный статус. Анализ показывает, что чем выше профессиональный статус респондентов, тем оптимистичнее они оценивают такую возможность. Так, если среди руководителей и управленцев всех уровней доля лиц с позитивной оценкой достигает $60,6\%$, среди специалистов высшего уровня квалификации – $61,5\%$, то среди работников сферы услуг и торговли – только $48,8\%$, квалифицированных рабочих – $49,5\%$, а среди неквалифицированных рабочих – $45,2\%$. Среди работников разных отраслей наиболее позитивно оценивают возможность конструктивного взаимодействия разных поколений работники образования ($60,4\%$), науки и культуры ($60,7\%$).

Корреляционный анализ выявил хотя и не сильную, но статистически значимую связь оценок возможности взаимодействия поколений с уровнем материального благосостояния респондентов. Причем нередко эта связь проявляется сильнее тогда, когда используются не такие объективные индикаторы материального благосостояния, как доход, а субъективные оценочные показатели. Одним из таких показателей, используемых в РМЭЗ НИУ ВШЭ, является оценка респондентом своей позиции на 9-ступенчатой шкале материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»).

Исследование показало, что более высокое положение на шкале материального благосостояния увеличивает вероятность позитивной оценки возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста. Так, в 2020 г. среди бедных и малообеспеченных респондентов (по их собственным оценкам), занимающих три ступени нижнего уровня на шкале материального благосостояния, позитивно оценивали достижимость взаимопонимания и сотрудничества $44,6\%$, тогда как среди наиболее обеспеченных респондентов, занимающих три ступени верхнего уровня, таких было в полтора раза больше – $68,2\%$ (негативно оценивали $7,9$ и $3,3\%$ соответственно). В определенной степени такие результаты можно объяснить преобладанием среди более обеспеченных респондентов людей в трудоспособном возрасте и с высоким уровнем образования. Так, среди обеспеченных респондентов, занимающих верхний уровень, т. е. три верхние ступени на шкале материального благосостояния, почти в 2 раза больше, чем среди граждан, располагающихся на нижнем уровне, т. е. на трех нижних ступенях, лиц с высшим образованием ($38,8\%$ против $20,8\%$) и почти вдвое меньше тех, кто перешагнул 60-летнюю границу ($22,1\%$ против 39%).

Примечательно, что среди обеспеченных респондентов также намного больше молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет ($20,8\%$ против $12,3\%$). Большинство из них представляют не столько наиболее успешную молодежь, которая уже успела многого добиться в жизни, сколько контингент, пользующийся главным образом

материальными возможностями и другими достижениями своих родителей. Но немало среди них и действительно успешных людей, большую часть которых составляют молодые высокооплачиваемые горожане. Эти молодые люди уже на старте своего профессионального пути зарабатывают намного больше, чем их родители. Среди таких обеспеченных молодых россиян более чем в полтора раза больше, чем среди молодых респондентов, располагающихся на нижнем уровне шкалы материального благосостояния, доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом (73,5% против 46,2%), и почти в 5 раз больше доля в той или иной степени удовлетворенных своим материальным положением (43,3% против 9,2%).

Но в целом у молодых людей выше шансы при прочих равных условиях попасть в низкодоходные слои¹. В молодежной среде, очень остро ощущающей неустроенность жизни, нестабильность своего существования, уже давно широко распространены явления обеспокоенности своим материальным положением, что так или иначе сказывается на их взаимоотношениях с людьми более старшего возраста. Очень важным для молодых россиян является сознание недооцененности собственных трудовых усилий и заслуг, прежде всего – несоответствия заработков трудовому вкладу. Подобные представления присущи молодым людям в не меньшей мере, чем взрослым. Многие молодые люди досадуют по поводу несбывшихся финансовых ожиданий, полагая, что давление обстоятельств, которое они испытывают, существенно сильнее того, с которым сталкивались их родители в свои молодые годы, а также винят более обеспеченное старшее поколение в том, что не могут обеспечить достойный уровень жизни себе и своей семье. Молодежь не устраивают ни низкие темпы улучшения благосостояния, которые были достигнуты их родителями, ни крайне несправедливое распределение ресурсов между поколениями, ни высокий уровень безработицы среди молодых людей, ни отсутствие равных возможностей у граждан разного возраста при трудоустройстве. Сегодня очень многие молодые люди не уверены или не верят, что нынешнее молодое поколение будет жить лучше предыдущего.

Вместе с тем важно отметить, что ситуация на российском рынке труда не остается статичной и имеет свою специфику. Как показывают исследования, в настоящее время пик средних заработков в России приходится на 30-летний возраст². По данным ВНИИ труда, сегодня 30-летние зарабатывают на 10% больше, чем 40-летние, и на 20% больше, чем 50-летние³. Одна из главных причин, которые сказываются на усредненных показателях заработков в разных возрастных группах, – рост числа высокооплачиваемых «молодых профессий». Так, большое количество молодых людей сконцентрировано в диджитал-сфере, и одновременно эта сфера стала за последние годы одной из самых высокооплачиваемых.

¹ Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.]; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

² Гимпельсон В. Е. Возраст, производительность, заработная плата: препринт WP3/2018/07. М.: ИД ВШЭ, 2018. С. 17. URL: https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145005536/WP3_2018_07.pdf. (дата обращения: 25.07.2022).

³ Башкатова А. Зарплатный пик в России наступает в 30 лет // Независимая газета. 04.08.2021.

Оценка возможности взаимодействия поколений и социальное самочувствие

Значительно повышают уверенность в достижимости взаимодействия поколений удовлетворенность респондентов своей жизнью и ощущение счастья, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего существования, полноте и осмысленности жизни, реализации своего человеческого назначения. Исследование выявило наличие значимых, однако не особенно сильных двухсторонних прямых связей между этими переменными, которые очень четко фиксировались на протяжении всех лет мониторинга.

В 2020 г. среди респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью в целом, доля лиц с позитивной оценкой возможности взаимодействия поколений была вдвое выше, чем среди совсем недовольных тем, как складывается их жизнь (71,7% против 32,5%), тогда как соотношение по доле лиц с негативной оценкой было противоположным и еще более значительным (1,9% против 13,2%). Глубину такого различия подчеркивает также разница в значениях средней оценки – 4,13 и 3,20 соответственно. Менее заметной указанная разница была только в 1990-х гг. Причем минимальный разрыв был зафиксирован в крайне тяжелом кризисном 1998 г., когда эти значения составляли 3,78 и 3,37 соответственно.

Связь между анализируемыми переменными с возрастом усиливается, тогда как уровень удовлетворенности россиян своей жизнью снижается. Согласно данным мониторинга за 2020 г., доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, последовательно сокращалась по мере повышения возраста почти в полтора раза – с 65,6% среди 14–19-летних до 45,7% среди опрошенных в возрасте 60+. При этом, как видно из рисунка 6, к 2020 г. и у молодых, и у пожилых людей, в той или иной степени удовлетворенных и не-удовлетворенных своей жизнью в целом, оценки стали расходиться еще больше.

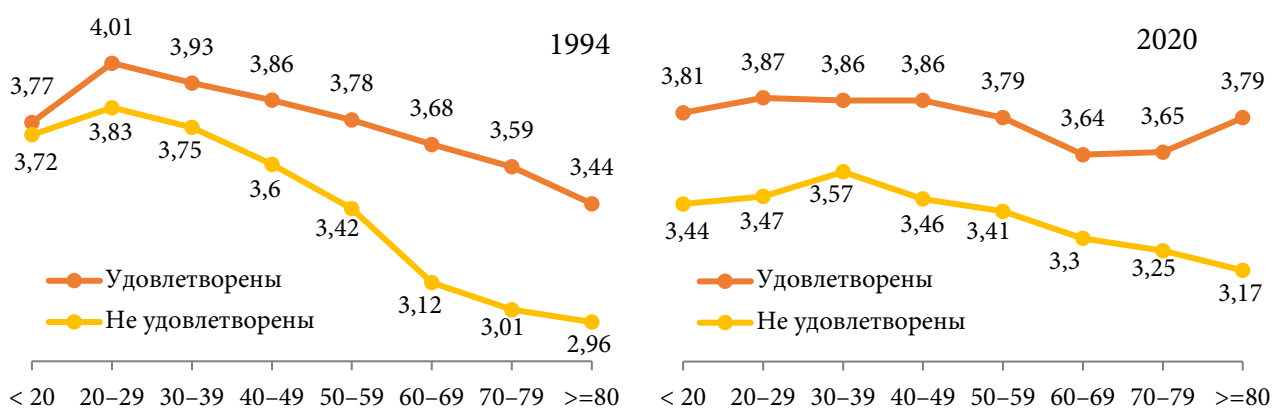


Рис. 6. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у респондентов, удовлетворенных и не удовлетворенных жизнью, 1994 и 2020 гг., средние

Что касается удовлетворенности россиян различными сторонами жизни (из тех, которые позволяют анализировать данные мониторинга), то наиболее влиятельной оказывается удовлетворенность своим материальным положением.

ем. В 2020 г. средние оценки достижимости межпоколенческого взаимодействия у респондентов, полностью удовлетворенных и совсем неудовлетворенных своим материальным положением, составили 4,26 и 3,50 соответственно.

Настоящее исследование подтвердило вывод наших предыдущих изысканий, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ о том, что граждане, склонные с недоверием относиться к другим, незнакомым людям, хуже оценивают вероятность достижения толерантных взаимоотношений между бедными и богатыми, простыми людьми и теми, у кого много власти, молодежью и старшим поколением. Равно как и то, что склонность доверять незнакомым людям позитивно влияет на социальные настроения людей (что показывают не только наши, но и другие исследования¹) и усиливает убежденность в том, что такое взаимодействие в принципе осуществимо (рис. 7).

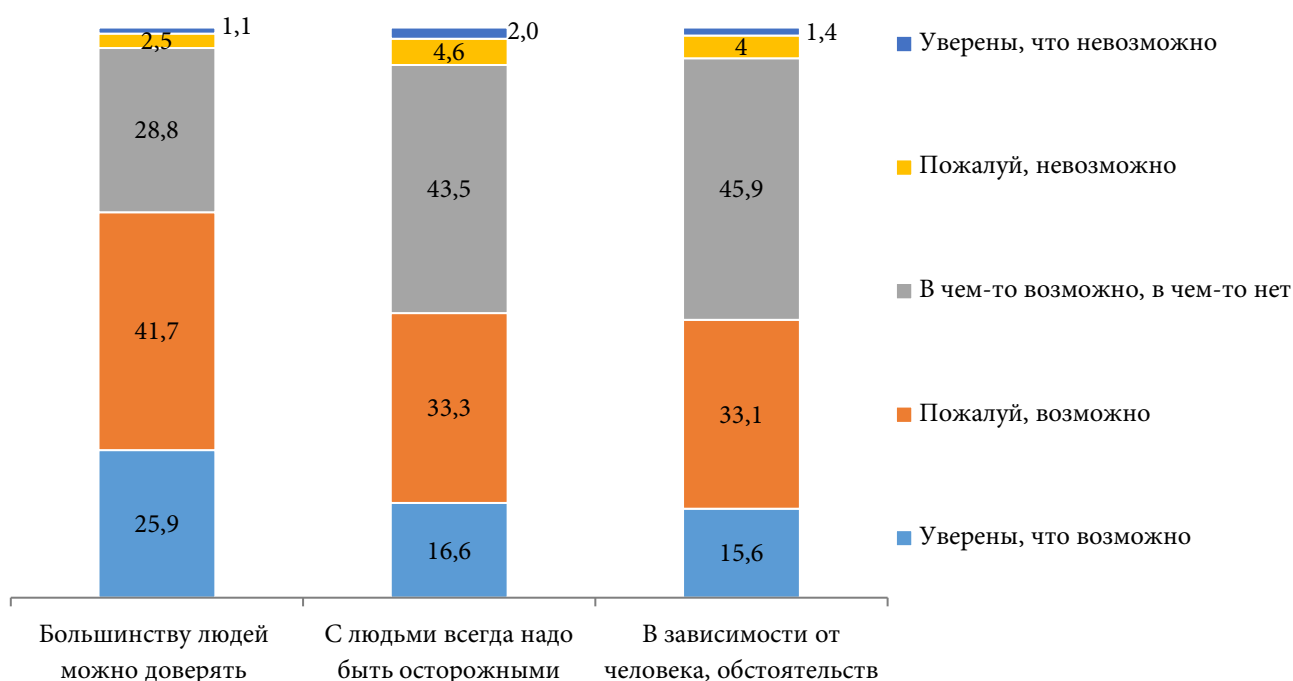


Рис. 7. Взаимосвязь оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями и обобщенного доверия, 2020 г., %

Наличие подобных закономерностей в немалой степени объясняется тем, что доверие и толерантность едины в своей направленности. Доверие, являющееся одним из базовых оснований социального капитала, предполагает высокий уровень ответственности, предсказуемости, честности во взаимоотношениях, т. е. всего того, что безусловно необходимо для толерантности, которая формирует основы устойчивого и предсказуемого социального порядка, возможность добровольного поведения, порождает понимание и добрую волю, которые позволяют гражданам мирно сосуществовать, безболезненно разрешать противоречия и конфликты.

В ходе исследования были выявлены новые позитивные изменения в уровне обобщенного доверия, которые наблюдались в самых разных социально-демографических группах, несмотря на рост кризисных явлений и неопределенно-

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 35.

сти во всех сферах жизни российского общества. Но при этом вызывает тревогу существенное замедление этих позитивных тенденций в самые последние годы. За 2006–2015 гг. доля респондентов, уверенных, что с людьми надо быть всегда осторожными, сократилась с 56 до 40,4%, т. е. в 1,4 раза, тогда как доля лиц, считающих, что к посторонним следует относиться в зависимости от их качеств и конкретных обстоятельств, увеличилась в 1,6 раза – с 26,8 до 42,8%. Однако в дальнейшем эти изменения приостановились, демонстрируя некоторую исчерпанность своего позитивного потенциала в период обострения кризиса. Уровень обобщенного доверия в нынешнем российском обществе остается все еще довольно низким, что является одним из убедительных свидетельств недостаточной готовности большинства граждан к упрочению единства, сплоченности, более широкому и конструктивному взаимодействию внутри сообщества.

Одновременно с ростом уровня обобщенного доверия, что подразумевает повышение уровня честности, ответственности и предсказуемости во взаимоотношениях граждан, увеличилось число россиян, которые ощущают уважение к себе со стороны других людей. Если в 1990-х гг. только около трети респондентов располагались на трех верхних ступенях 9-балльной шкалы уважения, т. е. были в наибольшей степени уверены, что пользуются уважением у других людей, то сегодня таких уже около половины. Этот рост отмечен как у респондентов молодого возраста, так и у тех, кто принадлежит к старшему поколению. В целом среди таких респондентов более чем в полтора раза больше, чем среди располагающихся на трех нижних ступенях шкалы уважения, тех, кто уверен в реальности конструктивного взаимодействия поколений (57,2% против 35,4%), и втрое меньше лиц, убежденных в обратном (6,2% против 17,1%).

К факторам, снижающим оценку возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения, относится чувство одиночества, которое тесно связано с удовлетворенностью жизнью и ощущением счастья. Люди, чувствующие себя одинокими, очень часто рассматривают посторонних не как источник сочувствия и помощи, но как реальную угрозу собственной безопасности и поэтому стараются всегда держать других на безопасном расстоянии. Чувство одиночества, которое человек испытывает на протяжении длительного времени, лишь усиливает его отстраненность от других людей, делает прочнее стремление к самоизоляции, замкнутости, вынуждая еще больше ограничивать личное пространство. Поэтому не случайно у респондентов, испытывающих чувство одиночества, практически всегда намного слабее, чем у тех, кому такое чувство совершенно незнакомо, уверенность в достижимости взаимодействия поколений. В 2020 г. средняя оценка составила 3,15 и 3,76 соответственно.

Возрастная структура одиночества коррелирует с интенсивностью обострения проблемы взаимодействия поколений с возрастом. Усиление взаимосвязи возраста и ощущения одиночества сопровождается ослаблением уверенности в возможности такого взаимодействия. Представляет интерес и тот факт, что уверенность в возможности взаимодействия поколений в большей степени характерна респондентам с высшим образованием, независимо от того, испытывают они чувство одиночества практически всегда или не испытывают его никогда.

Взаимопонимание и сотрудничество поколений: семья и дети

Из данных мониторинга следует, что состоящие в браке лишь немного хуже оценивают возможность взаимодействия поколений, чем не связанные брачными узами. В 2020 г. среди респондентов, никогда не состоявших в браке, позитивно оценили такую возможность 55%, тогда как среди состоящих в первом зарегистрированном браке — 53,3%, во втором зарегистрированном браке — 51,9%. Средние оценки составили 3,72; 3,65 и 3,64 соответственно. Кроме того, довольно низкий уровень уверенности в реальности взаимодействия поколений оказался у разведенных и вдовых (49,6 и 43,9% соответственно), что во многом обусловлено влиянием их более высокого возраста. Средние оценки у них составили 3,57 и 3,47 соответственно.

Независимо от того, состоят респонденты в браке или не состоят, с возрастом средние оценки у них снижаются. Но если у тех, кто состоит в браке, это снижение начинается после достижения 50-летнего возраста, то, у тех, кто не состоит в браке, — на 10 лет раньше. Но при этом представляет интерес и тот факт, что в самой старшей возрастной когорте у состоящих в браке убежденность в реальности достижения взаимопонимания и сотрудничества поколений возрастает, тогда как у тех, кто не состоит в браке, — наоборот, падает. В результате разница между ними по доле респондентов, позитивно оценивающих такую возможность, достигает почти двух раз — 49,2% против 26,7% (средние оценки составили 3,64 и 3,11 соответственно).

Убежденность в достижимости взаимопонимания и сотрудничества поколений выше у респондентов, состоящих в браке с детьми, чем у тех, кто не состоит в браке, но имеет детей (3,65 и 3,53 соответственно). В то же время у респондентов, не имеющих детей, независимо от того, состоят они в браке или не состоят, оценки практически одинаковые (3,71 и 3,70 соответственно).

Из рисунка 8 хорошо видно, что у респондентов, состоящих в браке, и у тех, кто не состоит в браке, независимо от наличия детей, уверенность в возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями с возрастом постепенно ослабевает, но в самых старших возрастных когортах усиливается. Примечательно, что и максимальный, и минимальный показатели принадлежат респондентам, которые не состоят в браке и не имеют детей. При этом самый высокий уровень был зафиксирован у 30–39-летних опрошенных россиян, тогда как самый низкий — у 70–79-летних. Кроме того, в ходе анализа данных мониторинга было выяснено, что практически не сказывается на оценках респондентов влияние такого фактора, как общее количество детей.

Дальнейший анализ показал, что уверенность в возможности взаимодействия поколений больше зависит от характера отношений, которые складываются с родителями, наличия других родственных связей и степени их интенсивности, чем от таких переменных, как состояние в браке, наличие и количество детей.

Исследование показало, что подавляющее большинство россиян считают, что у них сложились очень близкие или хорошие отношения со своими родителями. Об очень близких отношениях со своими матерями сообщили 62%, тогда как о хороших 33,9% респондентов, имеющих этих родителей. В отношении отцов

эти показатели составили соответственно 40,9 и 43,9%. И чем более близкими являются отношения со своими родителями, тем выше уверенность респондентов в возможности конструктивного взаимодействия поколений. Среди молодых людей, у которых сложились очень близкие отношения со своими родителями, удельный вес лиц, уверенных в возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения, достигает внушительных 66%.

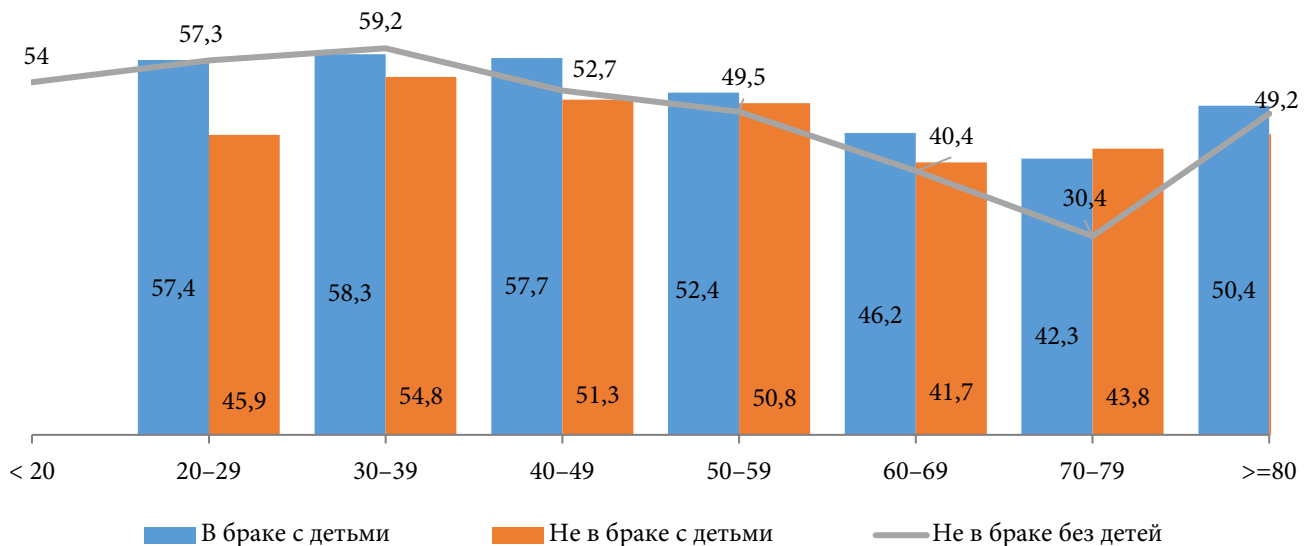


Рис. 8. Доли респондентов, оценивающих возможность взаимопонимания и сотрудничества между поколениями положительно («уверены, что возможно» и «пожалуй, возможно»), среди состоящих и не состоящих в браке с детьми и без детей, в зависимости от возраста, 2020 г., %

Эти данные говорят о том, что большинство россиян так или иначе рассматривают гипотетические возможности взаимодействия поколений сквозь призму конкретных отношений со своими родителями. Но при этом даже среди респондентов, у которых сложились очень близкие, теплые отношения с родителями, немало людей, по тем или иным причинам негативно или неопределенно оценивающих достижимость взаимодействия разных поколений. Многие, например, считают, что такой причиной является старшее поколение, которое становится обузой для молодежи. Согласно данным одного из исследований, подобного мнения придерживаются около четверти взрослых россиян¹. Больше всего таких респондентов оказалось среди представителей старшего поколения в возрасте более 55 лет (41%), тогда как меньше всего – среди 18–34-летних респондентов (17%). Значительным является также сегмент, особенно среди молодежи, который состоит из людей, придерживающихся совершенно разных и даже противоположных, казалось бы – несовместимых, взглядов и ориентаций. Такие люди, сознание которых характеризуется чрезвычайной несогласованностью и конфликтностью, могут восторженно рассказывать о своих замечательных родителях, о том, какие они заботливые и чуткие, и одновременно предъявлять к ним совершенно необоснованные претензии, винить их в своих промахах и неудачах.

¹ «Ромир»/GlobalNR: глобальные данные об отношении к старшему поколению. 12.09.2020. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-globalnye-dannye-ob-otnoshenii-k-starshemu-pokoleniyu> (дата обращения: 22.02.2021).

Родственные связи играют исключительно важную роль в жизни людей. Уже само их наличие свидетельствует о том, что люди добровольно согласны тратить свое время, материальные, психологические и другие ресурсы на поддержание родственных отношений, оказание помощи в случае необходимости. И чем чаще родственники, принадлежащие к разным поколениям, контактируют между собой, тем более тесные связи складываются между ними и тем лучше они оценивают достижимость взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения. Из таблицы 2 видно, что это в равной мере относится как к молодежи, так и к старшему поколению, даже в тех случаях, когда им приходится ухаживать за родственниками, находящимися в трудной ситуации, т. е. когда не они являются главными интересантами. Эта закономерность довольно четко проявляется практически во всех возрастных когортах.

Таблица 2

Взаимосвязь оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями и частоты поколенческой взаимопомощи, 2020 г., % *

Частота	Как часто вы ухаживаете за вашими детьми, внуками?				Как часто вы ухаживаете за пожилыми родственниками или родственниками с физическими или умственными недостатками?			
	Оценка			Среднее	Оценка			Среднее
	Позитивная	Неопределенная	Негативная		Позитивная	Неопределенная	Негативная	
Каждый день	56,6	39,6	3,8	3,73	63,4	33,0	3,6	3,79
Несколько раз в неделю	50,8	44,2	5,0	3,63	62,9	33,6	3,5	3,84
Раз в 1–2 недели	48,0	46,6	5,4	3,56	67,6	29,0	3,4	3,93
Реже	46,5	48,9	4,6	3,54	51,4	43,1	5,5	3,62
Никогда	48,3	43,8	7,9	3,52	50,6	43,8	5,6	3,60

*Средние подсчитаны на основе несокращенных ответов на вопросы с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – «уверены, что невозможно» до 5 – «уверены, что возможно».

Исследование также показало, что оценки достижимости межпоколенческого взаимодействия заметно выше у людей, которые могут общаться с родителями, детьми и другими близкими родственниками (табл. 3). При этом оценки последовательно улучшаются по мере увеличения частоты общения, независимо от того, как общаются родственники: лично, в присутствии общающихся или с помощью таких технических средств, как телефон и интернет (по скайпу, в социальных сетях и т. д.).

Аналогичные тенденции наблюдались также в ходе анализа взаимосвязи оценок возможности межпоколенческого взаимодействия и частоты общения респондентов с друзьями и знакомыми. Причем когда речь идет об общении с помощью технических средств, эта связь оказывается еще теснее. Так, среди респондентов, которые общаются по телефону или с помощью интернета с друзьями и знакомыми каждый день, доля лиц, в большей или меньшей степени убежденных в возможности

эффективного взаимодействия поколений, оказывается более чем в полтора раза больше (57,2% против 37,4%), а доля уверенных в обратном – более чем в три раза меньше (5,1% против 17,7%), чем среди тех, кто лишен такого общения.

Таблица 3

Взаимосвязь оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями и частоты межпоколенческого общения, 2020 г., %*

Частота	Как часто вы общаетесь лично при встрече с родителями, детьми, другими родственниками?				Как часто вы общаетесь по телефону или с помощью интернета с родителями, детьми, другими родственниками?			
	Оценка			Среднее	Оценка			Среднее
	Позитивная	Неопределенная	Негативная		Позитивная	Неопределенная	Негативная	
Каждый день	54,9	40,5	4,6	3,70	53,9	41,7	4,4	3,69
Несколько раз в неделю	52,0	42,9	5,1	3,60	52,6	41,6	5,8	3,63
Раз в 1–2 недели	46,9	46,1	7,0	3,54	47,3	45,1	7,6	3,52
Реже	43,5	48,7	7,8	3,49	43,6	46,2	10,2	3,44
Никогда	36,1	52,1	11,8	3,34	36,1	53,4	10,5	3,33

*Средние подсчитаны на основе несокращенных ответов на вопросы с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – «уверены, что невозможно» до 5 – «уверены, что возможно».

Значительную роль в формировании и развитии нынешнего конфликта поколений в России играет разное содержание современного запроса поколений на перемены в социально-экономической и политической сферах, прервавшего предыдущий многолетний тренд на стабильность, а также углубление разрыва между ними в освоении современных информационных технологий, который усилил противостояние ценностей и жизненных принципов старшего и молодого поколений. Исследователи отмечают, что многие молодые люди живут сегодня в каком-то своем особом мире, который дистанцируется от мира старших поколений. Причем сегодняшняя молодежь живет не просто в другом мире, а в принципиально новом цифровом мире. У них отличные от других поколений интересы, иная коммуникация, иные практики, иная этика. По-видимому, никогда еще технологический разрыв между поколениями не был таким ощутимым, как сегодня¹. По мнению некоторых ученых, в нынешних условиях ценности и жизненные принципы старшего поколения «в подавляющем большинстве утратили свой смысл и практическое значение, и в силу этого не могут быть унаследованы “детьми”, поскольку не пригодны им ни для настоящей, ни для будущей жизни»², что становится источником роста противостояния и агрессии. Отмечается, что сегодня опыт предыдущих поколений не только недостаточен, но нередко даже вреден, поскольку препятствует продвижению смелых и прогрессивных идей и подходов к решению актуальных проблем.

¹ Березовская И. П., Гашкова Е. М., Серкова В. А. «Цифровое» поколение. Перспективы феноменологической дескрипции // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 53–64; Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России – компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

² Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. С. 57.

К этому можно добавить, что молодежь гораздо чаще, чем люди более старшего возраста, идентифицирует себя со своим поколением. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 г., среди 14–19-летних респондентов ощущали близость, единство с людьми своего поколения часто 68,2% и редко – 25,3%. Среди 20–29-летних респондентов таких оказалось 59,4 и 35,2% соответственно. В следующих возрастных когортах снижение частоты ощущения близости с людьми своего поколения продолжилось, достигнув минимального уровня в когорте респондентов, перешагнувших 80-летний рубеж, – 44,4 и 42,5% соответственно.

Но несмотря на все эти различия, с позиций молодежи, как уже было показано выше, разрыв между поколениями не выглядит таким уж непреодолимым, как выглядит с позиций людей старшего возраста. Не молодежь, а пожилые люди чаще отвергают возможность взаимопонимания и сотрудничества между поколениями. Анализ данных репрезентативных всероссийских опросов также показывает, что хотя идентичности и ценности российской молодежи отличают ее от старшего поколения, проблема ценностного раскола между ними в России пока не достигла актуального уровня¹. В связи с этим хотелось бы отметить, что ответы респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ разного возраста на вопрос о том, что их больше всего объединяет с гражданами Российской Федерации, оказались практически идентичными. От 60,1% среди 14–19-летних до 62,1% среди тех, кому больше 80 лет, при ответах на данный вопрос на первое место поставили «общее государство». От 11,2 до 15,3% респондентов, принадлежащих к разным возрастным когортам, в качестве такого объединяющего фактора назвали «историческое прошлое»; от 7,6 до 10,4% – «ответственность за судьбу страны»; от 7,9 до 9,3% – «родную землю, территорию, природу».

Очевидно, что у молодых людей отличные от взрослых потребительские привычки, они чаще пользуются возможностями современных информационных технологий и доверяют им как источнику информации. Но то, что молодежь всегда испытывает потребность в особых, только ей присущих способах и формах коммуникации, своеобразном информационном мире, отличном от мира взрослых, во все не означает, что она отвергает традиционные способы и формы коммуникации.

Влияние на взаимоотношения поколений процесса стремительного развития цифровых технологий, который вторгается прежде всего в повседневную жизнь молодежи, носит пока ограниченный характер. Число молодых людей, которых в полной мере можно отнести к цифровому поколению, еще невелико. Они составляют узкий сегмент наиболее продвинутой городской молодежи, вооруженной инновационной компьютерной техникой и современными гаджетами, легко обучающейся и осваивающей новые технологии, пользующейся онлайн-доставкой, каршерингом и т. п. Постоянное пребывание в специфическом «цифровом мире» и их психологическая незащищенность приводят к тому, что они начинают путать реальный мир с виртуальным, теряют способность к самостоятельности, критическому мышлению. Нужно учитывать и то, что большинство представителей цифрового поколения – это дети обеспеченных родителей, проживающих в мегаполисах и других крупных городах, которые помогают им решать их материальные и многие другие проблемы.

¹ Мареева С. В. Российская молодежь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве // Россия реформирующаяся. Ежегодник – 2013. Вып. 12 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2013. С. 361–380.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2019 г. не выявил у молодых людей каких-либо серьезных зависимостей между оценками достижимости взаимодействия поколений и показателями использования интернет-технологий. Так, оценки тех молодых людей, которые проводят слишком много времени, пользуясь электронными устройствами или не знают, чем им заняться без смартфона, планшета и других устройств, практически не отличаются от оценок других сверстников. Некоторое превышение негативно настроенного контингента встречается только среди тех молодых людей, которые часто не могут оторваться от видеоигр или компьютерных игр (среди 14–19-летних – 8,1% против 5,5%; среди 20–29-летних – 7,4% против 4%). При этом чем больше времени они тратят на такие игры, тем ниже у них оценки возможности межпоколенческого взаимодействия. И еще выше доля убежденных в невозможности взаимодействия поколений среди 14–19-летних молодых людей, которые не выпускают из рук электронные устройства практически весь день (10,2%). Немного чаще, чем у других сверстников, встречаются также негативные оценки у 14–19-летних молодых людей, которые не могут представить себе жизнь без социальных сетей или которым трудно оторваться от социальных сетей (7,8% против 4,7%).

Таким образом, поколенческий разрыв в данном случае проявляется в большей мере на уровне практик. Влияние процесса развития цифровых технологий на взаимоотношения поколений носит пока достаточно ограниченный характер.

Список литературы

Башкатова А. Зарплатный пик в России наступает в 30 лет // Независимая газета. 04.08.2021.

Березовская И. П., Гашкова Е. М., Серкова В. А. «Цифровое» поколение. Перспективы феноменологической дескрипции // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 53–64.

Гимпельсон В. Е. Возраст, производительность, заработная плата: препринт WP3/2018/07. М.: ВШЭ, 2018. С. 17. URL: https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145005536/WP3_2018_07_____.pdf. (дата обращения: 25.07.2022).

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 29–36.

Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 696 с.

Мареева С. В. Российская молодежь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве // Россия реформирующаяся. Ежегодник – 2013. Вып. 12 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2013. С. 361–380.

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.]; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

«Ромир»/GlobalNR: глобальные данные об отношении к старшему поколению. 12.09.2020. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-globalnye-dannye-ob-otnoshenii-k-starshemu-pokoleniyu> (дата обращения: 22.02.2021).

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России – компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.4

SEEKING COMMON GROUND: INTERGENERATIONAL COOPERATION IN POST-SOVIET RUSSIA (AN OVERVIEW ON THE BASES OF RLMS-HSE DATA FOR 1994–2020)

Kozyreva P. M., Smirnov A. I.

Abstract. Intergenerational cooperation, understanding and willingness to tolerate the lifestyles and opinions of people from other generations, is critical to social cohesion. This paper uses the data from “Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE” (RLMS-HSE) for 1994–2020 to examine evolving attitudes about intergenerational cooperation and the factors influencing this evolution in post-soviet Russia. The RLMS-HSE data includes information on Russian citizens aged 14 years and older. As the data shows, positive attitudes towards intergenerational cooperation are widespread and fairly stable over the years. While younger generations are more open to dialog and cooperation in general, the elderly have become increasingly more tolerant towards younger people in recent years. Positive attitudes about intergenerational cooperation are associated with improved social well-being, rising levels of general life-satisfaction, happiness and trust, decreasing risk of social isolation. Marriage status, the number of children and their age has little impact on how strongly people believe that mutual understanding and cooperation between young people and older generations is an achievable goal. Nonetheless, strong family ties are associated with an increased tolerance towards other generations. The development of digital technologies has had little effect on intergenerational cooperation so far. Surprisingly, not all young Russians can be characterized as “digital natives”. There are sizeable groups of young people who differ slightly from older generations when it comes to their relationship with digital technologies.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, generation, age, intergenerational cooperation, intergenerational conflict, youth, intergenerational continuity

References

- Bashkatova A.* Zarplatnyj pik v Rossii nastupaet v 30 let // *Nezavisimaya gazeta*. 04.08.2021.
- Berezovskaya I. P., Gashkova E. M., Serkova V. A.* “Cifrovoe” pokolenie. Perspektivy fenomenologicheskoy deskripcii // *Rossija v global’no mire*. 2015. № 7 (30). S. 53–64.
- Gimpel’son V. E.* Vozrast, proizvoditel’nost’, zarabotnaya plata: preprint WP3/2018/07. M.: ID VSHE, 2018. URL: https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145005536/WP3_2018_07.pdf. (data obrashcheniya: 25.07.2022).
- Zubok Yu. A., Chuprov V. I.* Doverie v samoregulyacii social’nyh vzaimodejstvij molodezhi v izmenyayushchejsya social’noj real’nosti // *Problemy razvitiya territorii*. 2016. № 5. S. 29–36.
- Ilyinsky I. M.* Molodezh’ i molodezhnaja politika. M.: Golos, 2001. 696 s.
- Mareeva S. V.* Rossijskaja molodezh’ identichnosti, cennosti i predstavlenija ob optimal’nom obshhestvennom ustrojstve // *Rossija reformirujushhajasja*. *Ezhegodnik – 2013*. Vyp. 12 / Otv. red. M. K. Gorshkov. M.: Novyj hronograf, 2013. S. 361–380.
- Model’ dohodnoj stratifikacii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya / N. E. Tihonova, YU. P. Lezhnina, S. V. Mareeva [i dr.]; pod red. N. E. Tihonovoj. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 368 s.
- «Romir»/GlobalNR: global’nye dannye ob otnoshenii k starshemu pokoleniju. 12.09.2020. URL: <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-globalnye-dannye-ob-otnoshenii-k-starshemu-pokoleniyu> (data obrashcheniya: 22.02.2021).
- Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A.* Cifrovoe pokolenie Rossii – kompetentnost’ i bezopasnost’. M.: Smysl, 2017. 375 s.

Кондратенко В. А.

СТРУКТУРА И ТИПЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ И ИХ РОДИТЕЛЯМИ В 2006–2019 ГГ.^{1, 2}

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.5

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2006–2019 гг. нами были рассмотрены основные тенденции потребления алкоголя молодежью 14–17 и 18–22 лет. Было выявлено, что с годами все меньшая доля молодежи потребляет алкоголь и, как правило, делает это нерегулярно. Поэтому для оценки доли пьющей молодежи в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ необходимо использовать ответ на вопрос: «Потребляете ли вы алкоголь, хотя бы иногда?». На основе данных за 2012–2019 гг. мы выделили четыре типа потребления алкогольных напитков молодежью: «только пиво», «водка, пиво и другие напитки», «коньяк/виски/ликер, пиво и другие напитки», «вино и пиво». Главное отличие этой типологии от типов потребления алкоголя, которые можно выделить для всех пьющих россиян, состоит в наличии пива во всех типах, а также доминирование типов, которые включают несколько напитков. Кроме того, в данной работе мы рассматриваем взаимосвязь между практиками потребления алкоголя детьми и их родителями. В подавляющем большинстве семей, где проживают молодые люди от 14 до 22 лет, родители употребляют алкоголь. Однако на склонность молодежи к употреблению алкоголя или воздержанию скорее влияет не сам факт потребления, а объемы употребляемого родителями алкоголя. Дети из семей, где для обоих родителей характерно неумеренное потребление, в среднем более склонны к употреблению алкоголя. В случае с подростками от 14 до 17 лет неумеренное потребление алкоголя матерью оказывает более существенное влияние, чем неумеренное потребление отца. Также на уровень потребления алкоголя молодежью оказывает влияние отсутствие одного из родителей в домохозяйстве. Заметно повышает склонность молодежи к потреблению алкоголя отсутствие в домохозяйстве отца в сочетании с неумеренным потреблением алкоголя матерью.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, алкоголь, потребление алкоголя, молодежь, семья, потребление алкоголя в семье

¹ В работе использованы результаты проекта «Проблема выбора на современных потребительских рынках», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

² Автор выражает благодарность Я. М. Рощиной (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) за ее комментарии к предыдущим версиям данной статьи.

За последние десятилетия произошли довольно существенные изменения в потреблении алкоголя россиянами. Во-первых, доля людей, потребляющих алкоголь, с каждым годом все больше снижается, а доля населения, относящего себя к трезвенникам, наоборот, увеличивается¹. Во-вторых, исследователи отмечают изменения и в структуре потребления алкоголя россиянами — в тех напитках, которые они выбирают для себя в повседневной жизни. Это подтверждает наличие перехода в нашей стране от северной модели потребления алкоголя (редкое потребление крепкого алкоголя в больших количествах) к новой, близкой к южной (частое потребление менее крепкого алкоголя в умеренных количествах), что соответствует общемировым трендам².

Примерно с 2007 г. изменяются практики потребления алкоголя россиянами, и во многом это происходит за счет молодых людей³, что совпадает с результатами исследований в развитых странах⁴. В целом эта возрастная подгруппа значительно отличается по своим потребительским практикам от других: ее представители не только меньше пьют, но и больше занимаются спортом, разделяют более позитивные настроения относительно своего будущего и жизни в целом⁵. Изменения в потреблении алкоголя молодежью наблюдаются не только в объеме, но и в тех видах напитков, которые они пьют: молодые люди переходят от крепких спиртных напитков к более легким⁶.

Произошедшие изменения во многом объясняются ужесточением мер по регулированию потребления алкоголя, которые начали применяться с 2000-х гг. Например, в 2006 г. были созданы системы контроля ЕГАИС (Единая государственная автоматизированная информационная система учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции), введены акцизные марки, в 2009 г. была разработана антиалкогольная политика до 2020 г. с целью снижения вдвое потребления алкоголя⁷. Отмечаются и значимые изменения на социальном уровне, которые могут влиять на данные тренды: увеличение роли

¹ Рощина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Т. 2. С. 238–257; Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age–period–cohort modelling of alcohol use prevalence 1994–2016 // *Addiction*. 2019. Vol. 114, № 5. P. 823–835.

² Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries / S. Popova, J. Rehm, J. Patra, W. Zatonski // *Alcohol & alcoholism*. 2007. Vol. 42, № 5. P. 465–473.

³ Radaev V., Roshchina Y. Decline in alcohol consumption in Russia: Collectivity or polarisation? // *Drug and Alcohol Review*. 2021. Vol. 40, № 3. P. 481–488.

⁴ Decreases in adolescent weekly alcohol use in Europe and North America: evidence from 28 countries from 2002 to 2010 / M. D. Looze, Q. Raaijmakers, T. T. Bogt [et al.] // *The European Journal of Public Health*. 2015. Vol. 25, № 2. P. 69–72.

⁵ Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63; Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60; Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? // *Alcohol and Alcoholism*. 2020. Vol. 55, № 3. P. 323–335.

⁶ Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less...

⁷ Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11, № 5. С. 92–117.

медиа, СМИ и интернета в социализации подростков¹, изменения в структуре российских семей в целом². По данным российской статистики, сегодняшняя молодежь дольше проживает в домохозяйстве с родителями, откладывая период «вылета из гнезда»³. Именно родители выступают для детей первичными агентами алкогольной социализации и формируют их нормы потребления алкоголя, которые во многом определяют практики потребления алкоголя детей в более зрелом возрасте⁴. В связи с этим роль родителей в формировании алкогольных привычек молодежи вызывает новый исследовательский интерес. В данной работе мы рассмотрим, во-первых, как изменились за последние десятилетия практики потребления алкоголя молодежью в целом. Во-вторых, мы осуществим первые шаги по изучению того, как связаны между собой практики потребления алкоголя детьми и их родителями.

Данная работа выполнена на основе базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Мы будем рассматривать период 2006–2019 гг., так как начиная с 2006 г. имеются данные об абстиненции и стало возможным рассчитать объем потребления алкоголя. Объектом исследования является молодежь, поэтому важно описать критерии ограничения возраста. В России в 2020 г. приняли правку, увеличивающую верхнюю границу возраста молодежи, теперь к ней относят жителей страны 14–35 лет⁵. При изучении потребления алкоголя в качестве нижней границы в России обычно выбирают возраст 14–16 лет, однако в данной работе мы планируем установить другие границы ввиду обозначенной темы. Мы будем рассматривать возрастную группу от 14 до 22 лет, учитывая, что мы имеем данные о потреблении алкоголя с 14 лет и что примерно до 22 лет многие молодые люди еще проживают с родителями. Мы будем отдельно рассматривать возрастные подгруппы 14–17 и 18–22-летних, так как с 18 лет в России есть возможность покупать алкоголь официально, а также эмпирические исследования подтверждают разное влияние родителей на потребление алкоголя детьми младших и старших возрастов⁶. Суммарно выборка молодежи за все изучаемые годы составляет 27 638 человек. Нами также используются присоединенные по идентификатору домохозяйства РМЭЗ НИУ ВШЭ данные о потреблении алкоголя родителями молодежи, если таковые имеются.

¹ Поплавская А. А. Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психолога // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 3. С. 84–100. — Рец. на кн.: Твенге Д. Поколение I. Почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / Пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.

² Миронова А. А., Прокофьева Л. М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 103–121.

³ Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население о роли семьи и общества в поддержке детей и престарелых: тенденции последних лет // Народонаселение. 2012. Т. 3, № 57. С. 95–104; Прокофьева Л. М. Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение. 2013. Т. 2. С. 72–84.

⁴ Гордеева С. С. Роль семьи в формировании установки на потребление алкоголя у подростков // Дискуссия. 2015. Т. 6, № 58. С. 83–87.

⁵ Постановление от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в российской федерации» // КонсультантПлюс [сайт]. URL: [consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2138#05520200943297298](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2138#05520200943297298) (дата обращения: 20.03.2022).

⁶ Bryant L., MacKintosh A. M., Bauld L. An exploration of the impact of non-dependent parental drinking on children // Alcohol and alcoholism. 2020. Vol. 55, № 1. P. 121–127.

Особенности потребления алкоголя молодежью

В статье «Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994–2018 гг.», которая была представлена нами в 11-м выпуске «Вестника РМЭЗ НИУ ВШЭ», мы рассматривали динамику потребления алкоголя всеми пьющими россиянами старше 16 лет. Нами было выявлено, что с 2000-х гг. в России растет доля людей, которые не потребляют алкоголь и относят себя к трезвенникам: их доля изменилась с 23,7% в 2006 г. до 38,8% в 2018 г. среди всего населения, причем положительная динамика наблюдалась как среди женщин, так и среди мужчин¹. Наибольший вклад в данную тенденцию внесла молодежь: в возрастной группе до 25 лет доля трезвенников увеличилась с 25,4 до 55% в период с 2006 по 2018 г. (прирост в 29,6 п.п.). Среди других возрастных групп динамика также положительная, но прирост в период с 2006 по 2018 г. не такой значительный: в группе 26–40-летних доля трезвенников выросла с 14,6 до 28,6% (прирост 14 п.п.), в группе 41–60-летних – с 18,3 до 30,7% (прирост 12,1 п.п.), в группе старше 61 года – с 43,5 до 52,9% (прирост 9,4 п.п.). Данная статистика подтверждает эффективность проводимой антиалкогольной политики в России.

В этой работе мы рассматриваем данные по потреблению алкоголя молодежью в возрасте от 14 до 22 лет с разделением на две возрастные подгруппы: 14–17 и 18–22 лет. В таблице 1 представлена доля пьющей молодежи по трем показателям: потребление алкоголя хотя бы иногда, потребление алкоголя за последние 30 дней и чрезмерное потребление алкоголя.

Таблица 1

Доля молодежи в возрасте от 14 до 22 лет, употребляющих алкоголь, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2006–2019 гг., %

Годы	Пьющие хотя бы иногда			Пьющие (за последние 30 дней)			Пьющие чрезмерно (за последние 30 дней)		
	14–17	18–22	Всего	14–17	18–22	Всего	14–17	18–22	Всего
2006	39,0	77,1	62,1	22,9	61,3	46,1	0,5	5,0	3,2
2007	30,8	72,4	56,3	21,0	60,0	44,8	1,1	4,4	3,1
2008	28,4	71,1	55,3	18,3	58,0	43,2	1,3	5,1	3,7
2009	27,3	67,6	52,5	15,2	53,7	39,3	0,8	4,6	3,2
2010	23,4	68,1	51,7	14,2	52,8	38,6	1,0	3,7	2,7
2011	21,1	67,1	49,2	11,7	50,8	35,6	0,7	3,3	2,3
2012	21,2	63,9	46,8	9,1	45,1	30,7	0,3	2,8	1,8
2013	16,4	57,3	40,4	7,3	38,7	25,8	0,2	2,2	1,4
2014	12,9	53,9	35,7	4,2	32,7	20,1	0,0	1,3	0,7
2015	10,4	46,3	30,2	4,3	29,5	18,2	0,0	1,5	0,8
2016	11,3	50,1	32,7	4,2	29,7	18,2	0,0	1,0	0,5
2017	10,8	47,6	30,0	3,1	30,1	17,2	0,1	1,7	1,0
2018	11,0	46,4	29,8	4,2	26,7	16,1	0,1	2,0	1,1
2019	9,8	43,1	26,9	4,1	26,7	15,7	0,0	2,2	1,1
Всего	19,4	61,0	43,7	10,1	44,3	30,1	0,4	3,1	2,0

¹ Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994–2018 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2021. Вып. 11. С. 155.

Чрезмерное потребление алкоголя оценивается на основе суммарного объема выпитого человеком чистого спирта. Если мужчина потребляет больше 800 граммов чистого алкоголя в месяц, а женщина больше 400 граммов, то их можно отнести к чрезмерно пьющим. Такая методология была привнесена в российский контекст Я. М. Рощиной и В. В. Радаевым на основе определений умеренного и чрезмерного потребления алкоголя, данных Национальным институтом злоупотребления алкоголем и алкоголизма США. В работе «Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема» В. В. Радаев и Я. М. Рощина предложили следующие доли содержания спирта для напитков в базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ: пиво/брага – 5%; сухое вино, шампанское – 2%, крепленое вино – 18%, водка, самогон, коньяк/виски/ликер – 40%; коктейли, содержащие алкоголь, – 15%, другие спиртные напитки – 22,8%¹.

Исходя из данных, представленных в таблице 1, доля пьющей молодежи действительно снизилась в период с 2006 по 2019 г. с 62,1 до 26,9% (на 35,2 п.п.). Снижение в обеих возрастных подгруппах с 2006 г. составило 30 и более п.п.: в подгруппе 14–17-летних – с 39 до 9,8%, в подгруппе 18–22-летних – с 77,1 до 43,1%. Рассматривая динамику потребления алкоголя среди молодежи, важно заметить, что молодые люди, в особенности дети младших возрастов, потребляют алкоголь не каждый месяц. Например, если оценивать снижение доли пьющей молодежи по показателю потребления алкоголя за последние 30 дней перед проведением опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ, мы наблюдаем заниженные показатели. Из 62,1% пьющей хотя бы иногда молодежи обеих возрастных подгрупп в 2006 г. только 46,1% пили алкоголь за последние 30 дней перед проведением опроса. Чрезмерно пьют алкоголь в соответствующем году менее 1% молодежи 14–17 лет и 5% молодежи 18–22 лет. Показатель падает до нуля в последующее десятилетие среди младшей возрастной подгруппы и составляет около 2% среди старшей. Всего с 2006 по 2019 г. доля чрезмерно пьющей молодежи снизилась с 3,2 до 1,1%.

На рисунке 1 мы видим, что средний объем потребления чистого алкоголя (спирта) молодежью отличается в двух возрастных подгруппах.

Молодые люди 14–17 лет потребляют алкоголь в меньших объемах, чем респонденты 18–22 лет, это актуально как для юношей, так и для девушек. В более молодой возрастной подгруппе различия по полу менее выражены, чем в старшей подгруппе. В изучаемом периоде средний объем потребления алкоголя среди юношей и девушек варьировался от 100 до 200 граммов в месяц. Средний объем потребления чистого алкоголя за месяц среди девушек старшей возрастной подгруппы (18–22 года) находится примерно на уровне объема младшей подгруппы (14–17 лет), однако варьируется объем в меньшей степени по сравнению с другими подгруппами – от 130 до 170 граммов в месяц. В свою очередь, средний объем потребления среди молодых людей 18–22 лет значительно выше остальных рассматриваемых подгрупп (в 2–3 раза) и варьируется от 200 до 400 граммов в месяц. Таким образом, молодежь если и потребляет алкоголь, то пьет его в умеренных количествах, так как средний объем потребления чистого алкоголя не достигает 400 граммов в месяц для мужчин и 200 граммов для женщин в изучаемом нами периоде.

¹ Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 7–57.

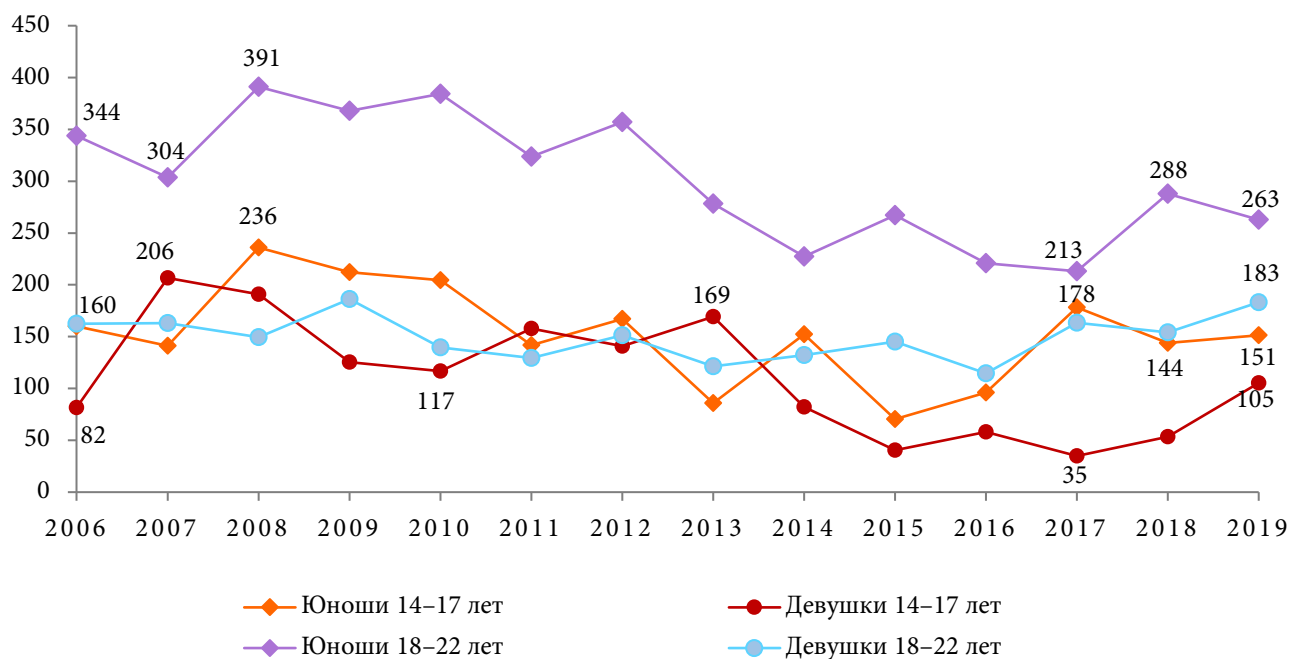


Рис. 1. Средний объем потребления чистого алкоголя молодежью в течение 30 дней перед проведением опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., граммы

Для всех рассматриваемых групп можно выделить несколько ключевых тенденций по изменению среднего объема потребления чистого алкоголя: до 2008 г. объем находился практически на максимальном уровне, затем до 2014–2016 гг. он постепенно снижался и к 2019 г., наоборот, увеличивался. В связи с этим можно заметить, что, несмотря на то что доля пьющей молодежи снижается в последние годы, средний объем потребляемого алкоголя, наоборот, увеличивается, хотя и не превышает уровня, достигнутого в 2007–2008 гг. Такие результаты подтверждают вывод о том, что молодые люди, в особенности дети младших возрастов, потребляют небольшой объем алкоголя, что было отмечено в исследованиях последних лет, в том числе и для России¹.

Динамика изменений в структуре потребления алкоголя среди молодежи

На основе данных, представленных на рисунке 2, мы видим, что доминирующим напитком среди молодежи является пиво, которое теряет с годами свою популярность, но это может объясняться снижением интереса к потреблению алкоголя среди молодежи в целом.

Доля любителей пива стремительно сокращалась в течение всего периода с 35 до 10%. Вторым по популярности напитком является вино, которое потребляли около 10–15% респондентов в 2006–2012 гг. и 5–10% в последующие годы. На третьем месте находится водка, что особенно четко выражено в период с 2006 по

¹ Decreases in adolescent weekly alcohol use in Europe and North America...; Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less...; Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. Op. cit.; Padaev B. B. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть); Padaev B. B. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание).

2012 г. — уровень потребления падает в это время с 10 до 5%, затем доля ее потребителей снижается до 5% и менее. Три самых популярных напитка в этот период одинаковы как для всего населения, так и для молодежи.

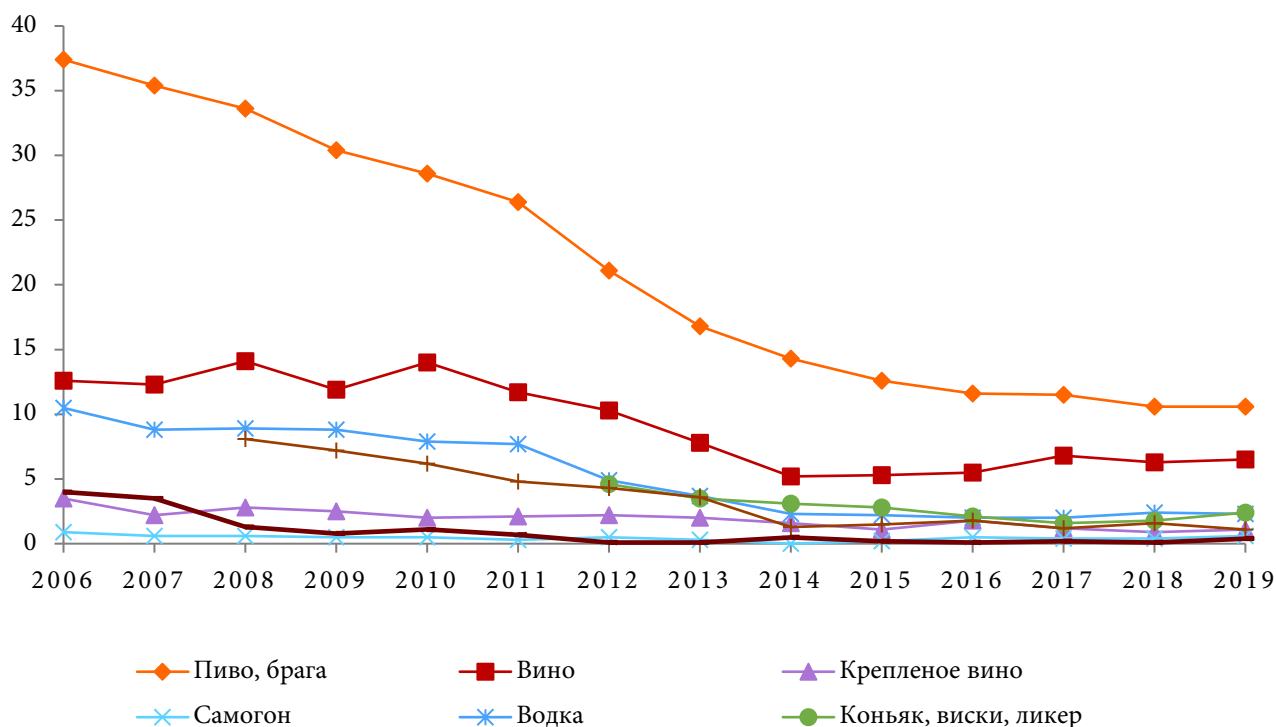


Рис. 2. Доля молодежи в возрасте от 14 до 22 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2006–2019 г., %

Однако важно отметить, что динамика изменений в структуре потребления алкоголя молодежью различается в зависимости от того, какую возрастную подгруппу мы рассматриваем (14–17 или 18–22 года), а также в зависимости от пола молодых людей. Именно поэтому важно рассмотреть тренды в популярности алкогольных напитков с разбивкой на возрастные подгруппы молодежи и пол. Динамику изменения популярных алкогольных напитков среди пьющей молодежи можно сравнить с динамикой среди всех пьющих россиян старше 16 лет, которая была представлена в предыдущем выпуске Вестника РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Наиболее распространенным алкогольным напитком среди пьющих мужчин старше 16 лет в период с 2006 по 2018 г. являлось пиво, доля потребителей которого постепенно снижалась с 70 до 60%. Среди юношей обеих возрастных подгрупп (рис. 3–4) этот напиток также являлся наиболее популярным, однако доля его потребителей снижалась более быстрыми темпами. Для юношей 14–17 лет эта доля снизилась с 21,4 до 3,4%, для юношей 18–22 лет — с 64,1 до 23,5%.

Как и среди всего пьющего населения России, в последние несколько лет мы наблюдаем незначительный скачок в доле потребителей пива. Среди всех пьющих мужчин старше 16 лет вторым по популярности напитком была водка, доля потребителей которой постепенно снижалась на протяжении всего изучаемого периода с 60 до 50%. Интересно отметить, что водка оказывается вторым напитком по популярности только среди юношей 18–22 лет. Среди юношей более молодого возраста вторым по популярности оказывается вино: в 2006 г. 4,1% молодых людей 14–17 лет пили данный напиток, в 2007 г. наблюдался скачок до 5,6%, далее к 2019 г. доля снизилась до нуля. Третий по популярности напиток среди юношей 14–17 лет нельзя выделить однозначно, так как в целом на фоне снижения доли пьющей

молодежи этой возрастной подгруппы популярность всех остальных алкогольных напитков близка к нулю. Среди юношей 18–22 лет на третьем месте оказывается вино, которое также теряет популярность с годами. Доля потребителей этого напитка снижается с 8,4 до 5% к 2019 г. В 2012 г. в анкету РМЭЗ НИУ ВШЭ была введена новая позиция «коньяк/виски/ликер», которую потребляет в изучаемом периоде от 5 до 8% юношей в возрасте 18–22 лет.

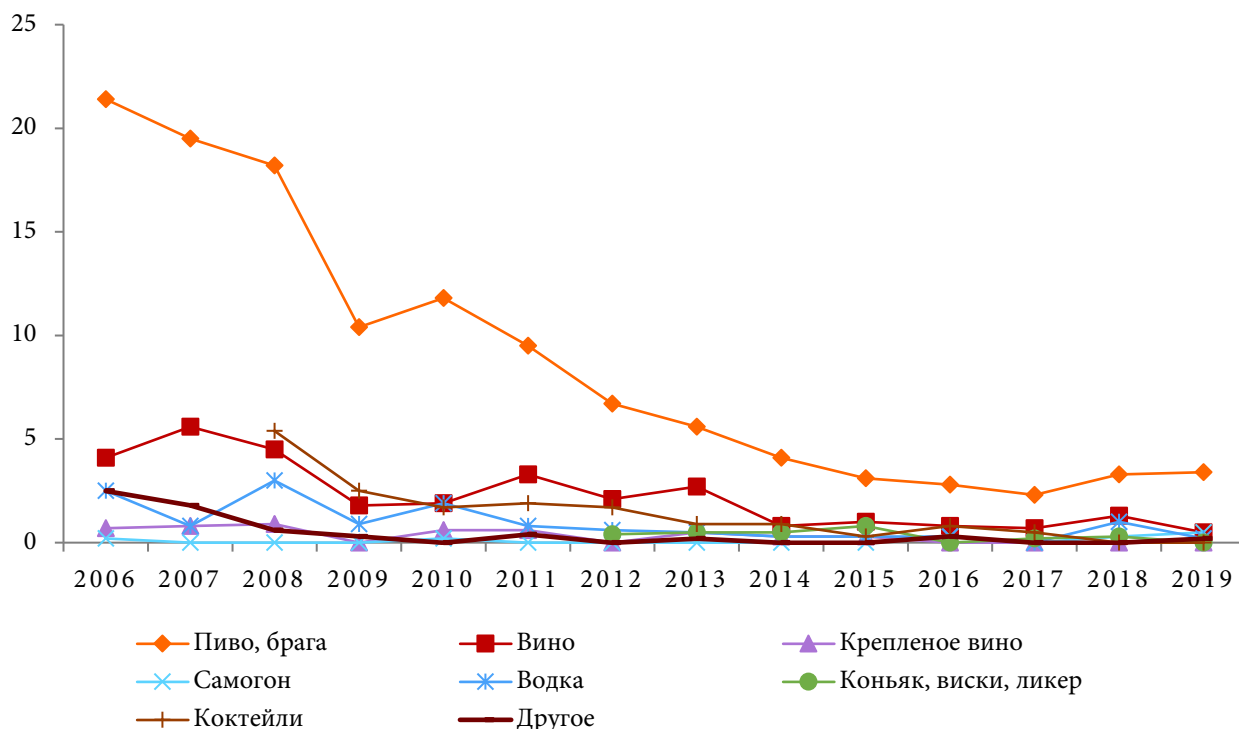


Рис. 3. Доля юношей в возрасте от 14 до 17 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, с разбивкой по группам напитков, 2006–2019 гг., %

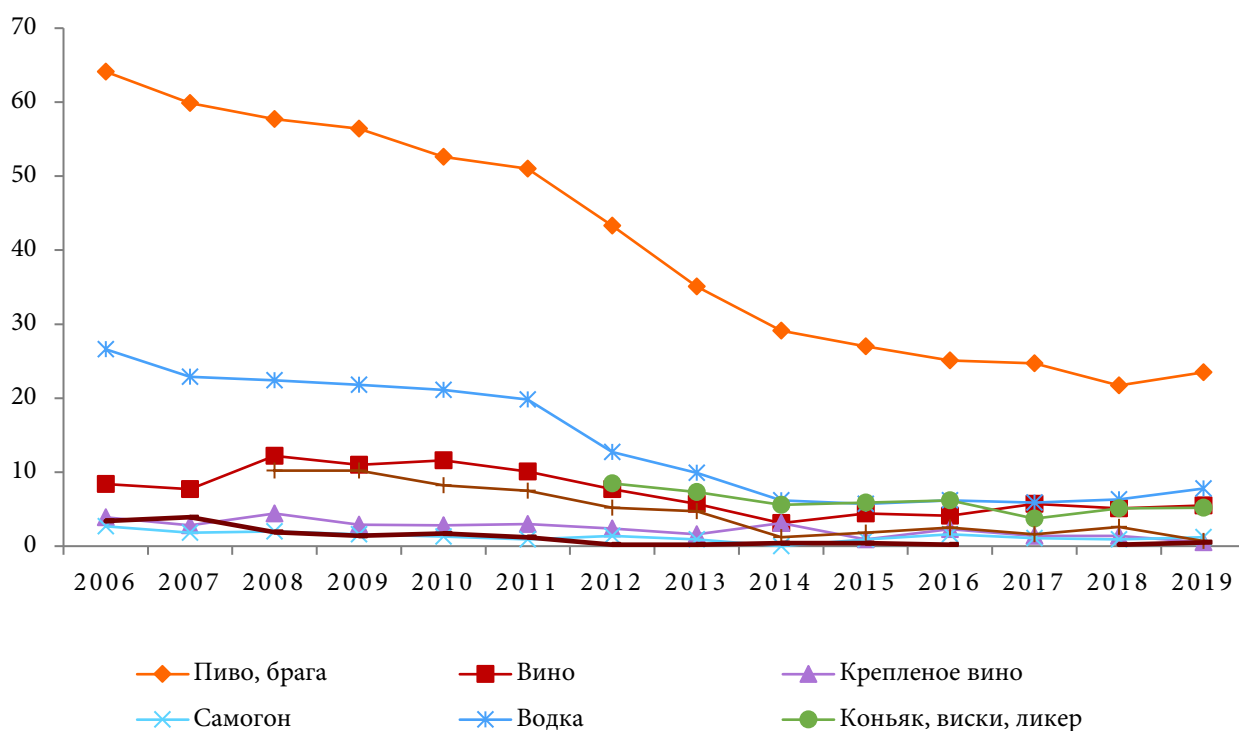


Рис. 4. Доля юношей в возрасте от 18 до 22 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, с разбивкой по группам напитков, 2006–2019 гг., %

Динамика изменений в структуре потребления алкоголя девушками обеих возрастных подгрупп (рис. 5–6) схожа с динамикой изменений среди всех пьющих женщин старше 16 лет¹. Во-первых, наиболее популярным напитком среди девушек 14–17 и 18–22 лет также является пиво, вторым по популярности – вино. Во-вторых, доля потребителей обоих алкогольных напитков постепенно снижается в течение всего периода: среди девушек 14–17 лет доля потребителей пива снизилась с 13,1 до 2,4 %, вина – с 9,1 до 3,1%; среди девушек 18–22 лет доля потребителей пива снизилась с 40 до 12,5%, вина – с 23,6 до 15,8%. В-третьих, как и среди всех пьющих женщин старше 16 лет, с начала 2010-х гг. мы наблюдаем конкуренцию между этими двумя напитками и среди девушек 14–17 лет, и среди 18–22-летних.

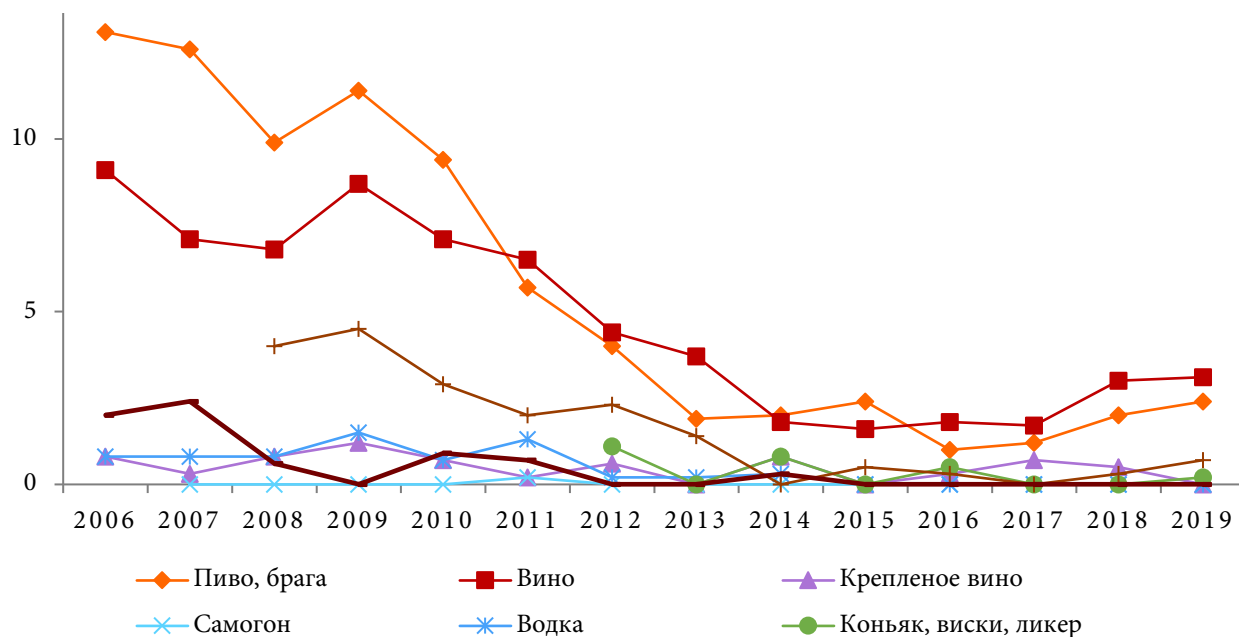


Рис. 5. Доля девушек в возрасте от 14 до 17 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, с разбивкой по группам напитков, 2006–2019 гг., %

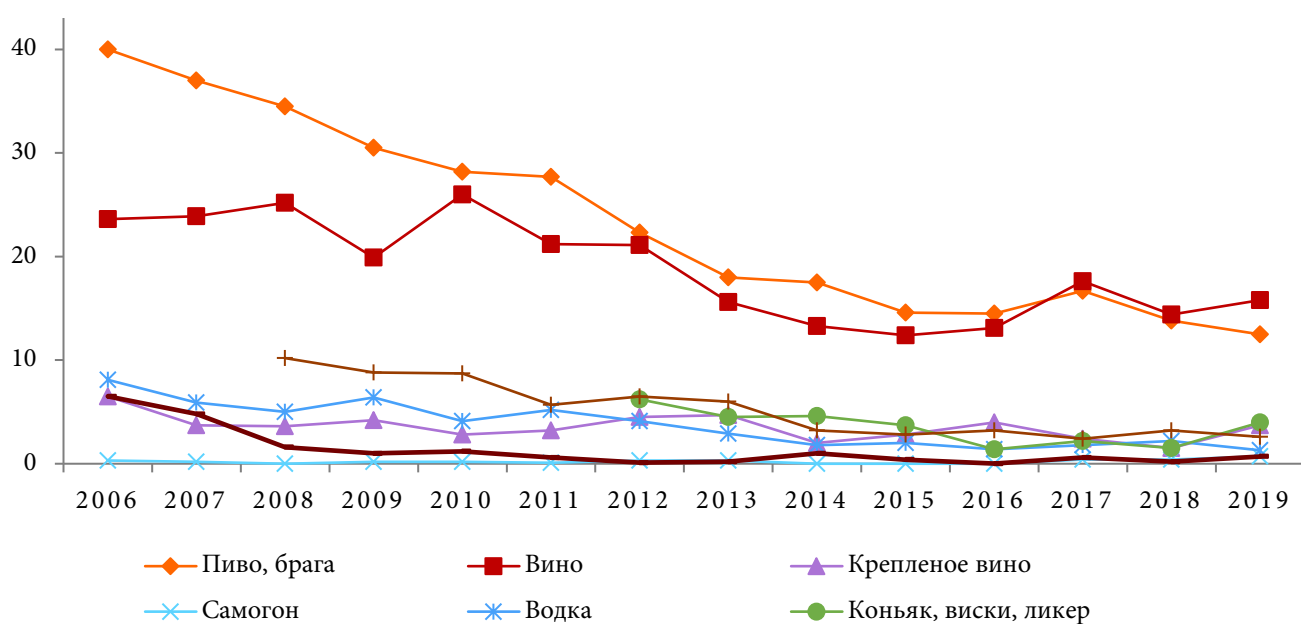


Рис. 6. Доля девушек в возрасте от 18 до 22 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, с разбивкой по группам напитков, 2006–2019 гг., %

¹ Кондратенко В. А. Указ. соч. С. 161.

Интересным отличием в структуре потребления алкогольных напитков девушками по сравнению с юношами является то, что на третьем месте по популярности стоят алкогольные коктейли. Как мы отмечали выше, три самых популярных напитка среди юношей — это пиво, вино, водка или коньяк/виски/ликер. Коктейли также не входили в тройку самых популярных напитков и тогда, когда мы рассматривали динамику изменений в структуре потребления алкоголя среди всех пьющих россиян старше 16 лет, причем ни среди мужчин, ни среди женщин.

Рассмотрев основные черты потребления алкоголя среди выбранной группы, мы видим, что действительно с годами все меньшая доля молодежи потребляет алкоголь. Можно также отметить, что существуют различия скорее по полу, чем по возрастным подгруппам: юноши как 14–17 лет, так и 18–22 лет предпочитают пиво, вино и водку, а девушки пиво, вино и алкогольные коктейли.

Типы потребления алкоголя молодежью

Представители молодежи могут совмещать потребление нескольких видов алкогольных напитков в повседневной жизни. Для того чтобы можно было выделить различные типы потребления алкоголя молодежью, нами был проведен двухэтапный кластерный анализ на данных 2012–2019 гг. Мы использовали блок вопросов из анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ: «Сейчас я буду перечислять разные спиртные напитки, а Вы скажите мне, пожалуйста, какие из них Вы пили в течение последних 30 дней, и если пили, то сколько граммов Вы обычно выпивали за день?». Для кластерного анализа были взяты данные только о факте потребления разных алкогольных напитков без учета количества граммов, которое человек обычно выпивал за день.

В блок вопросов по потреблению различных алкогольных напитков периодически вносились изменения. Первоначально в 1994 г. респондентам было предложено отметить, если они потребляли какой-либо алкогольный напиток, вариант из шести предложенных: 1) пиво, брага; 2) сухое вино, шампанское; 3) крепленое вино; 4) водка; 5) самогон; 6) что-нибудь другое. Мы рассматриваем данные с 2006 г., к этому моменту блок вопросов оставался без изменений с 1994 г., однако в 2008 и 2012 гг. были внесены ключевые поправки:

- в 2008 г. категория «пиво, брага» была разделена на две отдельные «пиво» и «брага», затем в 2012 г. категория «пиво» была разделена еще на две: «пиво промышленного производства», «домашнее пиво»;
 - в 2012 г. категория «сухое вино, шампанское» была разделена на две отдельные «сухое вино, шампанское промышленного производства» и «домашнее вино любое»;
 - в 2008 г. были добавлены категории «коньяк, виски, ликер», «коктейли, содержащие алкоголь».
- Ввиду небольшой доли молодежи, которая потребляла алкоголь за последние 30 дней перед проведением опроса, мы приняли решение укрупнить некоторые категории:
- объединили три ранее разъединенные категории «пиво промышленного производства», «домашнее пиво», «брага» в единую первоначальную «пиво, брага»;

- объединили две категории «домашнее вино любое», «сухое вино, шампанское промышленного производства» в единую первоначальную «сухое вино, шампанское».

Таким образом, в итоговую модель кластерного анализа вошли восемь видов алкогольных напитков: 1) пиво, брага; 2) сухое вино, шампанское; 3) крепленое вино промышленного производства; 4) водка; 5) самогон; 6) коньяк, виски, ликер; 7) коктейли, содержащие алкоголь; 8) другие алкогольные напитки. Переменные – бинарные, где ноль означает, что человек не пил данный вид алкогольного напитка за 30 дней перед проведением опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ, а единица, соответственно, что пил. Так как мы добавили в модель переменную «коньяк, виски, ликер», которая была введена в анкету РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2012 г., кластерный анализ строится на данных с 2012 по 2019 г.

Так как ранее мы обнаружили, что наиболее популярные напитки среди молодежи обеих возрастных подгрупп схожи (пиво и вино для обоих полов, коктейли для девушек и коньяк/виски/ликер для юношей), нами было принято решение построить типологию для двух возрастных подгрупп вместе. Выборка для кластерного анализа за 2012–2019 гг. составляет 3095 человек – это молодежь в возрасте от 14 до 22 лет, которая потребляла алкоголь за последние 30 дней перед проведением опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Итоговая типология представляет собой четырехкластерную модель: «только пиво», «водка, пиво и др.», «коньяк, виски, ликер, пиво и другие напитки», «вино и пиво». Из всех вариантов кластерных моделей данная модель имеет наилучшую наполненность по кластерам. Выделяется наиболее распространенный тип «только пиво», в него входит 37,6% всей пьющей молодежи 14–22 лет; типы «коньяк, виски, ликер, пиво и др.» и «вино и пиво» включают в себя по 23% выборки, менее наполненным является тип «водка, пиво и др.», в него входит только 15,3% выборки.

На рисунке 7 представлена динамика по годам и доле молодежи, которая вошла в выделенные нами типы. В период с 2012 по 2014 г. доля потребителей только пива быстро росла с 35 до 45%, тогда как доля представителей остальных типов, наоборот, постепенно снижалась.

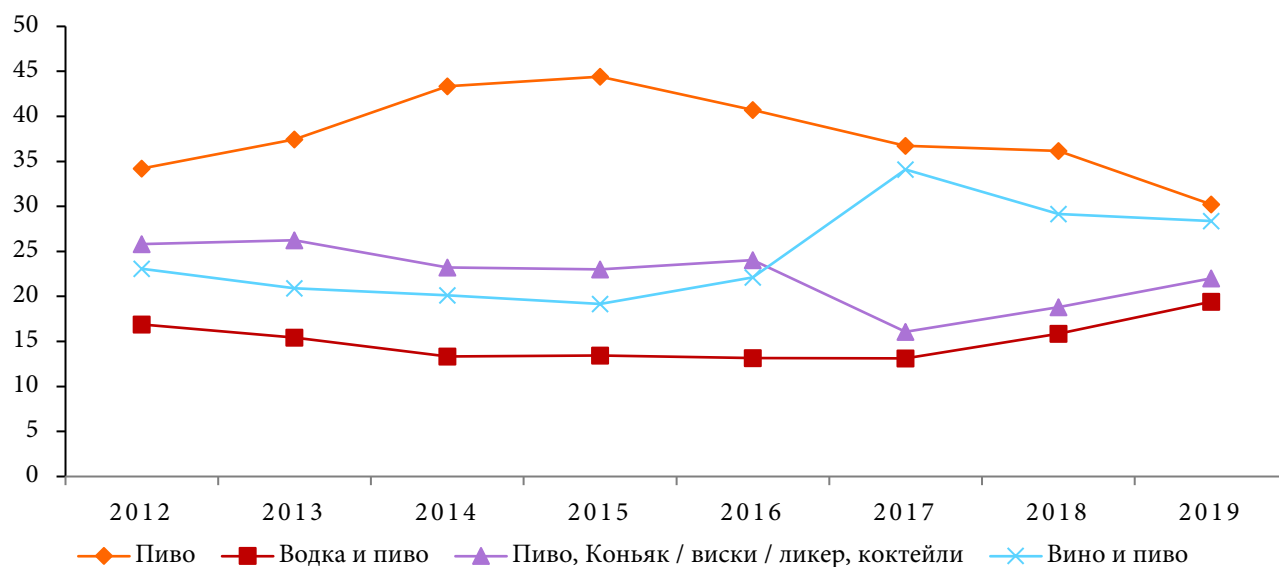


Рис. 7. Динамика распределения молодежи 14–22 лет, употребляющей алкоголь, по типам потребления алкоголя, 2012–2019 гг., %

Можно предположить, что возросшая доля потребителей пива компенсирует снижение доли остальных типов. В период с 2016 по 2019 г. можно наблюдать резкие изменения доли представителей каждого типа. Доля тех, кто пьет «только пиво», постепенно снижалась с 2016 г., достигнув своего минимума в 30% в 2019 г. Положительный тренд наблюдался в доле людей, которые предпочитают сочетать водку с пивом, их доля выросла с 13 до 19% в этот период. Неоднозначные изменения можно наблюдать в доле людей, которые предпочитают сочетать коньяк, виски, ликер с пивом и другими напитками: их доля упала с 24 до 16% за один год, а затем к 2019 г. поднялась до 22%. В соответствующий период 2016–2019 гг. среди представителей группы «вино и пиво», наоборот, произошел скачок с 22 до 34% и затем постепенное снижение до 28% в 2019 г. Как и среди всего населения России старше 16 лет¹, с 2016 г. действительно происходят резкие изменения в предпочтениях россиян.

Можно кратко описать полученные типы по социально-демографическим характеристикам, чтобы получить их «портреты» и обозначить, чем они отличаются друг от друга. Для начала кратко опишем нашу выборку пьющей молодежи по основным социально-демографическим характеристикам, чтобы в целом понять, какая у нас выборка. Описывая полученные типы, мы будем делать акцент на тех характеристиках, которые отличают представителей отдельного типа от других (всех респондентов выборки). В Приложении в таблицах А1–А6 представлены данные, на основе которых будет выполнено описание.

В целом в выборке незначительно больше юношей (51%). Почти 40% пьющей молодежи проживают в областных центрах, 24% в городах, 23% в поселках городского типа или селах и только 14% в Москве или Санкт-Петербурге. Более половины респондентов (63%) имеют среднее образование или ниже, треть (31%) – среднее специальное образование и только 6% – высшее образование и выше. В выборке значительная часть – это молодежь 18–22 лет, что обуславливается более высокой долей среди этой возрастной подгруппы пьющей молодежи, чем среди молодежи 14–17 лет.

Тип «только пиво»

Доля молодежи, которая пьет только пиво, в 2012 г. составляла 34%, а к 2016 г. увеличилась до 44%, затем постепенно падала, достигая своего минимума 30% в 2019 г. Несмотря на это, к данному типу принадлежит наибольшая доля всей молодежи, в него входят 1163 человек. Представителями этого типа являются скорее юноши: их доля выше (66%), чем в среднем по пьющей молодежи (51%), – но этот тип не является самым «мужским». Отличительной чертой этого кластера является более высокая, по сравнению со всей пьющей молодежью, доля жителей поселков городского типа и сел. В этой группе в сельской местности проживают больше респондентов (26%), чем в среднем по выборке (23%). Среди представителей этого типа наибольшая доля молодежи, которая имеет законченное среднее образование или ниже (67%), а также 12,5% лиц 14–17 лет, что выше среднего среди представителей всех остальных типов (11%), однако этот тип не является самым «молодым».

¹ Кондратенко В. А. Указ. соч. С. 165.

Тип «водка, пиво и другие напитки»

Данный тип является «смешанным». Его представители в качестве основного напитка выбирают водку, которая дополняется множеством других напитков: пивом (в 70% случаев); коньяком, виски, ликером (20%); сухим вином, шампанским (20%); крепленым вином (10%), самогоном (10%); коктейлями (в 10% случаев). Доля молодежи, которая предпочитает сочетать такое большое количество разнообразных алкогольных напитков, является одной из самых стабильных в течение изучаемого нами временного периода. В 2012 г. она составляла 17% выборки, затем до 2017 г. она постепенно снизилась до 13%, после чего начала увеличиваться и в 2019 г. эта доля составила 19% выборки. Этот тип является самым малонаполненным по сравнению с остальными, в него входят только 472 человека из 3095 представителей пьющей молодежи в возрасте от 14 до 22 лет. Это можно объяснить тем, что молодые люди в целом менее склонны выбирать крепкоалкогольные напитки, которые присутствуют в данном типе.

Данный тип является самым «мужским», доля юношей составляет 76%, что выше среднего по выборке пьющей молодежи (51%). Это также можно объяснить тем, что водка – скорее мужской напиток. Кластеры, где потреблялась водка, выявленные в типологии для всех пьющих россиян старше 16 лет, были также наиболее «мужскими»¹, это подтверждается и другими исследованиями². Наибольшая доля жителей поселков городского типа или сел приходится на представителей именно данного типа: 32% по сравнению со средним по выборке (23%). Большинство молодежи (63%), которая сочетает водку с множеством других алкогольных напитков, имеет законченное среднее образование или ниже среднего, что соответствует среднему по выборке (63%). Этот тип также самый «взрослый», относящаяся к нему доля молодежи 18–22 лет составляет 95,3%, по сравнению со средними по выборке 89%.

Тип «коньяк, виски, ликер, пиво и другие напитки»

Данный тип также может считаться «смешанным», хотя и в меньшей мере, чем предыдущий. Представители этого типа предпочитают сочетать коньяк, виски, ликер (в 50% случаев), пиво (50%), алкогольные коктейли (40%), а также сухое вино, шампанское (30%) и «крепленое вино» (в 30% случаев). Доля молодежи, которая выбирает такое сочетание напитков, в 2012 г. составляла 26%, затем к 2017 г. она снизилась до 16% и далее к 2019 г. выросла до 22%. Этот тип включает в себя 719 наблюдений и является третьим по наполненности. Что интересно, представителями данного типа по большей части являются девушки, их доля (59%) выше среднего по выборке (49%). Можно предположить, что это объясняется включением ликера в переменную «коньяк, виски, ликер» в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ. Такой вывод также подтверждает отсутствие в типе крепкоалкогольных водки и самогона. Данный тип потребления наиболее характерен для молодежи из областных центров (42% по сравнению со средним по выборке 39%) и молодежи с высшим образованием (8% по сравнению с 6% в среднем по выборке).

¹ Кондратенко В. А. Указ. соч. С. 165–166.

² Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15, №. 1. С. 20–42.

Тип «ВИНО И ПИВО»

Представители данного типа в качестве основного напитка пьют сухое вино и шампанское, которое они дополняют пивом (в 30% случаев). Можно отметить, что этот тип является вторым по наполненности и включает в себя 741 человек из 3095. Динамика изменений доли молодежи, которая предпочитает именно такое сочетание напитков, довольно нестабильна. К этому типу относились 23% молодых людей в 2012 г., 19% в 2015 г., 34% в 2017 г. и 28% в 2019 г. Этот тип самый «женский», в нем доля девушек составляет 79% (в среднем по выборке 49%). Такой вывод подтверждается другими исследованиями, где типы потребления, основанные на вине, также являются самыми «женскими»¹. В исследовании, представленном в прошлом выпуске Вестника РМЭЗ НИУ ВШЭ, нами были выделены три типа с основным напитком «вино», и все они были присущи в большей степени женщинам². Отличительной чертой этого типа потребления также является то, что его предпочитает наибольшая доля жителей столичных городов (Москвы, Санкт-Петербурга) – 19% по сравнению с 14% в среднем по выборке, а также молодежь со средним специальным образованием – 34% по сравнению с 31% в среднем по выборке. Этот тип также является самым «молодым», доля молодых людей 14–17 лет, которые к нему относятся, составляет 14,7% по сравнению с 11% в среднем по выборке.

Сравнивая полученные результаты с предыдущим исследованием, которое проводилось нами на выборке всех пьющих россиян старше 16 лет, можно сделать несколько выводов. Среди молодежи мы выделили только один «чистый» тип – «только пиво», а среди всего населения таких было три («только пиво», «только водка», «только вино»). Нами также был выделен тип, который сочетает только два напитка – «вино и пиво», остальные типы сочетали в себе практически все представленные в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ алкогольные напитки. Причем в выделенных нами двух «смешанных» типах нет доминирующего напитка, как это было в исследовании обо всех пьющих россиянах.

В целом типы этого и предыдущего исследования близки между собой: действительно, выделяются типы с доминированием вина, представителями которых являются скорее девушки и жители «столиц», и «мужские» типы, характерные для юношей из сел, с доминированием водки. Несмотря на это, особенностью молодежных типов является присутствие пива во всех типах. При изучении всей выборки на данных 1994–2018 гг. выделялись только три типа из шести, в которых присутствовало пиво.

Рассмотрев основные черты потребления алкоголя среди молодежи, мы можем сделать вывод о том, что доля молодежи, которая потребляет алкоголь и в целом относит себя к пьющим, с годами значительно снижается. Потребление этих молодых людей нерегулярное, поэтому для дальнейшего анализа по потреблению алкоголя детьми и их родителями необходимо учитывать вместо переменной потребления алкоголя за последние 30 дней переменную потребления алкоголя «хотя бы иногда» из базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

¹ Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Указ. соч.

² Кондратенко В. А. Указ. соч. С. 167–168.

Потребление алкоголя родителями молодежи

Исходя из данных, представленных в таблице 2, мы можем сказать, что подавляющая часть респондентов в возрасте от 14 до 22 лет живут в семье, где есть хотя бы один из родителей. Лишь 19% молодежи живут в домохозяйствах, где нет ни одного из родителей. Можно предположить, что эти молодые люди живут с кем-либо другим в домохозяйстве или живут отдельно. Доля молодежи без родителей в семье значительно выше среди молодежи 18–22 лет, что может обуславливаться переездом в другие города, например для обучения в вузе. Доля проживающих без родителей среди девушек 18–22 лет составляет 35%, а среди юношей эта доля ниже почти в два раза и составляет только 20%.

Таблица 2

Распределение молодежи по наличию родителей в домохозяйстве, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

Наличие родителей в домохозяйстве	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 лет	Всего
Нет родителей в домохозяйстве	6,1	7,4	20,2	34,5	19,0
Только мать	21,9	22,5	22,0	19,1	21,2
Только отец	1,4	1,3	1,7	1,5	1,5
Оба родителя в домохозяйстве	70,7	68,8	56,1	45,0	58,3
Всего	100	100	100	100	100

Дополнить данные о структуре семьи респондентов можно на основе данных таблицы 3, в которой представлена доля молодых респондентов, в семьях которых живут бабушки или дедушки. В большинстве домохозяйств (около 80%) обеих возрастных подгрупп нет ни бабушек, ни дедушек. Однако почти четверть респондентов 14–17 лет проживают вместе с бабушкой в семье. Среди старшей возрастной подгруппы эта доля ниже – 12%. Только в 7% домохозяйств респондентов 14–17 лет проживают и бабушка, и дедушка, а среди молодежи 18–22 лет – 4%. Несмотря на то, что большинство молодежи проживают в семьях с родителями, в почти четверти домохозяйств проживает кто-то из предшествующих поколений, например бабушка или дедушка.

Таблица 3

Распределение молодежи по наличию бабушек и/или дедушек в домохозяйстве, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

Наличие бабушек/дедушек в домохозяйстве	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 лет	Всего
Нет бабушек/дедушек в домохозяйстве	76,6	76,3	81,2	84,9	80,3
Только бабушка	15,6	16,2	13,5	11,3	13,8
Только дедушка	1,4	1,0	1,1	0,8	1,0
Бабушка и дедушка есть в домохозяйстве	6,4	6,6	4,2	3,0	4,8
Всего	100	100	100	100	100

Оценив, какая доля молодежи проживает с родителями и с бабушками или дедушками, мы можем перейти к оцениванию статуса потребления алкоголя родителями молодежи. Для начала мы рассмотрим в целом, какая доля родителей потребляет алкоголь среди респондентов двух возрастных подгрупп. На основе данных, представленных в таблице 4, мы можем сделать вывод о том, что в большинстве семей молодежи пьют оба родителя (63,8%). Пьет только отец в 16,5% семей, а ситуация, когда пьет только мать, менее распространена и составляет только 7,1% выборки. В 12,6% семей молодежи оба родителя – трезвенники. Значительных различий как между молодежью двух возрастных подгрупп, так и по полу нет.

Таблица 4

**Распределение молодежи по потреблению алкоголя родителями,
с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %**

	Юноши 14–17 лет	Девушки 15–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 года	Всего
Пьют оба родителя	64,7	66,2	61,2	63,4	63,8
Пьет только отец	15,6	15,8	17,3	17,0	16,4
Пьет только мать	7,5	6,6	7,0	7,3	7,1
Не пьют оба родителя	12,2	11,5	14,5	12,2	12,6

Так как взрослые люди по сравнению с молодежью потребляют алкоголь в больших количествах, мы можем оценить долю пьющих родителей в семье с учетом объема потребляемого ими алкоголя. Исходя из данных таблицы 5, можно сказать, что в младшей возрастной подгруппе в 40% домохозяйств матери пьют алкоголь умеренно, около четверти не потребляли алкоголь за последние 30 дней перед проведением опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 5

**Распределение молодежи по потреблению алкоголя родителями
с учетом объема потребляемого алкоголя,
с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %**

	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 лет	Всего
Статус потребления алкоголя матерью					
Мать вообще не пьет	25,2	23,7	24,1	18,1	22,4
Не пила за 30 дней	20,5	20,2	17,0	13,9	17,4
Пила умеренно за 30 дней	43,0	43,6	33,8	29,5	36,4
Пила чрезмерно за 30 дней	3,6	3,7	3,0	2,1	3,0
Нет матери в домохозяйстве	7,6	8,8	22,2	36,4	20,7
Всего	100	100	100	100	100
Статус потребления алкоголя отцом					
Отец вообще не пьет	14,0	12,5	12,3	9,0	11,6
Не пил за 30 дней	11,4	10,7	8,4	6,8	9,0
Пил умеренно за 30 дней	39,3	38,7	30,4	24,7	32,2
Пил чрезмерно за 30 дней	6,5	7,2	5,9	4,9	6,0
Нет отца в домохозяйстве	28,8	31,0	43,1	54,6	41,2
Всего	100	100	100	100	100

Еще четверть относит себя к трезвенникам, чрезмерно пьют только около 4% матерей. Для старшей возрастной подгруппы распределение по потреблению алкоголя матерями примерно такое же. Данные незначительно отличаются по полу. Если говорить о потреблении алкоголя отцом, то ситуация другая. Так, у респондентов 14–17 лет умеренно потребляют алкоголь 40% отцов, меньшая доля отцов, по сравнению с матерями, не пьет вообще (13%) или не пила за последние 30 дней (11%), а пьют чрезмерно в 2 раза больше отцов (6,8%). Это объясняется как большей долей пьющих мужчин в России, так и тем, что они потребляют алкоголь в бóльших количествах по сравнению с женщинами¹.

Важной характеристикой домохозяйств, в которых проживает молодежь, является наличие членов семьи, которые потребляют алкоголь чрезмерно, а также количество этих людей. Ранее мы уже описали, как определяется, пьет человек алкоголь умеренно или чрезмерно, — на основе методологии, активно используемой в российских исследованиях². Из данных таблицы 6 мы видим, что в большинстве домохозяйств нет людей, потребляющих алкоголь чрезмерно. Однако у 10% респондентов в обеих возрастных подгруппах (данные по полу не отличаются) есть один член семьи, который потребляет алкоголь в чрезмерных количествах, еще у 2% есть два таких человека.

Таблица 6

Распределение молодежи по количеству членов семьи, потребляющих алкоголь чрезмерно, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

Кол-во чрезмерно пьющих в домохозяйстве	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 лет	Всего
0	88,5	88,2	86,8	87,7	87,7
1	9,9	9,7	10,9	10,4	10,3
2	1,4	1,9	1,9	1,6	1,7
3	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2
Всего	100	100	100	100	100

Итак, мы рассмотрели, какая доля молодежи живет вместе с родителями и бабушками или дедушками, а также оценили, какая доля родителей молодежи потребляет алкоголь, — с помощью двух вариантов показателей с учетом объема потребляемого алкоголя и без него. Теперь мы можем перейти к наиболее важной части данной работы: нам необходимо оценить, какая доля молодежи пьет алкоголь в зависимости от статуса потребления алкоголя родителями.

Потребление алкоголя молодежью в зависимости от потребления алкоголя родителями

В таблице 7 представлено распределение доли пьющей молодежи в зависимости от статуса потребления алкоголя родителями. Мы видим, что среди респондентов обеих возрастных подгрупп доля молодежи, которая потребляет

¹ Рощина Я. М. Указ. соч.; Кондратенко В. А. Указ. соч.

² Радаев В. В., Рощина Я. М. Указ. соч.

алкоголь, выше в семьях, где пьют оба родителя. В подгруппе 14–17 лет таких около 20%, в подгруппе 18–22 лет – почти 70%. Примерно такая же доля потребляющих алкоголь респондентов в семьях, где пьет только мать: около 20% среди младшей возрастной подгруппы и около 60% среди старшей возрастной подгруппы. Данные по полу отличаются незначительно.

Таблица 7

Распределение молодежи, употребляющей алкоголь хотя бы иногда, по потреблению алкоголя родителями, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

Статус потребления алкоголя родителями	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 года	Всего
Пьют оба родителя	23,1	20,3	69,8	63,6	43,9
Пьет только отец	8,5	4,6	45,0	25,7	22,1
Пьет только мать	19,3	20,2	59,0	61,0	40,2
Не пьют оба родителя	5,6	3,1	23,1	13,2	12,1
Всего	18,4	15,9	58,0	50,8	36,1

Интересно заметить, что в семьях, где только отец потребляет алкоголь, довольно большая доля пьющих респондентов 18–22 лет, причем среди юношей эта доля выше в два раза (45%), чем среди девушек (25,7%). Однако в данном случае важно заметить, что группы небольшие по количеству человек в них, поэтому не все доли значимо отличаются от среднего по выборке. Из представленных данных мы видим, что наличие пьющих родителей в домохозяйстве может влиять на то, пьет ли алкоголь ребенок. Помимо этого, мы предварительно можем подтвердить гипотезу о том, что вероятность потребления алкоголя детьми будет наибольшей в семьях, где пьют оба родителя, и будет различаться в ситуациях, где пьет только один из них. Однако эту гипотезу необходимо доказывать с помощью построения регрессионных моделей.

Ранее уже было отмечено, что такой вариант переменной потребления алкоголя родителями не учитывает объем потребления алкоголя и разницу во влиянии на потребление алкоголя детьми. В таблице 8 представлено распределение доли пьющей молодежи в зависимости от потребления алкоголя родителями с учетом объема.

Основной вывод, который можно сделать из таблицы 8, касается того факта, что доля пьющей молодежи выше среднего по выборке, когда хотя бы один родитель пьет чрезмерно или его нет в домохозяйстве, причем это проявляется в обеих возрастных подгруппах для обоих полов. Сначала отметим основные тенденции в младшей возрастной подгруппе молодежи, затем в старшей.

Так, среди юношей 14–17 лет доля пьющих, если мать пьет чрезмерно, составляет 25,7%, что выше средней доли пьющих по выборке, а при наличии пьющего отца в семье доля пьющих детей 14–17 лет составляет около 30% при 19% в среднем по выборке. Интересно, что чрезмерное потребление алкоголя матерью накладывает бóльший отпечаток на потребление алкоголя среди детей 14–17 лет, чем чрезмерное потребление отцом. Доля пьющих респондентов 18–22 лет при наличии в семье чрезмерно потребляющих алкоголь родителей выше, чем в среднем

по выборке, в два раза: 78,4% юношей пьют при чрезмерно пьющей матери, 70,6% при чрезмерно пьющем отце; для девушек эти доли на 10 п.п. ниже и составляют 65,9 и 61,2% соответственно.

Таблица 8

Распределение молодежи, употребляющей алкоголь хотя бы иногда, в зависимости от потребления алкоголя родителями, с учетом объема потребляемого алкоголя, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 года	Всего
Статус потребления алкоголя матерью					
Мать вообще не пьет	8,4	5,0	36,7	22,8	19,6
Не пила за 30 дней	16,8	17,4	62,9	57,6	39,2
Пила умеренно за 30 дней	25,7	23,7	74,0	69,7	48,4
Пила чрезмерно за 30 дней	40,4	31,7	78,4	65,9	54,0
Нет матери в домохозяйстве	22,1	28,0	75,1	67,5	62,7
Всего	19,8	18,7	63,5	58,7	43,5
Статус потребления алкоголя отцом					
Отец вообще не пьет	10,8	9,2	35,5	31,0	22,4
Не пил за 30 дней	15,0	11,6	59,9	52,4	34,3
Пил умеренно за 30 дней	20,6	17,1	64,7	55,7	39,6
Пил чрезмерно за 30 дней	28,4	27,2	70,6	61,2	48,0
Нет отца в домохозяйстве	22,4	24,2	70,1	64,6	53,7
Всего	19,6	18,5	63,4	58,4	43,5

Таким образом, мы видим, что, во-первых, доля пьющей молодежи в семьях, где есть чрезмерно потребляющие алкоголь родители, выше, чем в среднем по выборке. Это означает, что пьющие чрезмерно родители больше снижают вероятность того, что ребенок будет трезвенником, если сравнивать их с родителями, которые потребляют алкоголь в умеренных количествах или не пьют его совсем. Доля пьющих выше среди подростков, если родители пьют. Этот вывод необходимо учитывать при оценке влияния потребления алкоголя родителями на детей в будущих исследованиях. Помимо этого, мы отметили, что при изучении данной взаимосвязи важно попытаться учесть различия во влиянии родителей на детей в зависимости от гендера. Однако самый важный вывод, который можно сделать на основе приведенных данных, заключается в том, что необходимо учитывать не просто влияние родителей на потребление алкоголя детьми, но и учитывать количество выпиваемого ими алкоголя.

Дополнить вышеприведенные выводы можно данными таблицы 9. В таблице представлено распределение доли пьющей молодежи в зависимости от сочетания статуса потребления алкоголя родителями. Мы видим, что когда в семьях пьют оба родителя, доля пьющей молодежи значительно выше среднего по выборке. Например, когда оба родителя пьют чрезмерно, то среди респондентов 14–17 лет пьют алкоголь 40% (при 19% в среднем по выборке для обоих полов), а среди респондентов 18–22 лет – 77–80% (при 60% в среднем по выборке для обоих полов).

Таблица 9

Распределение молодежи, употребляющей алкоголь хотя бы иногда, по сочетанию потребления алкоголя родителями, с учетом объема потребляемого алкоголя, с разбивкой по возрастным группам и полу, 2006–2019 гг., %

Статус потребления алкоголя родителями	Юноши 14–17 лет	Девушки 14–17 лет	Юноши 18–22 года	Девушки 18–22 года	Всего
Оба родителя абстиненты	5,5	3,0	23,1	13,2	12,0
Мать абстинент, отец не пил за 30 дней	7,9	1,3	47,5	28,4	20,5
Мать абстинент, отец пил умеренно	8,6	5,5	44,0	25,2	21,8
Мать абстинент, отец пил чрезмерно	10,0	7,5	45,0	23,6	27,0
Мать абстинент, отца нет	12,2	9,0	42,0	27,8	25,4
Мать не пила за 30 дней, отец абстинент	11,9	15,1	49,2	47,3	31,0
Мать не пила за 30 дней, отец не пил за 30 дней	13,4	15,5	60,3	58,8	36,8
Мать не пила за 30 дней, отец пил умеренно	18,5	15,3	65,6	53,7	38,6
Мать не пила за 30 дней, отец пил чрезмерно	21,4	24,1	65,9	67,3	44,4
Мать не пила за 30 дней, отца нет	19,7	20,8	65,9	60,6	43,6
Мать пила умеренно, отец абстинент	24,1	22,4	68,2	69,3	46,2
Мать пила умеренно, отец не пил за 30 дней	28,4	12,7	73,7	66,1	44,4
Мать пила умеренно, отец пил умеренно	23,4	20,4	70,4	65,7	44,5
Мать пила умеренно, отец пил чрезмерно	29,5	31,7	82,9	71,0	53,5
Мать пила умеренно, отца нет	27,8	27,5	77,6	75,1	54,2
Мать пила чрезмерно, отец абстинент	27,3	66,7	46,2	50,0	43,2
Мать пила чрезмерно, отец не пил за 30 дней	25,0	22,2	85,7	100,0	54,2
Мать пила чрезмерно, отец пил умеренно	40,2	27,6	79,1	60,5	51,2
Мать пила чрезмерно, отец пил чрезмерно	41,3	32,1	80,0	77,3	54,7
Мать пила чрезмерно, отца нет	41,8	36,7	83,6	62,0	58,3
Матери нет, отец абстинент	20,0	7,7	55,6	25,8	32,1
Матери нет, отец не пил за 30 дней	33,3	30,8	75,0	50,0	51,7
Матери нет, отец пил умеренно	14,6	20,5	76,1	65,4	46,6
Матери нет, отец пил чрезмерно	43,8	16,7	72,0	76,2	61,8
Матери нет, отца нет	21,8	29,5	75,6	67,9	63,9
Всего	19,6	18,4	63,4	58,4	43,4

Отдельно выделяются ситуации, когда кто-то из родителей пьет чрезмерно, а второго родителя в домохозяйстве нет, — тогда доля пьющей молодежи также выше среднего по выборке. Например, когда в домохозяйстве нет отца, а мать пьет чрезмерно, то доля пьющей молодежи превышает среднее по выборке более чем на 20% (среднее 20% для респондентов 14–17 лет и 60% для респондентов 18–22 лет). Это наблюдение позволяет нам сделать вывод о том, что необходимо учитывать не только объем потребления алкоголя родителями, но и ситуацию, когда кого-то из них нет в домохозяйстве. Однако более важный вывод заключается в необходимости в будущих исследованиях также учитывать сочетания разного статуса потребления алкоголя родителями, ведь эти специфические случаи по-разному могут влиять на вероятность потребления алкоголя респондентами-детьми.

* * *

В данной работе мы поставили перед собой две задачи: 1) изучить, как изменились за последние десятилетия практики потребления алкоголя молодежью; 2) осуществить первые шаги по изучению того, как связаны между собой практики потребления алкоголя детьми и родителями. Исследование было выполнено на основе базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006–2019 гг., так как с 2006 г. имеются данные об абстиненции и стало возможным рассчитать объем потребления алкоголя. Особенностью нашей работы является попытка оценить молодежь с разбивкой на две возрастные подгруппы 14–17 и 18–22 лет. Нижняя граница 14 лет была выбрана ввиду наличия данных о потреблении алкоголя именно с этого возраста. В качестве границы между возрастными подгруппами мы выбрали 18 лет, так как в России официально с этого возраста можно покупать алкогольные напитки. Верхняя граница в 22 года установлена ввиду того, что именно до этого возраста большинство молодых людей еще проживают с родителями, так как это средний возраст окончания бакалавриата вуза. Также мы осуществили попытку изучить данные по потреблению алкоголя молодежью не только по возрастным подгруппам, но и по полу, так как данные для девушек и юношей даже в молодом возрасте могут отличаться.

Для того чтобы оценить основные тренды в потреблении алкоголя молодежью, мы сначала сравнили данные по потреблению алкоголя за последние 30 дней и потреблению алкоголя хотя бы иногда. Как было показано, ввиду нерегулярного потребления алкоголя молодежью более точной оценкой доли пьющей молодежи является оценка по переменной «потребляет алкоголь хотя бы иногда». Мы также изучили изменения в структуре потребления алкоголя молодежью. Было выявлено, что существуют различия скорее по полу, чем по возрастным подгруппам: юноши как 14–17 лет, так и 18–22 лет предпочитают пиво, вино и водку, а девушки пиво, вино и алкогольные коктейли. На основе этого вывода далее мы объединили две возрастные подгруппы для увеличения выборки и построения типологии потребления алкогольных напитков молодежью на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2019 гг. В итоге мы получили четырехкластерную модель: «только пиво», «водка, пиво и др.», «коньяк, виски, ликер, пиво и др.», «вино и пиво». Мы вы-

делили несколько ключевых отличий в типах потребления алкоголя молодежью по сравнению с типологией для всех пьющих россиян старше 16 лет, которую мы анализировали в прошлом выпуске «Вестника РМЭЗ НИУ ВШЭ». Главное отличие состоит в том, что в каждом молодежном типе, во-первых, присутствует пиво, во-вторых – потребление молодежи становится все более смешанным по сравнению со всем населением. Об этом говорят три из четырех выделенных типа, где смешиваются абсолютно разные алкогольные напитки между собой. Так, нами был выделен тип, в котором сочетались все представленные в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ виды алкогольных напитков.

В данной работе мы также осуществили первую попытку по изучению того, как связаны между собой практики потребления алкоголя детьми и их родителями. Полученные нами результаты позволяют обозначить несколько ключевых моментов, которые необходимо учитывать для проведения будущих исследований по этой тематике. Нами было выявлено, что, действительно, большинство молодежи 14–17 и 18–22 лет живут с родителями. В большинстве семей молодежи оба родителя пьют алкоголь, наименее распространенной ситуацией является, когда пьет алкоголь только мать. Мы также отметили, что при изучении влияния на детей потребления алкоголя родителями необходимо учитывать объем потребляемого алкоголя. Например, доля пьющей молодежи в семьях, где есть чрезмерно потребляющие алкоголь родители, выше, чем в среднем по выборке. Нами также была подтверждена гипотеза о необходимости изучать молодежь, во-первых, через разделение на возрастные подгруппы, во-вторых – в зависимости от пола.

Список литературы

Гордеева С. С. Роль семьи в формировании установки на потребление алкоголя у подростков // Дискуссия. 2015. Т. 6, № 58. С. 83–87.

Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994–2018 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2021. Вып. 11. С. 153–174.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население о роли семьи и общества в поддержке детей и престарелых: тенденции последних лет // Народонаселение. 2012. Т. 3, № 57. С. 95–104.

Миронова А. А., Прокофьева Л. М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 103–121.

Поплавская А. А. Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психолога // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 3. С. 84–100. — Рец. на кн.: Твенге Д. Поколение I. Почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / Пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.

Постановление от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в российской федерации» // КонсультантПлюс [сайт]. URL: [consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LA;W;n=2138#05520200943297298](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LA;W;n=2138#05520200943297298) (дата обращения: 20.03.2022).

Прокофьева Л. М. Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение. 2013. Т. 2. С. 72–84.

Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 5. С. 92–117.

Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 7–57.

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63;

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60.

Рощина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Т. 2. С. 238–257.

Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15, № 1. С. 20–42.

Bryant L., MacKintosh A. M., Bauld L. An exploration of the impact of non-dependent parental drinking on children // Alcohol and alcoholism. 2020. Vol. 55, № 1. P. 121–127.

Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries / S. Popova, J. Rehm, J. Patra, W. Zatonski // Alcohol & alcoholism. 2007. Vol. 42, № 5. P. 465–473.

Decreases in adolescent weekly alcohol use in Europe and North America: evidence from 28 countries from 2002 to 2010 / M. D. Looze, Q. Raaijmakers, T. T. Bogt [et al.] // The European Journal of Public Health. 2015. Vol. 25, № 2. P. 69–72.

Radaev V., Roshchina Y. Decline in alcohol consumption in Russia: Collectivity or polarisation? // Drug and Alcohol Review. 2021. Vol. 40, № 3. P. 481–488.

Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age–period–cohort modelling of alcohol use prevalence 1994–2016 // Addiction. 2019. Vol. 114, № 5. P. 823–835.

Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? // Alcohol and Alcoholism. 2020. Vol. 55, № 3. P. 323–335.

Приложение

Таблица А1

Распределение выборки по кластерам, количество наблюдений в каждом кластере и доля от всех валидных наблюдений и всех наблюдений, 2012–2019 гг.

Кластеры	Кол-во наблюдений	Доля всех наблюдений, %	Доля всех валидных наблюдений, %
Пиво	1163	14,2	37,6
Водка и пиво	472	5,7	15,3
Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	719	8,8	23,2
Вино и пиво	741	9,0	23,9
Всего	3095	37,7	100,0
Исключенные случаи	5120	62,3	
Всего	8215	100,0	

Таблица А2

Кластерные центры модели потребления алкоголя, 2012–2019 гг., %

Типы потребления алкоголя	Потребление разного вида алкоголя							
	Пиво, брага	Вино	Крепленое вино	Самогон	Водка	Коньяк, виски, ликер	Коктейли	Другое
Пиво	100	0	0	0	0	0	0	0
Водка и пиво	70	20	10	10	90	20	10	10
Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	50	30	30	0	0	50	40	0
Вино и пиво	30	100	0	0	0	0	0	0
Всего	70	30	10	0	10	10	10	0

Таблица А3

Распределение респондентов от 14 до 22 лет по типам потребления алкоголя, в зависимости от пола, 2012 2016, 2019 гг., %

Год	Пол	Типы потребления алкоголя				
		Пиво	Водка и пиво	Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	Вино и пиво	Всего
2012	Юноши	67	73	36	23	50
	Девушки	33	27	64	77	50
	Всего	100	100	100	100	100
2016	Юноши	64	83	43	13	50
	Девушки	36	17	57	87	50
	Всего	100	100	100	100	100

Продолжение таблицы А3

Год	Типы потребления алкоголя					
	Пол	Пиво	Водка и пиво	Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	Вино и пиво	Всего
2019	Юноши	72	81	32	21	50
	Девушки	28	19	68	79	50
	Всего	100	100	100	100	100
Всего	Юноши	66	76	41	21	51
	Девушки	34	24	59	79	49
	Всего	100	100	100	100	100

Таблица А4

Распределение респондентов от 14 до 22 лет по типам потребления алкоголя, в зависимости от типа места жительства, 2012, 2016, 2019 гг., %

Год	Типы потребления алкоголя					
	Тип места жительства	Пиво	Водка и пиво	Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	Вино и пиво	Всего
2012	Москва, Санкт-Петербург	11	14	16	14	14
	Областной центр	38	26	43	45	39
	Город	23	28	27	17	24
	Поселок городского типа, село	28	32	13	24	24
	Всего	100	100	100	100	100
2016	Москва, Санкт-Петербург	10	5	17	23	14
	Областной центр	46	27	41	36	40
	Город	18	32	23	26	23
	Поселок городского типа, село	25	37	19	14	23
	Всего	100	100	100	100	100
2019	Москва, Санкт-Петербург	14	12	25	22	18
	Областной центр	40	37	34	33	36
	Город	21	19	25	24	22
	Поселок городского типа, село	26	33	15	21	24
	Всего	100	100	100	100	100
Всего	Москва, Санкт-Петербург	11	10	17	19	14
	Областной центр	39	31	42	41	39
	Город	24	27	24	23	24
	Поселок городского типа, село	26	32	17	17	23
	Всего	100	100	100	100	100

Таблица А5

Распределение респондентов от 14 до 22 лет по типам потребления алкоголя, в зависимости от уровня образования, 2012, 2016, 2019 гг., %

Годы	Типы потребления алкоголя					
	Уровень образования	Пиво	Водка и пиво	Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	Вино и пиво	Всего
2012	Законченное среднее	79	73	74	74	76
	Среднее специальное	15	20	15	17	16
	Высшее и выше	6	7	10	9	8
	Всего	100	100	100	100	100
2016	Законченное среднее	47	59	51	49	50
	Среднее специальное	48	32	44	45	44
	Высшее и выше	5	10	5	6	6
	Всего	100	100	100	100	100
2019	Законченное среднее	54	50	42	45	48
	Среднее специальное	44	46	49	50	47
	Высшее и выше	1	4	8	5	4
	Всего	100	100	100	100	100
Всего	Законченное среднее	67	63	62	58	63
	Среднее специальное	29	30	30	34	31
	Высшее и выше	4	6	8	8	6
	Всего	100	100	100	100	100

Таблица А6

Распределение респондентов от 14 до 22 лет по типам потребления алкоголя, в зависимости от возрастной подгруппы, 2012, 2016, 2019 гг., %

Год	Типы потребления алкоголя					
	Возрастная подгруппа	Пиво	Водка и пиво	Коньяк/виски/ликер, пиво и др.	Вино и пиво	Всего
2012	14–17	15	3	12	14	12
	18–22	86	97	88	86	88
	Всего	100	100	100	100	100
2016	14–17	10	7	8	15	10
	18–22	90	93	92	86	90
	Всего	100	100	100	100	100
2019	14–17	17	8	7	16	13
	18–22	83	92	93	84	87
	Всего	100	100	100	100	100
Всего	14–17	13	5	9	15	11
	18–22	88	95	91	85	89
	Всего	100	100	100	100	100

doi: 10.19181/rlms-hse.2022.5

ALCOHOL CONSUMPTION BY RUSSIAN YOUTH AND THEIR PARENTS IN 2006–2019

Kondratenko V. A.

Abstract. We examine the main trends in alcohol consumption among young people aged 14–17 and 18–22 based on the data from “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) for the years 2006–2019. Over the years a decreasing number of young people consume alcohol and their consumption is highly irregular. For this reason, to estimate the proportion of young people consuming alcohol, we use the question “Do you consume alcohol, at least occasionally?” in the RLMS-HSE questionnaire. Based on the data for 2012–2019, we identify four types of alcohol consumption among young people: “only beer”, “vodka, beer and other drinks”, “cognac / whiskey / liquor, beer and other drinks”, “wine and beer”. The main differences between these four types and the types of alcohol consumption that characterize drinking habits of the Russian adults are that all four types include beer and most of them comprise two or more kinds of drinks. In addition, we consider the relationship between the consumption patterns of children and their parents. Parents drink alcohol in most families with children aged 14–22. However, the likelihood of children drinking depends on the amount of alcohol consumed by their parents rather than the mere fact of parental alcohol consumption. If parents are prone to excessive alcohol use their children are more likely to drink. Alcohol use in teenagers aged 14–17 is heavily influenced by the excessive alcohol consumption of their mothers, while the excessive alcohol use of the fathers doesn’t have the same effect. Parents’ absence from the household also negatively affected the level of alcohol consumption of their children. Father’s absence in combination with mother’s excessive alcohol use markedly increases the likelihood of young people drinking alcohol.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, alcohol, alcohol consumption, drinking, teenagers, young adults, family

References

- Gordeyeva S. S.* Rol’ sem’i v formirovaniy ustanovki na potrebleniye alkogolya u podrostkov // Diskussiya. 2015. T. 6. № 58. С. 83–87.
- Kondratenko V. A.* Struktura i tipy potrebleniya alkogolya v Rossii v 1994–2018 gg. // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov’ya naseleniya NIU VShE. 2021. Vyp. 11. S. 153–174.
- Korchagina I. I., Prokof’yeva L. M.* Naseleniye o roli sem’i i obshchestva v podderzhke detey i prestarelykh: tendentsii poslednikh let // Narodonaseleniye. 2012. T. 3. № 57. S. 95–104.
- Mironova A. A., Prokof’yeva L. M.* Sem’ya i domokhozyaystvo v Rossii: demograficheskiy aspekt // Demograficheskoye obozreniye. 2018. T. 5, № 2. S. 103–121.
- Poplavskaya A. A.* Chto my znayem o molodēzhi XXI veka? Amerikanskiye podrostki glazami psikhologa // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2020. T. 21. № 3. S. 84–100. – Rets. na kn.: Tvenge D. Pokoleniye I. Pochemu pokoleniye interneta utratilo buntarskiy dukh, stalo boleye tolerantnym, meneye schastlivym – i absolyutno ne gotovym ko vzrosloy zhizni i chto eto znachit dlya vsekh ostal’nykh / Per. s angl. A. Tolmacheva. M.: RIPOL klassik, 2019. 406 s.
- Postanovleniye ot 3 iyunya 1993 g. № 5090-1 “Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy federatsii” // Konsul’tantPlyus [site]. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2138#05520200943297298 (data obrashcheniya: 20.03.2022).
- Prokof’yeva L. M.* Semeynaya struktura naseleniya Rossii: tendentsii poslednego desyatiletiya // Narodonaseleniye. 2013. T. 2. S. 72–84.
- Radayev V. V., Kotel’nikova Z. V.* Izmeneniye struktury potrebleniya alkogolya v kontekste gosudarstvennoy alkogol’noy politiki v Rossii // Ekonomicheskaya politika. 2016. T. 11, № 5. S. 92–117.
- Radayev V. V., Roshchina Ya. M.* Izmereniye potrebleniya alkogolya kak metodologicheskaya problema // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye (Sotsiologiya: 4M). 2019. № 48. S. 7–57.

Radayev V. V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoye i empiricheskoye obosnovaniye. (Pervaya chast') // Sotsiologicheskij zhurnal. 2020. T. 26, № 3. S. 30–63.

Radayev V. V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoye i empiricheskoye obosnovaniye. (Okonchaniye) // Sotsiologicheskij zhurnal. 2020. T. 26, № 4. S. 31–60.

Roshchina Ya. M. Dinamika i struktura potrebleniya alkogolya v sovremennoy Rossii // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSh·E. 2012. Vyp. 2. S. 238–257.

Roshchina Ya. M., Martynenko P. A. Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh rossiyskikh gorodakh // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2014. T. 15, № 1. S. 20–42.

Bryant L., MacKintosh A. M., Bauld L. An exploration of the impact of non-dependent parental drinking on children // Alcohol and alcoholism. 2020. Vol. 55, № 1. P. 121–127.

Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries / S. Popova, J. Rehm, J. Patra, W. Zatonski // Alcohol & alcoholism. 2007. Vol. 42, № 5. P. 465–473.

Decreases in adolescent weekly alcohol use in Europe and North America: evidence from 28 countries from 2002 to 2010 / M. D. Looze, Q. Raaijmakers, T. T. Bogt [et al.] // The European Journal of Public Health. 2015. Vol. 25, № 2. P. 69–72.

Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age–period–cohort modelling of alcohol use prevalence 1994–2016 // Addiction. 2019. Vol. 114, № 5. P. 823–835.

Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? // Alcohol and Alcoholism. 2020. Vol. 55, № 3. P. 323–335.

Radaev V., Roshchina Y. Decline in alcohol consumption in Russia: Collectivity or polarisation? // Drug and Alcohol Review. 2021. Vol. 40. № 3. P. 481–488.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: skenya@list.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый зам. директора
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных исследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Кондратенко Валерия Александровна

Студент магистратуры факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований
и преподаватель кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ

E-mail: vkondratenko@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук,
руководитель Центра методологии социологических исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
главный эксперт Центра лонгитюдных исследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ea163100@mail.ru

Харитоновна Анастасия Александровна

Студент магистратуры факультета социальных наук НИУ ВШЭ

E-mail: aakharitonova_3@edu.hse.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдииков

Уч.-изд. л. 12. Объем 2,17 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru